

Сердоболь

13-14 выпуск

Тема: «Валаам под красным флагом»

ГОРОДСКОЙ АЛЬМАНАХ * KAUPUNGIN ALMANAKKA

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АЛЬМАНАХА

СОРТАВАЛА:

Книжный магазин "Айно" ул. Карельская, 31
Книжный магазин "Буквоед" ул. Карельская, 42
Магазин "Мальборо", ул. Кирова, 1
Музей Северного Приладожья,
ул. Ладожской флотилии, 5
Выставочный зал, ул. Комсомольская, 6
Гостиница "Каунис", ул. Ленина, 3
Туркомплекс "Дворик с трубой"
Фойе городской больницы
Магазин "Нево-маркет", пл. Кирова, 13
Магазин "Петровский", ул. Комсомольская, 3/5
Сувенирная лавка на причале
«Бюро путешествий», ул. Комсомольская 11
Отделения почтовой связи
Магазин «Кондор», ул. Советская 17

ПИТКЯРАНТА:

Газетные киоски города

СУОЯРВИ:

Книжный киоск в Администрации

ЛАХДЕНПОХЬЯ

Кафе «Рундучок» ул. Ленина 2

ВЫБОРГ

Книжный магазин «Слово», пр-т Ленина
Магазин сувениров при Музее-крепости

ПЕТРОЗАВОДСК:

Книжный магазин "Экслибрис", ул. Энгельса, 13
Магазин "Карельские мастера" ул. Ленина, 1
Киоск ПетрГУ, ул. Ленина, 33
Магазин «Лавка чудес», ул. Ленина, 15
Магазин «Школьный мир», ул. Ленина, 24.

ПРИОЗЕРСК:

Музей - крепость "Корела"

САНКТ - ПЕТЕРБУРГ:

Лавка Валаамского монастыря,
Синопская наб., 34/36
Магазин "Товары для художников",
ул. Льва Толстого, 3/5
Галерея "Борей", Литейный пр., 58
Магазин "Культопросвет", ул. Пушкинская, 10
Книжный киоск «Автобус»,
вестибюль метро «Невский проспект-2»

МОСКВА:

Глинищевский переулок, 6.

ООО сортаваловское БЮРО ПУТЕШЕСТВИЙ И ЭКСКУРСИЙ

экскурсии на Валаам
отдых на курортах
страховки
ВИЗЫ

тел/факс (81430) 4-74-81

ул. Комсомольская д. 11
e-mail: sburo@onego.ru

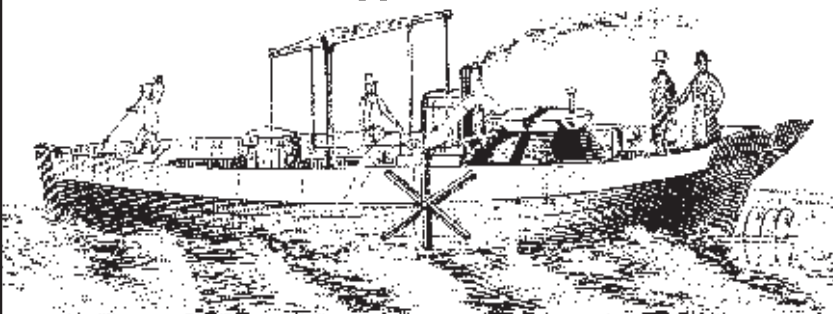

Хутор «Ёлки»

лошадки * молоко * размещение * WiFi * кемпинг * водопад

8-921-456-43-83 N 61.54.38 E 30.36.26 www.avtoexkurs.ru

ПОЕЗДКИ НА БЫСТРОХОДНЫХ КАТЕРАХ И ТИХОХОДНОМ КОРАБЛЕ

по Ладожским шхерам

ГОТОВЫЕ МАРШРУТЫ ПО САМЫМ КРАСИВЫМ ОСТРОВАМ
ВЫВОЗ КОМПАНИЙ НА ПИКНИКОВЫЕ МЕСТА
ВОДНЫЕ ЭКСКУРСИИ ДЛЯ КОРПОРАТИВНЫХ ГРУПП
по ближним островам, на Путсаари и Пеллотсари

www.ladoga-valaam.ru

e-mail: info@ladoga-valaam.ru тел: +7(921)7264708

WWW.AVTOEXKURS.RU ПАРК ПРИКЛЮЧЕНИЙ «Каньон»

8(921)623-56-24

N 61.56.41
E 30.34.48

Прибытие гидросамолёта на остров Валаам. 1973г. Фото Н. Юопери

“Город Сортавала, остров Валаам...” - так начинаются адреса на почтовых отправлениях, доставляемых в островную часть города, расположенную в 40 километрах от его береговой линии. Сортавала (Сердоболь), возможно, единственный город в мире, имеющий подобное территориально - административное устройство.

Уникальность удалённого от центра городского района связана в основном с его богатейшей древней историей. В первую очередь с историей Валаамского монастыря, деятельность которого во многом влияла на городскую жизнь как в духовной, так и в культурной и экономической областях.

В 8 выпуске Альманах публиковал фрагмент книги историков И. Смирновой и О. Ярового “Валаам: под флагом Финляндии”. Настало время осветить последующий период острова. Тем более, когда ещё есть очевидцы и участники событий недавней советской истории Валаама.

“Валаам под красным флагом” - такое название носит тематически составленный номер журнала. Собранные под одной обложкой материалы освещают как известные страницы истории посёлка Валаам, так и впервые представленные читателю воспоминания, архивные исследования и фотодокументы. Альманах “Сердоболь” надеется этими публикациями не только удовлетворить общественный запрос на знание недавней отечественной истории, но и развеять устоявшиеся мифы по поводу функционировавшего на острове Дома инвалидов.

ГОРОДСКОЙ Сердоболь АЛЬМАНАХ

Редколлегия

Арт-директор
Виталий Рысов
генеральный секретарь
Светлана Романова
Игорь Борисов,
Людмила Грацианова,
Наталья Зайцева,
Валентина Кирыянова,
Лариса Печёрина

Координаты

Республика Карелия,
186790 г.Сортавала (Сердоболь)
ул.Гагарина, д.3, кв.2
тел.+7 (921) 604-09-61

Skype: almanah-serdobol
e-mail: serdobol-almanah@yandex.ru
сайт: serdobol.sortavala.info

Благотворители

Номер вышел при
финансовой поддержке:

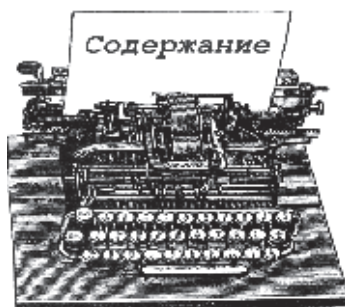
Авакяна В.М.,
Анисковец Т.В.,
Ветрогонского М.А.,
Лебедева А.А.,
Мурадова Ф.Б.

P. S

Обладатель почётного диплома
российского конкурса
краеведческих периодических
изданий (2010)

Мнения авторов могут
не совпадать с позицией редакции
Альманах издаётся с марта 2008г.

Выпуск 13-14
январь 2013 год
тираж 999 экз.

ТЕМА

БАЛААМ ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ

Школа боцманов ВМФ

4

Валаамский Рыбпромкомбинат

12

Выбранные места
из ведомственной переписки

16

Дом инвалидов

20

Музей-заповедник

30

ОБИТАТЕЛИ

Островитяне

42

Учительница

55

Экскурсоводы

Е. Кузнецов

62

С. Бусахин и А. Куршин

72

животное

90

ВИЗИТЁР

Добров

93

АРХИВ

“Красное Знамя”
о Валаама

104

Генплан 1982-1987 гг.

107

СТАРАЯ КНИГА

114

TIIVISTELMÄ

127

Школа боцманов ВМФ

В изданной в 2008 году книге писателя, поэта и краеведа Владимира Судакова «Поле неуставшей памяти» собран большой материал по истории Валаамской школы боцманов ВМФ Советского Союза.

Автор многие годы жил и работал в г.Сортавале, до сих пор является страстным патриотом и исследователем истории своей малой родины. Много помощи оказывает нашему альманаху.

В 2010 году был награждён почётным званием «Сердобольный гражданин», которое учредило наше издание и присваивает за сердечные отношения к людям и за заслуги перед городом.

Отрывками из глав, посвященных жизни юнг на Валааме в 1940 - 1941 гг., мы знакомим читателя с творчеством нашего земляка и соратника. Надеемся, что в последующих номерах Владимир Судаков предстанет на страницах альманаха и другими гранями своего таланта.

Владимир Судаков
ПОЛЕ НЕУСТАВШЕЙ ПАМЯТИ
Петрозаводск: "Карелия", 2008.

«ГДЕ ТВОЯ ПОВЕСТКА?...»

В начале сентября 1983 года небо над Валаамом от края до края затянулось тучами, дождик нудил, не переставая, а тут с утра – легкая голубизна, теплое солнце. Как по заказу, ибо на еще не монастырском, но – музейном архипелаге ждали долгожданных гостей. Переписка, назначение сроков, утряска того, сего... И вот в узкую бухту входит серая громада теплохода «Саша Ковалев». На палубе среди праздничных форменных и белых бескозырок мальчишек и девчонок, курсантов Новгородского КЮМа – клуба юных моряков (это их учебный корабль) – фигуры пожилых мужчин и женщин.

Разворот, быстрая швартовка у причала, и они, четырнадцать ветеранов – бывшие курсанты и юнги существовавшей на Валааме в 1940-1941 годах школы боцманов ВМФ, некоторые вместе с женами и детьми – сходят на берег своей предвоенной юности. Сходят, понятно, всматриваясь в стоящие на всхолмье монастырские строения, и громко говорят, жестикулируя: «Там казарма наша была... Слушай, вон и лестница, помнишь?..»

<...>

В 1940 году нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов подписал приказ о создании единой школы боцманов с дислокацией на Валааме, только что ставшем советским. Начальником школы был назначен капитан-лейтенант А. И. Востриков, комиссаром – участник гражданской войны К. Ф. Зеленков. В августе на архипелаг уже прибыли курсанты двух школ боцманов, до того размещавшихся на учебных кораблях Черноморского и Балтийского флотов. На Валааме им предстояло завершить обучение. Одновременно с боевых кораблей всех флотов и флотилий страны происходил отбор моряков срочной службы для обучения во вновь созданной школе. В августе же по наркомату издается приказ об организации – первой в истории СССР – роты юнг, которая предполагалась как особое подразделение, но затем было решено придать ее к этой школе.

«...У Военно-морского училища имени Фрунзе Виктор (Шишкин, будущий юнга Валаамской школы боцманов ВМФ СССР. – В. С.) остановился. И кто бы не остановился, увидев тяжелые якоря у входа, медлительные цепи... Тут внимание Виктора привлекло объявление: в школу боцманов набирались мальчишки-юнги не младше пятнадцати лет. В эту минуту жизнь Виктора... сделала крутой поворот. Бегом помчался на Полозную... собрал документы, отвез в училище и стал ждать... И

наконец – повестка!.. Повестка – это же пропуск в будущее! Они собрались на набережной задолго до часа, назначенного в повестке. В десять часов ноль-ноль минут вышел моряк с бело-синей повязкой на рукаве и кинжальным штыком у пояса – рассыльный, показал, как пройти в приемную комиссию.

– Вы думаете, на флоте служить – клешами бульвар подметать? – хитровато спросил у Шишкина комиссар школы боцманов Карп Федорович Зеленков. – Мол, «мы матросы – морей альбатросы»? Морское дело дерзкое, тяжелое и упорное. Только голову упрямей нагнул Шишкин...» (И. Андреева. Мальчики сорок первого. Док. повесть//«Пионер», 1975, №5. С. 6-7)

Приемная комиссия по отбору 15-16-летних юношей, возглавляемая комиссаром школы К. Ф. Зеленковым (действовала при Военно-морском училище имени Фрунзе), работала около месяца. Как предположительно установили музейщики, более тысячи мальчишек мечтали попасть в школу, а после тщательной проверки в конце сентября 123 будущих юнги были посажены на «Володарский» и доставлены на Валаам. Здесь к ним присоединился 124-й – ранее числившийся юнгой при школе боцманов Коля Бар – племянник Николая Герасимовича Кузнецова (!) по жене.

«И они заснули до самого утра. Утром высыпали на палубу. Вокруг сверкала Ладога. Огромные гранитные валуны сползали с отвесных берегов, из трещин пробивались легкие деревца, плясали на ветру. А по берегам – прохладный, неслышно шумящий лес. Впереди, по носу корабля, над голубой толщей воды поднялся Белый Никольский скит... Словно кто платочком махнул. И в ответ взмахнули ленточками десятки бескозырок. Кто-то в отчаянном восторге швырнул свою бескозырку в воду, и уже стая бескозырок плывет-качается в блистающих водах...

Так рассказал мне Леонид Перепеч... Было ли так на самом деле... А если даже и не было... И я прошу свидетелей, что остались в живых: не оспаривайте... мальчишечью мечту!.. «Володарский» вошел в Монастырскую бухту, и запах воды перекрыл крепкий смоляной запах развешанных на берегу сетей». (И. Андреева. Мальчики сорок первого. Док. повесть//«Пионер», 1975, №5. С. 6-7.)

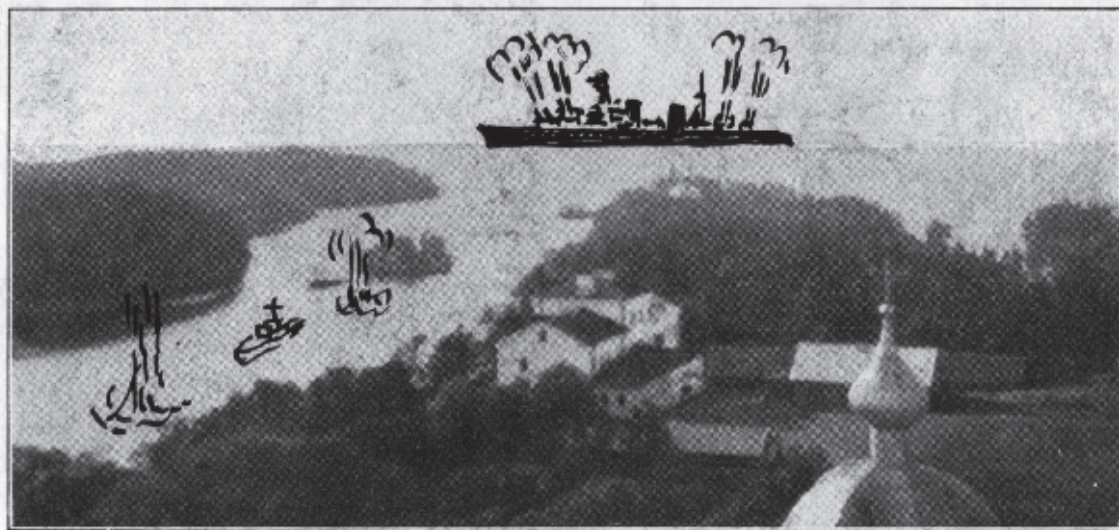
ОСТРОВ ЮНОСТИ

Мощный остров с дикими крутыми скалами, таинственными мелкими островками рядом, множеством бухточек. Чем не мир из книг А. Грина, Р. Стивенсона и Ж. Верна? Даже трудные будни, начавшиеся с первых же дней, не отбили в их душах чувства восхищения здешней природой. Так и остался он в их цепкой памяти навсегда. «На острове очень красивая местность. Я еще не видел такой...» – из письма родителям юнги Коли Никандрова.

Итак, было создано три роты. Первая – собранные из корабельных школ не успевшие там сдружиться боцмана (они на Валааме сразу стали второкурсниками), вторая – тоже боцмана, но пришедшие в школу с гражданки по срочному набору (первый курс) и собственно рота юнг – из числа добровольцев до 18 лет, отобранных той самой комиссией при ВМУ имени Фрунзе.

«Я вижу мальчишек в жестких робах перед толстенным зданием бывшей монастырской гостиницы. Юнги сами перестраивали гостиницу, превращая тесные кельи в просторные аудитории и кубрики.

Потом роботы зацвели пятнами краски... А вот, кажется, новый персонаж – среди ведер с красками и носилок с цементом прыгает веселая черная дворняга, перепачканная от ушей до кончика хвоста. Дворняга встретила юнг на берегу залиvistым добродуш-

Rantakuva — Strandbild — Strandbild — From the sea shore —
Le rivage de là mer — Береговой видъ

начальник школы боцманов А.И. Востриков;
занятия юнг по такелажу. Валаам, 1940-41гг.

ным лаем, тут же получила кличку Монах и носится за ребятами по всему острову.

Передо мной двор школы: ветер раскачивает канаты и шторм трапы, по которым юнги взбираются с ловкостью... необходимой... на парусных кораблях. Вот под управлением бывшего боцмана капитан-лейтенанта Емельяна Лаврентьевича Костюченко юнги осваивают морские узлы, плетут маты, и Монах треплет концы старого троса, называемого «шхимушкой». Им пришлось узнать столько слов! И выучить столько языков, на которых переговариваются между собой корабли: азбуку Морзе, семафор, сигналы боцманской дудки...

Я вижу, как повалила на остров зима. Юнги уходят в лыжный поход. Впереди политрук Лапин... Он поставил перед юнгами задачу: «На лыжах – как на ногах!» Трудно передать, кем был для них политрук Лапин. Из винтовки он бил, как снайпер, приемы борьбы знал, как разведчик, владел ножом с искусством фокусника. Юра Корчагин, который во время финской кампании воевал в батальоне Лапина, рассказывал чудеса о его храбрости. Мальчишки так хотели во всем быть похожими на политрука, что незаметно для себя присваивали его жесты, привычки». (И. Андреева. Мальчики сорок первого. Док. повесть//«Пионер», 1975, №5. С. 7-8.)

Распорядок дня курсантов и юнг регламентировался флотским уставом для учебных заведений. Программа обучения: кораблеустройство, кораблевождение, такелажное, шлюпочное, химическое, стрелковое дело, организация ВМФ, сигнальная связь, строевая подготовка. Учились в основном по конспектам, так как учебников почти не имелось. Наглядные пособия делали сами. Особо любимо у юнг и курсантов было такелажное дело – вязали морские узлы, сращивали стальные и пеньковые тросы, плели кранцы и маты. Трудно, но, как приговаривал старшина Булда-

ков: «Терпение и труд...». По каждому предмету, естественно, сдавали зачеты и экзамены. А в период навигации юнги и курсанты проходили практику на шлюпках и учебных парусно-моторных шхунах «Учебка» (командир П. Ф. Ваганов) и «Практика» (А. А. Мотавкин): Ладога простором своим да и норовом так напоминала море! А кроме учебных занятий – кружки самодеятельности, фотодело, выпуск стенгазет «Юнга», «Якорь» и «Полундра», физкультура и спорт.

Очень увлекались курсанты и юнги штангой и перетягиванием каната, а силачи «шутили» с двумя якорями, стоящими на дворе, переставляя их с места на место. Нагрузка серьезная. Не все выдерживали, некоторых списывали «на материк».

В школе работали опытные преподаватели и воспитатели. Особо любимыми были командиры учебных шхун Ваганов и Мотавкин, командир роты юнг А. Т. Генрих, дававшие кораблевождение и такелажное дело А. М. Сливкин и И. В. Россинский. Но больше всего тянулись ребячьи души к своему политруку Даниилу Сергеевичу Лапину, кавалеру ордена Красной Звезды, в недавнюю советско-финляндскую войну водившего разведчиков в тыл врага. «Я благодарен роте юнг. Она дала мне закалку и моральную, и патристическую», – как оценил за всех бывший юнга А. С. Решетников.

23 февраля 1941 года вторая рота курсантов и рота юнг приняли военную присягу, и мальчишки наконец-то прикрепили к бескозыркам ленточки «Школа боцманов ВМФ».

В недолгие часы досуга они втихаря (ну как без этого!) ремонтировали в одной из укромных островных бухточек найденную ничейную шлюпку: просмолили, покрасили, очистили от ржавчины уключины, выстругали новые весла. И накануне шлюпочных занятий показали свое детище с названием «Юнга» препода-

Пароход «Володарский», доставивший юнг в 1940 г. на Валаам.

18 учебная смена на острове Валаам 7 ноября 1940г.

вателю морской практики капитан-лейтенанту Е. Л. Костюченко. Старый моряк реагировал строго по уставу: объявил выговор, хотя в душе...

Позже писатель А. П. Штейн вспоминал (может, несколько романтично?) о тех днях: «Летом сорокового года я проходил морской сбор на острове Валаам и встретил... мальчика с томиком рассказов Грина в руках... Я очень полюбил этих ребят, когда общался с ними на острове, когда ходил с ними в учебные походы по бурливому и капризному озеру, гулял с ними в лесу, рассматривая следы недавней ушедшей отсюда странной, чужой жизни – часовенки в бору, пустыньки, выдолбленные из дерева гробы, в которых спали отшельники, – на коре одной из таких лесных постелей было вырезано ножичком проклятие большевикам от бежавших из-под Курска в 1933 году неких братьев Кондратьевых...»

«А вот и весна взбежала на ступени собора пышными кустами сирени. Закричали в кустах соловьи – нахальные, палкой не разгонишь. Защелкали над озером сухие команды: «Отваливай! Весла разобрать! Легче грести!» Началась практика на шлюпках. Ладони стали жесткими, почернели шеи от молодого загара. А в бухте ребят ждали шхуны «Учеба» и «Практика», ждали «кругосветные» путешествия вокруг Валаама...

В своем письме, датированном 10 июня сорок первого, юнга Никандров сообщал на родину: «Теперь у нас будет гребля веслами и хождение под парусами... А потом (после 1 августа. – В. С.) пойдём на шхуны, большие парусные корабли». Так все и началось, но наступило 22 июня» (И. Андреева. Мальчики сорок первого. Док. повесть // «Пионер», 1975, №5. С. 8.)

Великую Отечественную войну почти весь личный состав встретил, находясь на шлюпках и кораблях «Учеба» и «Практика» с курсантами на борту. Узнали о ней на рейде г. Сортавала, когда ожидали с берега артистов, а к кильватерной колонне юнговских шлюпок, ведущих «кругосветку» вокруг архипелага, подлетел катер связи... Все срочно вернулись в школу – был объявлен общий сбор. В тот же день прошло и объединенное комсомольское собрание, принявшее одну

резолюцию: «Проситься в бой». И сразу на имя начальника школы Семена Анатольевича Воспанкова (он сменил в декабре 1940 года Вострикова) и на имя комиссара стали поступать рапорты об отправке на действующий флот. Как писал 25 июня юнга Петр Мухин, «человек я военный и...». Через три месяца он погиб смертью храбрых.

Родину надо было оборонять на всех ее рубежах. Юнги и курсанты школы на своих шхунах под огнем противника помогали буксировать баржи с ранеными бойцами 168-й стрелковой дивизии, защищавшей Северное Приладожье. Обучались штыковому бою, несли дозорную службу по охране архипелага, ухаживали за привезенными с материка ранеными в палатках, что были раскинуты на острове.

В июле курсантам-второкурсникам первой роты присвоили звания старшин и распределили во флоты и флотилии ВМФ СССР. Остальные после возвращения на архипелаг продолжили здесь дозорную службу, но уже в составе 4-й бригады морской пехоты (командир генерал-майор Б. П. Ненашев, комиссар И. П. Вайдо), которая формировалась на Валааме: 16 сентября согласно приказу часть курсантов и юнг вошла в состав 1-й отдельной стрелковой роты морской пехоты. Уже через три дня канонерские лодки «Бира», «Буря» и «Селемеджа» с ротой на борту вышли на траверз маяка Осиновец на юге Ладоги.

Другая часть – в состав охраны водного района (ОВР) Ладожской военной флотилии и принимала участие в боевых операциях по обороне Волхова и ладожского побережья, в прикрытии «Дороги жизни», в разведывательных десантах на острова. Известно, что такие десанты высаживались и на Валаам, когда его уже оставили наши войска. В ходе одной из этих разведок в 1943 году здесь погибли юнга Евгений Емец и старшина роты юнг Игорь Горбунов...

В девятой книжке журнала «Север» за 1983 год была опубликована повесть петрозаводского писателя Виктора Пулькина «Добрая паветеръ» о знаменитом (великом?) русском сказочнике из Карельского Поморья Матвее Михайловиче Коргуеве, где есть и страницы об одном из его сыновей, Андрее Матвееви-

Валаамские юнги на отдыхе. 1940 г.

че. А именно о том, как Андрей, будучи членом экипажа судна Валаамской школы, участвовал в боевых действиях. Построение «Паветери» – как бы рассказ дочери сказочника автору. И нам. Предупреждаю, что повесть по жанру – не строгий документ, хотя в ней и максимальное стремление к правде: дочь такого человека говорит! И так...

«Двадцать второго июня они стояли в Сортавале, на Ладожском озере. В воскресенье у них, на парусно-моторной шхуне «Практика», – увольнение на берег. Вот они и отпустили всех курсантов из школы боцманов... шхуна-то учебная. А в полдень выстроили команду на верхней палубе: «Война!» Перекрасили шхуну в серый цвет. Паруса с мачт сняли. Поставили на мостике пулемет. И стала парусная шхуна боевым дизельным кораблем. А наш Андрей на ней – сигнальщиком и рулевым. По боевому расписанию еще и пулеметчиком. Ходили вдоль побережья – от Сортавалы до Питкяранты. Патрулировали, закрывая подход в заливы вражеским судам. Перевозили эвакуированных, войска.

– А что, Андрюша, было с тобой днем тридцать первого июля?

А вот что было в этот день. Рано утром командир шхуны капитан-лейтенант Ваганов заметил, что с матерой земли на острова переправляются финны, перевозят на плотах и лодках орудия, пулеметы. Нель-

зя допустить: укрепятся, понаставят пушек, пулеметных гнезд, не подступишься к берегу. И маленькая учебная шхуна ринулась в бой против береговых батарей с одним только пулеметом. Вода вокруг кораблика закипела от разрывов... После боя матросы «Практики» насчитали до двухсот пробоин – орудийных, пулеметных, винтовочных... Забили дыры корабля деревянными пробками-«чапами», раны перевязали, вышли в озеро выполнять боевую задачу. В этом бою и был ранен Андрей. Потом еще несколько раз его ранило. Это уже когда ходил по «Дороге жизни», из Кобоны в Морью, к Осиновецкому маяку. Возил в Ленинград продовольствие, боеприпасы, оттуда – эвакуированных и раненых.

...Писал наш Андрей, что за навигацию сорок второго года шхуна перевезла из Морьи в Кобону тридцать тысяч эвакуированных ленинградцев. А сколько «Практика» закинула в тыл врага наших десантников, сколько мин поставила – это военная тайна!»

<...>

КТО ПРОДОЛЖИТ ПОИСК?

...Ветераны при орденах и медалях построились в колонну и с зеленой гирляндой прошли к гранитному монументу морякам Ладожской Краснознаменной военной флотилии: он стоит рядышком с пристанью, что в Монастырской бухте. На коротком митинге бывший юнга Дмитрий Андреевич Сулимов сказал: «Мы у памятника нашим товарищам...»

Возложена гирлянда. Минута молчания – тихая в заповедной Валаамской тишине.

Ребята из новгородского КЮМа сняли бескозырки и, печатая шаг, прошли по гранитным плитам мимо обелиска. Ветераны двинулись к монастырскому зданию Зимней гостиницы, в котором когда-то размещались их учебные классы.

– Вот здесь был пост у дневального... Слушай, Коля, а ведь это наш кубрик!.. – возгласы со всех сторон.

Входили в классы (там тогда размещалась местная восьмилетняя школа, учащиеся которой под руководством В. А. Молчановой, кстати, первыми, еще в 1970-х годах, начали поиск бывших юнг и курсантов, и уже потом эту работу подхватили сотрудники музея, придав ей обстоятельность и серьезность ученых). Входили, трогали стены, объясняли музейщикам, какими они увидели эти помещения-кели в 1940 году, что за мебель тут находилась, где стояли печи... Ценные сведения при восстановлении интерьеров. Юные новгородцы и ветераны толпились в классах, в коридорах, у изготовленных еще школьниками тогда, в семидесятых, стенгазет «Юнги Валаама. 1940-1941 гг.», где были вклеены старые снимки – подернутая поволокой времени карточка «юнги №1» Н. Бара, группа курсантов перед уходом на фронт, снимок из-под Невской Дубровки... И опять воспоминания о годах юности, о занятиях в классах, учебных тревогах, лыжных гонках и шлюпочных походах. Н. А. Бар (Москва): «На Валаам я прибыл 23 мая 1940 года и был зачислен юнгой в школу боцманов. Мне еще шестнадцать не исполнилось, роста маленького и потому формы нужных размеров для меня, конечно, не нашлось. А так хотелось

выглядеть моряком, как мои старшие товарищи-курсанты! И курсанты сами скроили и сшили мне рабочее платье (робу) и бескозырку. Полную форму заимел позже, когда организовалась пошивочная мастерская. До сих пор с большой благодарностью вспоминаю очень теплое отношение ко мне боцманов Николая Пустошного, Виктора Коновалова, командира отделения Фастовича, которые помогали мне стать полноправным членом коллектива. Летом на учебном корабле «Комсомолец» участвовал в походах на Ригу, Таллин, Либаву (ныне Лиепая. — В. С.). А в октябре 1940 года, когда вернулся на Валаам, меня перевели в роту юнг, которая к тому времени была организована при школе. Сначала такой перевод обидел: как же, ведь я считал себя чуть ли не «морским волком», а меня к «салажатам». Но появились новые друзья, уже сверстники, началась учеба и все стало на свои места...»

Е. А. Пылин (Ленинград): «Жил в Ленинграде, на Васильевском острове, ходил на лодке ловить рыбу. Море любил и, как узнал от знакомых о роте юнг, решил пойти. В детстве мечтал стать кавалеристом, так как любил еще и лошадей, а получился — моряк. Но не разочаровался. Приехал на Валаам. Поразила здешняя тишина, вселяющая спокойствие, а также природа. Часто ходил по скалистым берегам, смотрел на Ладогу. Командиром отделения у нас назначили Кулагина, отзывчивого и доброго человека, сумевшего сплотить нас. Запомнился Емец: крепкий был паренек. Он выдвинул идею, чтобы все в смене — а роты были разделены на пять смен по 20-25 человек в каждой — должны «выкинуть» рукой двухпудовую гирию. Увлёк всех и достиг своего. Когда нас водили строем на обед, мы почти всегда шли с песнями. Запевалой был Миша Гурьев. Любимые песни: «Валаам мы не сдадим — боцманов столицу...» и «Три танкиста»...

В июне сорок первого над нами пролетел самолет с крестами на крыльях. Я в это время стирал белье в Монастырской бухте, тут же рядом юнги на плотках сражались — вели «морской» бой. Был митинг. Нам объявили, что началась война».

Д. А. Сулимов (Севастополь): «Стремление попасть на флот зародилось в детстве. О морях и о подвигах много читал, двоюродный брат П. С. Ананьев служил офицером на Балтике, много рассказывал о службе. Он-то по сути и решил мою судьбу. Когда я был зачислен в роту юнг на Валаам, радости не было предела. Крепко сдружился с Иваном Парфеновым, Василием Поливановым, Мишей Густовым, Юрой Ивановым. Многие бывшие юнги во время войны получили ордена и медали. Особенно отличился среди нас своей смелостью и отвагой боцман торпедного катера Юра Иванов. На его родине его именем названа школа, прежнее учебное судно клуба юных моряков из Новгорода называлось — «Юра Иванов»...

Три коротких рассказа гостей. Можно привести все четырнадцать — у каждого из приехавших было что сказать, дополнить. И вспоминали, идя нестройной группой по поселку: «Там на колокольне с июня сорок первого стоял пулемет... Тут, в саду, смотрели «Александра Невского», вместо полотнища экрана — белая стена... Как говорите, Зимней гостиницы? Где-

Рисунок юнги Миши Антониевича. Валаам, 1940 год

то есть могила нашего летчика, сбитого в финскую войну над Валаамом...

Здесь были солнечные часы... А помнишь, как помогали поднимать со дна затопленные монастырские суда «Валамо», «Сергий» и «Герман»?..

Экскурсия по поселку, на Игуменское кладбище, в собор, заставленный внутри лесами художников-реставраторов. Встреча через сорок с лишним лет. Кто-то побывал здесь индивидуально и раньше, как, например, Виктор Павлович Михайлов, который вместе с женой и сыном Вадимом приезжали на Валаам на своей яхте. Вадим увлекся профессией отца, сам учился тогда на моряка. А кто-то, как Евгений Арсентьевич Пылин, был тут впервые после прощального сорок первого.

Вечер. Встреча с жителями поселка в Доме культуры. Приветствие и приглашение приезжать вновь председателя исполкома поссовета В. А. Молчановой, выступление директора музея-заповедника В. А. Высоцкого, выход ветеранов на сцену, но уже не четырнадцати, как утром, а пятнадцати: догнал остальных Н. И. Милосердов из Ярославля. Зал искренне аплодировал. Ветераны рассказали о юности, о школе, о себе, передали в дар музею фотографии военных лет, книги, рисунки. Спели старые любимые песни. И, уже возвращаясь на причал, продолжали тревожить память. Или она их. Столько лет минуло, а нет, крепкие люди — валаамские юнги! И телом, а особенно душой. Например, Н. И. Милосердов. После

ранения под Невской Дубровкой он потерял глаз и почти ослеп на другой. Конечно, лечился. Но сдайся морально – не одолеть бы ему болезнь, так врачи и сказали. Одной силой воли победил недуг.

Задрожала громада кюмовского флагмана, из репродуктора раздались щемящие звуки марша «Прощание славянки». Судно медленно отлипло, отошло от пристани и взяло курс на Ленинград. На том и окончилась первая официальная встреча, но затем состоялись – и вторая (в 1985 году), и третья (1987). Какое-то время в восьмидесятых они стали традиционными.

<...>

В 1985 году в музее-заповеднике открылась постоянно действующая выставка с тем же названием. Поиск по «юнговско-боцманской» тематике музейщики продолжали, но в 1992 году экспозицию пришлось свернуть: «историко-архитектурный и природный» был ликвидирован, так как на архипелаг возвращался законный хозяин – монастырь.

Уже перебравшись в Сортавалу, где с прекращением деятельности Валаамского открылся региональный музей Северного Приладожья, а Людмила Михайловна стала в нем директором, она, конечно, не могла забыть «своих юнг»: переписка продолжалась, поиск не кончался. Правда, экспонаты-реликвии лежали в запасниках, и вот накануне 50-летия Победы, а также «в свете» близящегося 300-летия Российского флота, по просьбе местного военкомата выставка (художественное решение экспозиции – Н. Л. Попов, оформление – Н. Л. Попов и Е. В. Барышева) была возобновлена: торжественное ее открытие произошло 9 мая 1995 года.

<...>

Из официального ответа нынешнего директора (на 2008 г. – прим. «Сердоболя») музея Северного Приладожья Т. Ю. Бердяевой на мой запрос: «Тема юнг, конечно, важная, но после ухода Л. М. Поповой с 1998 года ею никто из исследователей музея не занимается. При том, что у нас нет краеведческой экспозиции, нет стационарной выставки по военной истории... 1. Предметы по теме юнг не выделены в отдельную коллекцию, они занесены в общий каталог... В фондах от 100 до 200 экспонатов по теме... 2. После 1998 года предметы по теме не поступали... 3. В 2001 году некий Бавин Николай Павлович прислал письмо с ксерокопиями фотографий. Является ли он юнгой или боцманом, мы не знаем. 4. В Научном архиве в фонде №1 «Школа боцманов ВМФ на о. Валаам» в 1940-1941гг.» хранится 101 дело с документами, которые оставила Л. М. Попова... Вы... всегда можете поработать в нашем архиве, в фондах музея...»

Итак, собранные по этой теме материалы (подлинные фотоматериалы, письма 1940-го и военных лет, рукописи мемуаров и художественные материалы, старые газеты, многочисленная переписка с ветеранами школы, подлинные предметы тех лет) сейчас – достояние музейного собрания и архивного фонда музея и еще ждет своих исследователей –

специалистов. Валаамская «боцманско-юнговская» школа достойна того. Созданная для восполнения недостатка командного младшего состава на флотах страны, она оправдала все поставленные перед ней задачи: даже за столь короткий отпущенный для ее существования срок воспитала десятки опытных моряков и апробировала, скажем так, саму идею организации подобных учебных заведений. Она послужила образцом для ныне общеизвестной, более знаменитой, чем ее «младшая» сестра – соловецкой школы юнг. Но не забудем, что наша, валаамская рота юнг, в качестве учебного подразделения в составе школы боцманов носила вообще экспериментальный характер! И для мальчишек, надевших бескозырки, тоже стала – первой!

Это была попытка представить хотя бы контуры судьбы Валаамской школы боцманов ВМФ СССР с приданной ей ротой юнг и отдельных (кто продолжит поиск?) ее «юнгашей».

Подъём флага на учебном судне. (фото ТАСС)

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

АЛЕКСАНДР ШТЕЙН

РОТА ЮНГОВ

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВМФ
1942

Это были мальчики, еще недавно гонимые голубей, клеввшие в альбомы диковинные марки с изображением палым, леопардов и пирамид, пускавшие в тенистом саду Дворца Пионеров хвостатых змеев в небо.

Еще недавно играли они в Чансена и Чкалова, в Папанину и Шорса, в лихих коншиков Дона и очкариных моряков. У них стучали сердца и глаза блеснули, когда бывалые люди заговорили о битвах, походах, дерзких. Неубузданная детская фантазия. Им грезились, будто они бредут, томимые жаждой, по пустыне Кара-Кум, взбираются на недоступные горные кручи, припадают к ледяным подопладам, молнией пролетают на самолете под каменными быками Кировского моста. Мир вставал перед ними чудесным видением. Они любили горы и доли, степи и равнины.

Но больше всего они любили море. Море, корабли, матросы... Голубые просторы, чайка над быстрою волною, буруни, бегущие за

Валаамский Рыбпромкомбинат Сортавальского района К-ФССР

По Постановлению Государственного Комитета Обороны от 29 июля 1945 года остров Валаам был передан в ведение Министерству лесной и бумажной промышленности СССР, которое стало организовывать хозяйственную деятельность на архипелаге. Самым первым предприятием этого ведомства становится Валаамский Рыбпромкомбинат. Он включал в себя несколько подразделений – три завода, расположенных в разных местах Ладожского озера (один из которых сосуществовал вместе с подсобным хозяйством комбината на о.Валаам).

Первыми послевоенными жителями острова Валаам стали работники Рыбпромкомбината, репатриированные из Германии граждане СССР и вольнонаемные – переселенцы из других регионов страны. В Национальном Архиве республики Карелия хранятся документы партийных и ведомственных структур, которые вели свою деятельность на острове. Знакомство с некоторыми из них позволяет приоткрыть ранее неизвестные подробности жизнедеятельности первых советских островитян.

Первые же документы, фиксирующие происходящее на Валааме после войны, относятся к периоду с 28 декабря 1945 по конец 1946 года. Таковыми являются «Протоколы, планы работ и отчеты первичной партийной организации Валаамского Рыбпромкомбината Сортавальского района КФССР». Следует сразу отметить, что первые протоколы партсобраний относятся к тем из них, которые проходили в управлении комбината в г.Сортавала. Только в Протоколе №6 от 2 апреля 1946 г. заявляется, что «Партийная организация на Острове Валаам будет создана на днях, где будет местная территориальная парторганизация». (Здесь и далее цитирование без исправлений – прим. «Сердоболь»). Тем не менее, уже на собраниях в Сортавале обсуждались вопросы жизни и деятельности островных работников комбината.

Так, в Повестке дня Открытого собрания 19.02.46г., на котором присутствовало 6 партийных, 4 кандидата в члены ВКП(б) и 6 беспартийных товарищей, отражена тема «завоза материалов, оборудования и продовольствия на Остров Валаам». К докладчику имелись следующие вопросы, в т.ч.: «Предусмотрены ли в плане перевозок семьи и их имущество работников, едущих на Остров Валаам и где будут установлены пункты кормления и отдыха лошадей и людей». Из этого следует, что первые советские гражданские лица транспортировались по дороге, проложенной по льду Ладоги. Такие погодные условия, когда озеро замерзает на всем протяжении до архипелага, случаются не каждую зиму, так что для комбина та это было удачей. Хотя отмечалась неустойчивая ледовая обстановка и ставились задачи «форсировать переброску быстро» и «Ускорить дело с переброской и установкой радиостанции...», это необходимо потому, что мы должны завести на Остров Валаам до 500 человек рабочих да их семьи, связь необходима».

Часть перевозимого вместе с людьми оборудования предназначалась «для лесопильного, тарного заводов и кузницы...».

Кадровая политика предприятия на собрании подверглась критике: «Отдел кадров не серьезно подходит к подбору кадров, не проверяет при приеме, а отсюда как результат попадают всякие проходимцы и жулики, которые воруют порученные им материально товарные ценности на складах».

Исправление недостатков и решения поставленных вопросов отражено в Постановлении собрания, которое требует в т.ч. «1) Обязать начальника Подсобного Хозяйства т. Григорьева В.А. обеспечить...работу конобоза по перевозке грузов на Валаам не менее 20-25 лошадей...» и «2) Укомплектовать конобоз возчиками и конюхами из числа лучших и проверенных рабочих...», а так же обеспечить «завоз...материалов, оборудования, инструментов, спецодежды, обуви и т.д.», в установленные сроки и «особо обратив внимание на внеочередной завоз лодочных гвоздей, сетематериалов, дель(?), веревки, так как затяжки в получении таковых, дальше ставят под прямую угрозу срыва и подготовку к весенней путине». Одновременно партийное собрание просит «РК КП(б) ходатайствовать перед Народным Комиссаром тов. Орловым о принятии мер к Главбумснабу, срывающему отгрузку материалов и

оборудования...Партийное собрание считает необходимым в целях повседневного контроля за работой конобоза, перевозящего материальные ценности на Валаам и их сохранность, прикреплять к обозу проверенного товарища».

Несмотря на все проблемы, заселение острова зимой 46 года состоялось. Люди обустроивались. По свидетельству одной из вольнонаемных, можно было занимать любое понравившееся помещение. В некоторых из них была оставшаяся от прежних монастырских хозяев мебель – железные кровати, деревянные диваны, тюфяки.

Но, конечно же, новый немонастырский образ жизни требовал наличия на острове светской инфраструктуры. Из Постановления закрытого партсобрания 2 апреля 1946 г.: «Просить РК КП(б) обязать соответствующие организации открыть на Острове Валаам почтовое отделение с припиской сберкасссы, Красный Уголок, Библиотеку, Кино – передвижку, а также Амбулаторию и стационар на 5 коек...». Из других партийных документов того периода видно, с какими трудностями сталкивались в своей жизни валаамцы.

В общежитиях для рабочих не хватало мебели и постельных принадлежностей, не был укомплектован штат уборщиц. Заработная плата (работник имел «гарантированный оклад» 550 руб. плюс хлебные и продуктовые карточки на работающего и членов семьи) не позволяла приобретать новую одежду. В связи с этим ставились вопросы о выдаче бесплатно спецодежды и об открытии «пошивочных сапожно – портняжных мастерских». Поначалу не работали баня и парикмахерская. И, как было запротоколировано: «Освещение на острове совершенно отсутствует». Не было налажено коллективного питания. Пекарня требовала ремонта.

30 октября на партсобрании с возмущением констатируется: «Большое место – это магазин, где имеют место обчеты и обвесы потребителей, но уполномоченный ОРС тов. М.(здесь и далее сокращение «Сердоболь») не никаких не принимает,...да и сам превратился в такого делягу, что подчас и разговаривать не хочет, до того обленился, что не считает нужным работать на пользу правительственных решений!». Брата уполномоченного М. уличают в спекуляции: «выдели продающего ботинки стоимостью 22 р., а продавал за 250 р.». И далее, еще острый вопрос: «Почему за литр молока берут не 1 руб. 88 коп., а 2 руб.?». Плохо работала почта, 20 дней в октябре не было газет.

Парторганизацию беспокоят настроения, моральный облик и законопослушность населения. В частности это отражено в выступлении начальника рыбзавода тов.Кравцова: «настроение людей там (т.е. на Валааме – «Сердоболь») неплохое, но большая тяга домой...». А, на собрании 25 ноября, отмечается недостойное поведение коммуниста П., который «пасуя перед трудностями, заявлял при рабочих, что с комбина та надо бежать». Чуть раньше, в протоколе от 10 сентября, записано: «У рыболовов настроение не ловить рыбу, а поехать быстрее домой». 29 ноября закрытое партсобрание обсуждает вопрос об охране государственной и общественной собственности; на острове стали происходить кражи. В выступлениях говорилось, что: «У нас на о. Валаам люди живут месяцами, нигде не работают и продуктовых карточек не получают, чем живут, не знаю...», «...эти еще пока не пойманные воры обворовывают гражданских лиц собственность, как например коз; у Никифорова кладовку с продуктами обокрали...», «...сегодня был случай убить свинью, но по-видимому, кто - то помешал и побитая свинья была найдена живой с признаками ударов», а «в ночь с 28 на 29/ХI была попытка обокрасть пекарню». Отмечены и случаи хищения: «бухгалтер М. по 2 чекам приволол

7000 руб., принадлежащих подсобному хозяйству...». Принимаются меры, в т. ч.: «...п.3. Предложить т.Бесценной (председатель пос. Совета – прим. «Сердоболя») ...закрыть церковь и скиты на замок, как не имеющие охраны и не использующиеся для культурных и хозяйственных целей...», п.8. Установить дежурство из числа коммунистов по графику для проверки сторожевой охраны на период долгих и темных ночей». Уповали и на идеологическую работу: «Организовать среди рабочих, служащих Рыбпромкомбината политико-массовую работу, путем бесед, читок докладов на политические темы, организовать кружки по ознакомлению материалов I Сессии Верховного Совета СССР». За каждым участком комбината закреплял агитатора из числа коммунистов. Издается стенгазета «Голос рыбака», оборудуется Ленинская комната при подсобном хозяйстве и утверждается агитколлектив в составе 15 человек. Просят отдел пропаганды и агитации Сортавальского РК ВКП(б) присылать лектора 1 раз в месяц и чтобы «хотя бы 2 раза в месяц приезжала кинопередвижка».

Ставится задача «...среди репатрированного населения /рабочих комбината/ ...организовать кружки, среди них по изучению книги т.Сталина о Великой Отечественной войне...». От директора комбината требуют «повести решительную борьбу с растратами и хищениями, всех виновных привлечь к уголовной ответственности».

Все вышеперечисленные меры политико-воспитательной работы были направлены не только на улучшение морально – нравственного облика трудящихся комбината, но и, что не менее важно – должны были содействовать трудовым достижениям в выполнении производственных заданий.

Перед комбинатом стояла задача – выполнить годовой план – дать государству 1000 тонн рыбы. Поскольку на Валааме находилось два подразделения комбината – рыбозавод и подсобное хозяйство, две «битвы» велась на острове – за улов и за урожай. Самые крупные проблемы были с добычей рыбы. Прежде всего, отсутствовали опытные кадры. Большинству работников впервые пришлось заниматься подобным промыслом. Далее, плохо обстояло дело со средствами производства. Нехватка лодок и орудий лова приводила к тому, что планы вылова рыбы хронически не выполнялись и составляли подчас менее 4% от плановых заданий. Вот как описывают ситуацию протоколы собраний, посвященные производственным проблемам.

От 2 апреля 46 года. Из выступлений.

«Были большие трудности – не было орудий лова... При наличии неводов нет смолы, для сетей нет веревок, что задерживает работу. Отремонтировали 15 лодок, недостает плотников. Подготовлены щедровые сети 60 штук, береговых мереж, рамовых маток 30 шт., осталось отремонтировать 8 лодок... Для починки лодок нет гвоздей. Выполнение плана задерживается потому, что даются дополнительные работы – подвозка дров, сено и т.д.»;

«...для постройке лодок нет материалов /досок/, нужно во чтобы то ни стало принять все меры к изготовлению лодок, иначе нам угрожает опасность к срыву весенней путины»;

«Зав. складом Рыбзавода №2 – костюмы для рыбной ловли получили недоброкачественные, нет сапог к весенней путине»;

Кое-что все-таки удалось сделать. «Отремонтированы старые лодки для выхода на Озеро по ловли рыбы, подготовлены сети, невод 200 на 6300 на 15м. Дели (?) 32 на 34, 36 на 48 и подготовлена тара, бочек 60 штук, подготовлены к телегам колеса».

Но этого недостаточно, и ставятся задачи: «а) в срок до 1 мая изготовить 40 штук лодок и подготовить к навигации 5 моторов, б) тов. Фадеевой и тов. Григорьеву обеспечить моторки квалифицированными кадрами...». В последующих документах узнаем, что для данных поставленных задач было решено «временно снять 2 автомобильных двигателя и установить их на лодки».

О размерах и характере улова приводятся такие данные. Один завод мог выловить за день 40 – 50 кг рыбы. Ловилась корюшка, ряпушка, салака, лосось и налим. Специалисты комбината исследовали водоемы. Техник лова Дмитриев: «...Остров Валаам весь изучен. Изучены все мелкие и большие острова, но наши орудия лова не соответствуют этим водоемам...»

В протоколе партсобраний от 25 ноября 1946 г. о ситуации на рыбозаводе, расположенном на Валааме, записано следующее: «на третьем заводе сорван лов рыбы, т.е. к лову приступили поздно – во второй половине октября, а сентябрь и 15 дней октября рыбаки использовали на других работах», лов ряпушки организован не был; «на 25 октября вместо 36 чел. рыбаков на лову... было занято 19 чел.»; «т. Паутов выставил в воду и использовал на лову всего 2 невода, мереж 10 шт., сетей 16 шт., крючков до 100 шт., остальные орудия лова не использовались, из них часть приведена в негодность, а другие лежат на складах» ... «...за 20 дней октября выловлено всего 22 центнера рыбы...».

В постановлении данного партсобраний среди прочего записано решение, которое указывает на более обширную географию деятельности рыбокомбината: «Считать правильным и одобрить отправку экспедиций на лов селедки в Белое море, а так же организацию лова в Кондопоге, на озере Санда и Онежское» ... «до 10 октября с.г. подготовиться к лову налима на Ладожском озере и на внутренних водоемах, а так же к лову «наваги» на Белом море» ... «Обязать руководство комбината немедленно переключиться на подледный лов неводом во внутренних водоемах Питкярантского и Сортавальского районов...».

Нам пока неизвестно, осуществились ли подобные дальнейшие экспедиции, и если да, то помогли ли они выполнению плана 1946 года. Но вот одно местное явление плану постоянно вредило. И заключалось оно в неполной сдаче рыбаками улова. Этому способствовало несовершенная форма оплаты труда, пресловутая «уравниловка», когда всем выплачивался «гарантированный оклад» вне зависимости от количества пойманной рыбы.

О подсобном хозяйстве Рыбпромкомбината и его производственных проблемах также есть сведения в партийных документах. Вот что говорил 2 апреля 1946 года его начальник товарищ Григорьев:

«...имеем крупное хозяйство: свиноферму, коров, птицеферму, должны иметь конное поголовье... Имеются трудности в рабочей силе, не хватает женщин на огородах, репатрированные работают очень плохо /лениво/, а лейтенант Ильин к этому не принимает никаких мер. ... Подсобное хозяйство разделено в 3-х местах: участок Ламберг, Маяк, и Остров Валаам где нужна рабочая сила. Инвентарь полностью не получен, а так же семена. Просьба помочь всей Партийной организацией во время проведения сева». (Забегая вперед – отметим, что план сева был перевыполнен)

Начальника дополняет агроном: «Подсобное хозяйство к севу не полностью готово, не все плуги отремонтированы, в наличии имеем 4 плуга, не полностью завезены семена. Рабочие вырабатывают в день 30% ... За хорошую работу рабочих не премируют, занимаются уравниловкою. Боронами, граблями и лопатами полностью не обеспечены».

В постановлении данного собрания упомянуто о том, что в подсобном хозяйстве «приведено в порядок парниковое хозяйство 500 рам, в порядке конное поголовье, обеспечены фуражом...».

На ноябрьском партсобрании есть еще одна запись, отражающая столкновение общественного и личного хозяйств на острове. Она касалась вопроса «...о охране искусственных насаждений – деревьев и кустарников, которые разрушаются скотом, особенно козами частных лиц». Учитывая, что записей о проблемах подсобного хозяйства значительно меньше, по сравнению с рыболовецкой деятельностью комбината, можно предположить, что битва за урожай и надои на острове шла намного успешнее.

А вот некоторые эпизоды, характеризующие общественные отношения в то время и нашедшие отражение в протоколах партсобраний. Обращает внимание случай неприязненного отношения к репатриированным со стороны некой гражданки, выступившей на партсобрании: «на острове не обращают внимания на коммунистов и приравнивают к репатриированным». Имелось в виду одинаковое снабжение продуктами. Выступающая недовольна отсутствием привилегий по отношению к членам партии. Она жаловалась, что ей не выделяется молоко, хотя оно ей «положено по справке от врача».

Еще более конфликтную ситуацию рассматривало партсобрание 27 декабря 1946 года. Дело касалось коммунистки Ф. 1921 г. рождения, образования низшего, члена ВКП(б) с 1942г. К ней были серьезные претензии: «...занимается склочничеством..., являясь членом исполкома пос.Совета ... не принимает участия в работе, ... после исполкома среди беспартийных компрометирует председателя исполкома» ... «...недостойно вела себя на собрании рабочих и служащих 26.XII.-46 при выдвижении кандидатур в состав УИК, выступала против мнений бюро РК КП(б) и Райсовета, говоря о том, что Вам никто не дает права нарушать демократию, нужно прислушиваться к голосу масс... в результате этого после партсобрания беспартийные охаивали и оплевывали коммунистов и всю парторганизацию».

Выступающий однопартиец негативно характеризует Ф. «Я знаю Ф. очень давно, еще по работе в отделе кадров Рыбкомбината, откуда ее выгнали как необеспечившую порученный ей участок работы; приехала на остров тов. Ф. и была назначена зав. клубом, получая государственную зарплату...так даже не в состоянии была найти замок закрыть помещение клуба; будучи секретарем парторганизации так же никакой пользы ... не сделала» ... «по антипартийному ведет себя». Здесь имелось в виду, что Ф. нарушает конфиденциальность, рассказывая беспартийным о том, что происходит на закрытых партсобраниях.

Трудно сказать, была ли Ф. первой «правозащитницей» на Валааме или, как утверждали ее товарищи – склочницей. Нам известен вердикт собрания: «...Ф. объявить строгий выговор с занесением в личное дело...».

ЗаклЮчить освещение партийной документации за далекий от нас 1946 год хочется признанием того, что уже в то время местными коммунистами был поставлен наиважнейший и кардинальный вопрос, от решения которого зависит судьба любого обитаемого места на земле.

12 сентября 1946 года партийное собрание постановило: «...поручить тов. Григорьеву еще раз поставить перед Главурсом (Главное управление рабочего снабжения – прим. «Сердоболя») и Министерством вопрос о составлении Гипробумом (Государственный институт по проектированию предприятий целлюлозной и бумажной промышленности – прим. «Сердоболя») Генерального плана освоения Валаамских островов, ... до конца года утвердить таковой».

О том, как действовало Министерство, говорят уже другие, не партийные, а ведомственные документы.

В. Рыстов, по материалам

Протоколов партийных собраний Валаамского рыбпромкомбината (Национальный Архив Республики Карелии, фонд 225, опись 2, л/л 26 а)

Работники
рыбпромкомбината на отдыхе.
Справа - А.Н.Костяной, один из
репатриированных.
Валаам, конец 40-х гг.

Выбранные места из ведомственной переписки

В 1946 году из Москвы на целлюлозный завод города Питкяранта прибыл министр отрасли Георгий Михайлович Орлов*. (Интересно, что в середине 30-х годов, будучи советским инженером, во время командировки по Швеции и Финляндии, он посещал это, тогда ещё финское предприятие). В результате министерской инспекции восстановительных работ на Питкярантском предприятии происходят кадровые перестановки, в т. ч. на завод приезжает новый директор Николай Леонтьев. Судя по всему, подверглась пересмотру и деятельность непрофильных производств на о. Валаам.

4 апреля 1947 г. Министерство издаёт приказ № 281, согласно которому подсобное хозяйство Рыбпромкомбината на о. Валаам передают своему целлюлозно-бумажному заводу в г. Питкяранта. В этом же приказе ставится задача заводу: строить на острове ведомственный дом отдыха.

Что происходит с Валаамским Рыбпромкомбинатом, нам на сегодня доподлинно не известно. Можно предположить, что его деятельность впоследствии стал осуществлять Сортавальский рыбозавод, ставший предприятием республиканского (КФССР) подчинения.

Подсобное хозяйство на Валааме становится важным для завода подразделением и (по свидетельству писательницы М. Шагинян, посетившей тогда остров), к 1948г. оно полностью обеспечивало рабочих овощами. Остров также используется для отдыха заводских детей. Летом 47 и 48 гг. на нём функционировал пионерский лагерь.

Однако, сохранившееся в Нац. Архиве РК документы: «Переписка по восстановлению о. Валаам» (п-225, оп. 10, дело 16-а) свидетельствуют о том, что новые министерские планы по освоению острова осуществлялись не так просто и даже встречали сопротивление со стороны руководства завода, в том числе директора Н. Леонтьева и начальника Управления островом Т. Анисимова.

К 1949 г. ситуация обостряется до того, что Н. Леонтьев письменно обращается в вышестоящие партийные органы, где в т. ч. отмечает: «Я, как директор завода, категорически отказывался от приёма указанных объектов, т.к. никакой пользы для завода от них не было, а содержание флота и управление оторванного от завода хозяйства могло сулить только непроизводительные затраты и убыт-

ки, однако...» к нему не прислушались и Приказом заставили подчиниться. Н. Леонтьев подкрепляет свою докладными данными о том, что подсобное хозяйство принесло убыток в 7000 руб. и что строительство дома отдыха законсервировано.

Более того, добившись каким-то образом от Министерства разрешения, он, арендовав баржу, с 1 по 6 июня 1949 г. вывез с Валаама весь скот, имущество, инвентарь и рабочую силу, оставив на острове 5 человек для «...охраны недвижимого имущества и садов».

Однако 7 июля 1949 г. на завод прибыл зам. министра Е. И. Лопухов** руководитель решительный и инициативный. Был знаменит тем, что в годы войны «написал записку Сталину о том, что необходимо деревянные ящики из-под снарядов возвращать на артиллерийские заводы. Когда наши войска отступали, было не до ящиков. А когда стали наступать, то пустые ящики или сжигались, или бросались на месте боя. И Сталин поддержал его: артиллеристы стали возвращать на заводы тару. Казалось бы, мелочь, но при огромных масштабах выпуска снарядов Сталин не позволил процветать безхозяйственности» (А.Ольшанский «Все люди – братья?!» *Воспоминания и размышления о XX веке*).

Лопухов самолетом выезжает с комиссией на Валаам и приказывает немедленно принять меры к восстановлению хозяйства на острове. Как видно из документов зам. министра руководствовался директивами своего начальника, поскольку ранее, 23 июня 1949 года Министр лесной и бумажной промышленности т. Г.М.Орлов издал Приказ, в котором определяется, чему быть на подведомственном архипелаге: «...хозяйство острова "Валаам", располагающее значительным жилым фондом, служебными, большими вспомогательными постройками, отличными сельскохозяйственными угодьями и фруктовыми садами, а так же хорошими естественными заливами – могло бы быть поставлено на службу нашего министерства, во первых, для организации учебного комбината, во вторых для организации научно – исследовательской сплавной станции, мебельной фабрики, дома отдыха».

Правда, зам. министра идет навстречу директору Питкярантского завода и обещает, что по его возвращении в

* **Орлов Георгий Михайлович** (29.3.1903, с. Лубянки Дмитревского уезда Орловской губ. - 30.11.1991, Москва), государственный деятель, генерал-майор инженерно-технической службы (1943). Образование получил в Ленинградском лесном институте (1928). С 1927 работал на Дубровском целлюлозно-бумажном комбинате, с 1931 - в Государственном институте по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности (Ленинград), где в 1933-38 занимал должность главного инженера. С 1930 кандидат в члены ВКП(б). В марте 1938 исключен из состава кандидатов в члены партии "за потерю политической бдительности к врагам народа", но уже в августе восстановлен. В том же году О. был переведен в органы НКВД СССР и стал начальником целлюлозно-бумажного отдела ГУЛАГа. В 1940-41 зам. нач. ГУЛАГа. С 1941 нач. Главного управления лагерей промышленного строительства (Главпромстрой) НКВД СССР - наиболее мощной строительной организации ГУЛАГа... Во время Великой Отечественной войны "провел большую работу по строительству предприятий". В мае 1944 О. был назначен наркомом целлюлозной и бумажной промышленности СССР. Он оставался во главе лесной промышленности почти 13 лет; за это время его министерство реорганизовывалось 5 раз - в марте 1947, июле 1948, февр. 1951, марте 1953, апр. 1954. В 1946-50, 1954-58 и 1962-66 депутат Верховного Совета СССР. В 1952-66 кандидат в члены ЦК КПСС. В мае 1957 министерство было ликвидировано и разбито на республиканские ведомства, а О. получил наиболее мощное - Министерство лесной промышленности РСФСР. В 1958-60 зам. предс. Госплана РСФСР. В дальнейшем занимал высокие посты в правительстве страны: 1-й зам. пред. Госплана СССР (1960 - 1962), пред. Государственного комитета по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству (1962-65), зам. пред. Госснаба СССР (1965-78). В мае 1978 вышел на пенсию. (из кн.: Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, Вече, 2000)

Москву, предприятие от хлопотного Валаамского хозяйства будет освобождено. Однако временно на Н. Леонтьева возлагаются функции помощника введенного в должность «Уполномоченный по восстановлению хозяйства на о. Валаам» т.Хайновского. Но, как следует из документов, этого сделано не было (т.е. завод от острова «не освободили»), и руководство завода осталось в крайне двусмысленном положении. Оно имело два противоречащих приказа. Один - № 281 от 4 апр. 1947г. о ведении деятельности на острове, и другой - № 425/Зм от 30 апр. 1949 г., в котором заводу разрешалось полностью ликвидировать подсобное хозяйство на Валааме и перебазировать его на материк в местечко Корин-Ойе недалеко от г. Питкяранта.

О том, как выкручивались подчинённые министерства на местах, чуть ниже.

А пока интересно подробнее рассмотреть ведомственный план развития острова и первые шаги по его осуществлению.

22 сентября во исполнение поручения министра, его зам. Е.И. Лопухов составляет «Плановое задание на составление Проекта использования и восстановления зданий, сооружений и хозяйственных устройств бывшего Валаамского Монастыря».

Вот выдержки из обширного перечня запланированного: «п.1.1. Сплавной техникум на 400 чел. учащихся; ... 4. Деревообрабатывающая мастерская с одной лесорамой для обслуживания всех нужд острова, включая изготовление мебели для собственных нужд и для выполнения заказов других предприятий лесной и бумажной промышленности; 5. Подсобное сельское хозяйство... для удовлетворения ...потребностей населения на острове...». Имелось ввиду мясо – молочное хозяйство, луговое хозяйство, овощеводство и садоводство. «6. Рыболовецкое хозяйство – для собственных нужд...».

В параграфе II планового задания обращает на себя внимание следующее требование: «Создание на острове "Валаам" вышеперечисленных учреждений и хозяйственных предприятий запроектировать с максимальным использованием сохранившихся и требуемых восстановления зданий, сооружений и устройств бывшего "Валаамского" монастыря (его скитов и угодий). Новое строительство может быть допущено в минимальных размерах...». Далее, в п.III: «Восстановление зданий и сооружений, оставшихся от бывшего монастыря, производить с сохранением архитектурного ансамбля их и архитектуры всех отдельных зданий и сооружений, имеющую историческую и архитектурную ценность...» и « п.IV. Предусмотреть в проекте использование бывших храмов, за исключением Главного монастырского собора, для размещения

в них культурно – бытовых, лечебных и жилых помещений, с соответствующей перепланировкой, внутренним переустройством и дооборудованием этих зданий».

Удивляет требование Планового задания в п. V: «...В проекте Генплана предусмотреть участки для индивидуального строительства на 250 – 300 индивидуальных домов», поскольку оно противоречит указаниям п.II - об ограничении нового строительства на острове. Впрочем, противоречие снимается, если по понятиям Лесбумпрома 300 домов – это минимальный объем застройки.

Кардинально решить транспортный вопрос предлагалось в п.VI « 2. Предусмотреть в проекте ...устройство аэродрома для круглогодичного и круглосуточного функционирования его...4. Создание собственного водно – транспортного хозяйства ... и собственного самоходного и не самоходного флота и постоянного плавающего и берегового состава для этих целей. 5. Создание перевалочной базы для грузов острова "Валаам" и приемного пункта для пребывающих в Валаамский дом отдыха в городе Сортавале.» В конце планового задания ставился вопрос о решении проблемы энергоснабжения, которое «...должно быть обеспечено от собственной постоянно действующей электростанции...»

Так что для осуществления столь масштабного проекта пришлось возвращать отправленных ранее на материк работников. Из ведомственной переписки узнаём, что «по состоянию на 1 августа 1949 года на остров было завезено 194 семьи переселенцев, общей численностью 849 человек. Переброшено с Питкяранта 219 голов крупного рогатого скота, свиней, лошадей, сельхозинвентарь; начат завоз стройматериалов, заброшен автотранспорт, прибыли 2 парохода...» В результате, к концу 1949 года «...хозяйство острова...» состояло: «1. Администрация острова 11 чел., Адмтехперсонал и служащих 169 чел., 2. Подсобное хозяйство - 8 чел. адмтехперсонала и служащих, 94 чел. рабочих. 3. Отделение ОРС Хелюльской мебельной фабрики 14 чел., 4. Опытной сплавной станции ЦНИИ Лесосплава 3 чел. 5. Больница, школа семилетка, почта, поселковый совет и др. советские учреждения 69 чел. Всего работающих на о. Валаам 360 чел.; членов семей 341 чел. В том числе в подчинении завода 291 чел. рабочих; иждивенцев 270 чел.»

По отчетам «За период с 15 июля по 1 декабря 1949 года проведены следующие работы и сделаны приобретения. 1) Восстановлено 3000 м² жилой площади. 2) Восстановлено 4000 м² служебной и вспомогательной площади (школа, больница, столовые, клуб, склады, баня и т.д.). 3) Проведена консервация 6000 м² жилой и вспомогательной площади. 4) Восстановлен скотный двор на 250 голов крупного рогатого скота. 5) Электри-

**** Лопухов Евгений Иосифович** (20.02.1904 - 03.06.1995).

В 1927-28гг. состоял в должности Лесничего Тепловского Лесничества (Нижне-Волжского Края). 1933-36гг. работал преподавателем сухопутного транспорта леса в Талицком лесном техникуме (Челябинская обл.) С 1935-37гг. - аспирант Ленинградской Лесотехнической Академии им. С.М. Кирова. С 1937гг.работал непрерывно в Москве - начальником отделения сухопутного транспорта в ЦНИИМЭ, начальником производственно-технического отдела и Главным инженером Главсевзаппеса, Начальником отдела леса Госплана СССР, Заместителем Народного Комиссара лесной промышленности, Начальником Главснаблеса при Совете Министров СССР (1941 - 1948 гг.), Заместителем Председателя Госснаба СССР и Заместителем Министра лесной промышленности СССР (1948 -1953гг.).

С 1953г. - начальник Главного управления по сбыту продукции лесозаготовительной и лесопильно-деревообрабатывающей промышленности "Главлесосбыт" Министерства лесной и бумажной промышленности СССР. 16 сентября 1959 г постановление о выходе Лопухова Е.И. на пенсию по болезни - с должности первого заместителя председателя и члена Совета народного хозяйства Коми экономического административного района. 9 ноября 1960 г, утвержден в ученом звании доцента по кафедре "Сухопутный транспорт леса" Московского лесотехнического института. Кроме занимаемых должностей, в годы ВОВ работал Уполномоченным ГКО СССР по вопросам эвакуации предприятий и населения, Заместителем Уполномоченного ЦК КПСС и СНК СССР А.Н. Косыгина по топливу, Председателем Правительственной Комиссии по обеспечению Москвы дровами.

(Сведения «Сердоболу» предоставлены внуком А.А. Лопуховым).

фицированы все жилые и служебные помещения главной усадьбы и скотного двора – проведено 30 км проводки, установлено световых точек – 500; три электростанции – две ПО-12 и одна ПЗС-406. 6) Смонтирован и пущен локомобиль 10-Р-6 для обслуживания нужд подсобного хозяйства (скотный двор). 7) Смонтирована и пущена в эксплуатацию механическая мастерская и кузница. 8) Смонтирован водопровод и установлен насос - готовность 80% ... 10) Смонтирована телефонная станция на 30 номеров. 11) Установлена мощная рация РК-05 и две радиостанции «Урожай», регулярно осуществляется радиосвязь с Питкяранта. 12) Установлен и работает передвижной паровой кран 1,5 т для обслуживания погрузочно-разгрузочных работ. 13) Работает магазин и столовая – продукты завезены до мая 1950 г. на контингент 1000 чел. 14) работает школа семилетка. 15) Работает больница на 15 коек. 16) Детские ясли на 50 чел. 17) Подготовлен клуб с стационарной киноустановкой (кино нет из-за отсутствия аппаратуры). 17*) Завезено крупного рогатого скота 210 голов, свиней – 6, лошадей – 25. 18) Накошено 200 тонн сена. 19) Получено и разгружено на острове: дров – 2500 м³, пиломатериалов – 1200 м³, стройлеса – 2500 м³, разных стройматериалов от 200 тонн, разных грузов – от 500 тонн. 20) Приобретено и получено для острова: электростанции ПЗС-? – 1 шт., ПЗС-40 – 1 шт., ПС-12 – 3 шт.; машин – ЗИС-? – 1 шт., ГАЗ-АА – 1 шт., авто...ЗИС – 1 шт., трактор С-80 – 1 шт.; Флот: мотобот-двигатель ГАЗ-М – 1 шт., буксирный пароход 150 сил – 1 шт. Станки: токарный – 2, сверлильный – 2, ... строгальный – 1, ... деревообделочные – 6. 21) Ведётся строительство аэродрома – составляет 70%. 22) Вспахано 63 га, 23) Подготовлено и обработано садов – 5 га, плодовых деревьев и кустарников 4000 шт. 24) Подготовлено 500 парниковых рам...»

Подобный размах, казалось бы, должен был привести к скорому появлению на острове «города солнца» министерства лесной и бумажной промышленности. И осуществившись этот проект, совсем другим предстал бы сейчас Валаамский архипелаг.

Но, как уже отмечалось выше, местное руководство крайне болезненно воспринимало происходившее. Директор Питкярантского завода вынужден был расходовать средства предприятия на Валааме. Он просто боялся, что нарушая закон, может пострадать. Поэтому во множестве докладных вышестоящему начальству он постоянно просит «...оформить существование острова, как самостоятельную единицу»; «Я шёл на всё, что мог сделать, считая, что организационный период больше 2-3 месяцев продлиться не может... хозяйство о. Валаам никак не оформлено и существует фактически, как неутверждённый цех завода» (Леонтьев - Лопухову). Сигнализирует, что «штат... не утверждён и оплата производится... с грубым нарушением финансово-штатной дисциплины ... Завод не в состоянии выплачивать ... зарплату ... Промбанк категорически отказывается финансировать строительство без проектов и смет». И «До получения Ваших указаний вынужден производить затраты только в абсолютно неотложных случаях».

Более того, ему спускают директивы сверху - в авральном режиме перебрасывать всех рабочих с острова на лесозаготовки. Он бьёт тревогу: «Полнейшая неопределённость и бесперспективность порождает массу нежелательных толков, ослабляет трудовую дисциплину и до крайности осложняет и без того сложную задачу управления островом».

Его поддерживает начальник Управления о. Валаам т. Акимов. Он сигнализирует уже секретарю Сортавальско-

го РК КП(б) т. Корочкину: «... положение ... совершенно не изменилось, а даже ухудшилось, денег рабочие не получают ... начали роптать и заявляют, что мы были правы, что на зиму нас на острове оставят без денег и помрём с голоду и мол всё это сбывается, и теперь мне не в силах уже уговорить, потому что завод буквально издевается. Если так дальше будет, то я брошу всё и уйду... Прошу Вас ... ещё раз поговорите с ЦК и решите вопрос побыстрее, больше не в силах терпеть. Вот пишу письмо, а предо мной стоят рабочие и требуют отправить их с острова. Опять началась перипетия начала августа ... 9/XII-49»*. Из ответа секретаря РК КП(б) от 15.12.49: «...О состоянии дел на острове я доложил в ЦК КП(б) письменно и мне известно, что необходимые меры по этому письму принимаются...».

О том, какие конкретно меры предпринял тогда ЦК Партии, пока не известно. Но можно предположить, что сигналы с мест были услышаны и то, что уже в следующем, 1950 году на острове возник Дом инвалидов, говорит о том, что планы союзного министерства по освоению острова были свёрнуты на самом высоком уровне и Валаам перешел в ведение карело-финских республиканских властей. Те, в свою очередь, решили использовать инфраструктуру острова под крупное богоугодное заведение, собрав воедино мелкие дома инвалидов из разных районов Карелии. Подсобное хозяйство, которое так тяготило Питкярантский завод, стало подразделением учреждения Министерства здравоохранения и социального обеспечения К-ФССР.

* фрагмент письма

Директор Управления
Дорогая Анна! За прошлый год
предоставил работу на острове, прошу
обратить внимание, что последние
несколько месяцев дома в Питкяранте,
особенно из-за холодов, а также
ухудшения, денег рабочие не полу-
чают и теперь моя работа
и труды развалились, рабочие
начали роптать и заявляют
что мы были правы что на
зиму нас на острове оставят
без денег и помрем с голоду и
мол всё это сбывается, и теперь
мне не в силах уже уговорить,
потому что завод буквально
издевается. Если так дальше
будет, то я брошу всё и уйду
ухожу на два месяца из-
за этого. Директор и др.
Прошу Вас В.И. еще раз
поговорить с ЦК и решить
вопрос побыстрее, больше я
не в силах терпеть. Вот пишу
письмо, а предо мной стоят
рабочие и требуют отпра-
вить их с острова. Опять
началась перипетия начала
августа

Подобный исход событий, думаем, был благоприятен для будущего Валаама. Поскольку специфика такого учреждения, как дом инвалидов, более способствовала сохранению исторически сложившегося монастырского облика, как острова в целом, так и его архитектурных сооружений, нежели бы Валаам стал развиваться как производственный, учебный и оздоровительный комплекс крупной промышленной корпорации.

Парадокс, что в то, казалось бы, тоталитарное время, низовые управленцы корпорации союзной величины решались идти наперекор своему министру, открыто высказывали свою позицию и имели возможность воздействовать на ситуацию ещё и по партийной линии. Как видим, это было действительно и в данном случае ведомственные аппетиты были поставлены под партийный контроль. В заключении приводим текст обращения «в партийные верхи» Николая Леонидовича Леонтьева. Думаем, что решимость и аргументы этого человека во многом способствовали спасительному для Валаама решению ЦК КП(Б).

«Руководя хозяйством острова Валаам с апреля 1947 г. и прекрасно зная, как сам остров, так и местные условия, должен заявить, что намеченные по приказу министра перспективы развития хозяйства – нереальные, а именно: 1) Остров Валаам освоен монахами и приспособлен специально под монастырь. Сам Валаам, как остров представлял из себя крупный центр религиозных учреждений... и вспомогательных предприятий, специально созданных для обслуживания нужд центральной усадьбы монастыря и нужд богомольцев (мех.мастерская, котельная, электростанция, кирпичный завод, обжиг извести, кожевенный завод, смолокурка, судоремонтные мастерские, каменотесная мастерская, лесопильный 3-х рамный завод и т.д., причем мощность всех вспомогательных предприятий крайне мизерна и рассчитана только на минимум собственных нужд, причем все вспомогательные предприятия разрушены.

2) Обеспечения монастыря продуктами питания (мясо, молоко, хлеб, рыба, овощи и т.д.) в основном шло за счет хозяйств на островах Мантин – Саари, Путсало, Маячный, Св. Сергия и ряд других – все острова, за исключением Путсало заняты колхозами, совхозами и другими учреждениями и в состав о. Валаам не входят.

3) Ценность о.Валаам заключается лишь в том, что остров располагает крупным жилым фондом от 12000 кв. м, частично вполне годным для жилья, частично требующий восстановительного ремонта. Имеется прекрасный скотный двор на 250 голов 200 га земельных угодий; из них 5 га садов, прекрасный хозяйственный двор с наличием складов, конюшен и т. д.

Остров имеет умеренный климат, развернутую сеть грунтованных, улучшенных дорог, прекрасные внутренние водные пути, запущенную систему мелиоративно – ирригационных сооружений, значительное количество редких для Карело-Финской ССР древесных пород (дуб, клен, лиственница, бук, ясень, бальзамическая пихта, кедр и т. д.), выведенных монастырем искусственно.

Весь комплекс о.Валаам, еще раз подчеркиваю, создан с определенным замыслом создания крупного религиозного центра, отсюда его очень трудно приспособить под другое назначение.

По своему расположению о.Валаам оторван от крупных культурных и административных центров и отрезан от материка длительную часть времени (возможная связь с островом возможна только водой в период навигации (с конца мая по октябрь). В период осенних штормов (октябрь – декабрь), связь с островом можно осуществить только в достаточно спокойные, безветренные дни; зимой сообщение возможно только когда Ладога замерзает, что бывает далеко не каждую зиму (зимы 47 и 48 – 49 гг., Ладожское озеро полностью не замерзло). В силу указанных обстоятельств рассчитывать на то, что техникум будет

иметь какие либо преимущества, кроме значительного количества жилой и учебной площади – нельзя. Будут весьма значительные трудности в комплектовании педагогического состава и набора студентов...

Дом отдыха может оправдать себя только в летние месяцы, ... остальное время отсюда будет наверняка нерентабельным; организация на Валааме каких либо промышленных и научно – исследовательских учреждений явно бесполезна, т. к. никаких преимуществ перед таковыми учреждениями, расположенными на материке, они иметь не будут. На острове отсутствует энергетическая и сырьевая базы, доставка сырья и вывоз готовой продукции затруднены, а наличие монастырских жилых, и для отправления ... религиозного культа помещений, которые весьма трудно переделать на промышленные, никаких преимуществ не предоставляет.

Подсобное хозяйство для своего развития, не имеет базы, т.к. наличие земельных угодий не позволяет развить крупное товарное хозяйство (как мясо – молочное, или овощи – плодовое, не говоря уже о зерновом). Отсюда подсобное хозяйство будет мелким, значит не рентабельным; либо должно обслуживать только собственные нужды острова, и при этом будет нуждаться в постоянном завозе грубых и концентрированных кормов.

Вывод: использовать о. Валаам по тому профилю, как намечено в приказе Министра № 586 – нецелесообразно».

Пометка карандашом: «Правильно!» (по видимому, рукой организатора ЦК ВКП(б) А.С.Ворошилова, которому было адресовано письмо – прим. «Сердоболя»).

«Если архитектурный комплекс острова представляет из себя историческую ценность, следует остров сделать заповедником – используя природные богатства и мягкий климат для создания крупной опытной станции Министерства лесного хозяйства, для выращивания и культивирования новых для Карело-Финской ССР пород деревьев, кустарников и плодовых деревьев; одновременно можно было использовать внутренние водоемы острова для целей рыбоводства и рыбозаведения, а лесные угодья для опытов по разведению ценных пород животных, тем паче, что на острове отсутствуют хищники. Если климатические и бальнеологические (раздел медицины, изучающий минеральные воды и лечебные грязи с целью их лечебно профилактического применения – прим. «Сердоболя») данные острова представляют интерес для организации крупной здравницы (действующий круглый год) имеет смысл идти по пути использования острова в этом направлении. Разорять, созданное ценной больший затрат и усилий хозяйство нельзя, необходимо срочно решить, по какому пути его развить и в зависимости от принятого решения, вести работу. Что необходимо сделать.

При любом случае необходимо:

1) Решить, как будет использоваться остров – немедленно (*подчеркнуто*).

2) Оформить его существование юридически и организационно.

3) Т.к. вывести всех рабочих с острова до июня 1950 г. невозможно (наличие детей, домашнего скота – в условиях зимних штормов) ... необходимо в течении не более 10 дней утвердить план работ по хозяйству острова с расчетом занять на полезной работе не менее 200 человек рабочих (считаю, что 60 человек одиночек и до 70 человек малосемейных практически можно вывести с острова и передать в лесозаготовительную промышленность).

4) Выделить остров в самостоятельную единицу, если это практически невозможно – ввести в штат завода заместителя директора по о.Валаам и узаконить остров, как цех завода, дать на его содержание специальные лимиты и штаты...

20 декабря 1949 г.

Директор целлюлозного завода Питкяранта и Уполномоченный Минлесбумпрома по Управлению хозяйством о.Валаам.

Н.Леонтьев (*подпись*)»

Материал подготовил В. Рыстов

Дом инвалидов

Валаамский Дом инвалидов существовал на острове 34 года (с 1950 по 1984 гг.). С тех пор прошли почти три десятилетия. Но по сей день об истории его деятельности нет точной и объективной информации. Более того, многие мифы, которые сложились именно по этой причине под видом исторических исследований, стали широко распространяться в СМИ в последнее время. Так, в 2010 году, в 65-летнюю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, на ТВ-экранах страны широко демонстрировался документальный фильм Зинаиды Курбатовой «Интернат. Преданы и забыты». 22 июня 2012 года его публичный показ состоялся в поселковом ДК на Валааме. Тогда картина вызвала неоднозначную реакцию публики и желание разобраться в вопросе об истинной ситуации с инвалидами войны, оказавшимися в 1950 г. году на Валааме. Альманах «Сердоболь» также начал исследовать эту тему. И первые свои результаты представляет на суд нашим читателям.

«Это произошло чуть ли не в одну ночь. Внезапно все одинокие инвалиды исчезли. Города зачистили от этих людей. Что это была за акция, кто её выполнял – милиция, социальные работники? На наши запросы в архивы УФСБ на Литейном и на Лубянке мы получили ответы: «Таких документов нет». Но ведь была такая акция, была! И кто-то давал указание её исполнить. Одиноким, смелых и непокорных инвалидов цинично вывезли из городов. К осени 1953 года их уже не было в Москве и Ленинграде».

Данная цитата из вышеупомянутого фильма послужила для нас своего рода анти-образцом того, как следует изучать и резюмировать исторический материал. Наши иные выводы основываются на двух источниках. Это документы Министерства здравоохранения и соцобеспечения КАССР из Национального Архива РК (Р-306–1-20/155 и Р-306–1–19/153) и фотодокументы, выложенные в открытом доступе в Интернете частным генеалогом, Виталием Семёновым (<http://russianmemory.gallery.ru/watch?a=bcaV-exc0>).

Исходя из них следует, что Валаамский Дом инвалидов (он же интернат) всесоюзного статуса не имел, в него направляли в основном из карельских «домов инвалидов малой наполняемости»: «Рюттю», «Ламберо», «Святоозеро», «Томицы» «Бараний берег», «Муромское», «Монте-Саари». Как показывают докумен-

ты, одной из задач домов инвалидов было дать обеспечиваемым профессию. С Валаама направляли на курсы, например, счетоводов и сапожников. Работать инвалидам 3-ей группы было обязательно, 2-ой группы – в зависимости от характера травм. Смысл лечения – если возможно – перевести в рабочую группу и дать человеку возможность трудиться.

Вопреки легенде, никого на Валаам насильно не загоняли и паспорта не отбирали. Наоборот, сюда надо было ещё постараться попасть. Типичная ситуация – солдат возвращается с войны без ног, родственников нет; или есть старики родители, которым самим требуется помощь. Тогда и обращается с заявлением: «Прошу отправить меня в дом инвалидов». После этого представители местной городской (если дело в городе) или сельсоветской (если на селе) администрации производят осмотр бытовых условий. И затем подтверждают (или нет) ходатайство инвалида. И только после этого ветеран отправлялся на Валаам.

Вопреки еще одной легенде, более чем в половине случаев у тех, кто попадал на Валаам, были родственники, которые о них прекрасно знали. В личных делах через один попадают письма на имя директора – мол, что случилось, уже год не получаем писем! У Валаамской администрации даже традиционная форма ответа была – «сообщаем, что здоровье тако-

на фото: обеспечиваемый Бабенко Григорий Калининвич. нач. 1980-х гг. (он же на стр.23)

2

1944

Alnus incana (L.) Mill. *Alnus* *Alnus*

28 августа 1957г. *Сыктывкар 27-VIII-57* *1949*
 За ксерокопирование *Ул. С. К. 8*
 51.

Одним из составителей «Космополитического атласа»
в ЗСЗ является О.И. Овчинников. Овчинников О.И.
в МСО. Космополитический атлас. Второй атлас
вручается и. Овчинникову, Овчинникову, Овчинникову
Минскому, третий атлас вручается Овчинникову
Овчинникову.

Масло индийское
Масло индуритов. Индия.
Масло равноправия. Е. Г. Г. Г.

Министерство Социального
Обеспечения Карело-Финской ССР

9. *макс*

(дата выдачи путевки) - 1955 г.

Путевка № *77*

на полное государственное обеспечение

П. *Валаамский*

Фамилия *Зерсков*

Имя, отчество *Антон Иванович*

Домашний адрес *Октябрьская р.*

Год рождения *1906* Группа инвалидности *2*

Категория инвалидности *инв. 1-ой. 1-ой*

Диагноз заболевания

Гражданин, прибывший в дом инвалидов, являясь носителем при себе
паспорт и пропуск на право въезда в территориальный район.

Срок нахождения в доме инвалидов *до 29 мая 1955 г.*

Адрес дома инвалидов *д. Валаам,*
Сортавальский р.н.

Защ. Отделом Училищно-
воспитательным *Мурзин*

Инспектор *Валентин*

[illegible]

дер. Осененово Осененовского
г-ну Денисхину Андру
Ивановичу.
В Туркестанской Российской
последними документами
для направления нас в
дом инвалидов.
Ввиду этого просим удостоить
состязательство или выдать
наше в дом инвалидов и вые-
хать в Райсское общество
защиты.

Зав. Райсо-руководитель
инспектор-губ.

го-то по старому, ваши письма получает, а не пишет, потому что новостей нет и писать не о чем..., а вам передает привет».

Ветеранов войны на Валааме умерло не так много, но прошло через него большое количество, поскольку кто-то возвращался в семью, кто-то отправлялся в другой дом инвалидов подальше, а некоторые приезжали назад...

О том, что представляло из себя это учреждение в 50-е гг. прошлого века, узнаём из документов Минздрава и соцобеспечения.

К 1957г. в ведении Валаамского Дома инвалидов на острове находилось 13 кирпичных и 7 деревянных бывших монастырских построек. Из «Отчета дома инвалидов» за этот год приводятся так же следующие данные:

«Площадь спален – 3656 кв.м», имелось «электричество, баня, радио, водопровод, отопление – печное...Количество обеспечиваемых, могущих работать по заключению врача – 238. Из них работают – 115. Всего принято в течении года – 76 чел. Всего вышло в течении года – 265 чел., в т. ч. переведены в другие дома – 85 чел., трудоустроено – 7 чел.»

Число мест, которое могло предоставить учреждение, равнялось тысяче (Из сведений Министерства здравоохранения и соцобеспечения КАССР). Из документов этого Министерства за тот же, 1957 г. можно представить, насколько был обеспечен уход и содержание инвалидов. На находившихся в то время в Доме инвалидов 856 человек, работало, согласно следующему штатному расписанию:

« I. Административно-хозяйственный персонал:

1. Директор -1 ед.(1500 - в скобках должностной оклад в рублях - прим. «Сердоболя»), 2. Зам. директора – 1(800), 3. Ст. бухгалтер -1(690), 4. Зам. ст. бухгалтера – 1(600), 5. Бухгалтер -2(500), 6. Счетовод-кассир – 1(360), 7. Секретарь-машинистка – 1(360), 8. Завхоз – 1(550), 9. Кладовщик – 1(360).10. Экспедитор – 1(360), 11. Инструктор по к/м работе 1(450), 12. Библиотекарь 1(?), 13. Телефонистка – 1(310), 14. Техник по строительству – 1(600), 15. Инструктор по труду – 1(600), 16. Кастелянша-швея – 2(360), 17. Парикмахер – 1(310), 18. Радист – 1(500), 19. Зав. Электростанцией – 1(600), 20. Машинист электростанции – 4(410), 21. Кочегар – 2(360), 22. Электромонтер – 1(360), 23. Механик – 1(500), 24. Механик водонасос. станции – 1(600), 25. Машинист водонас. станции – 1(410), 26. Кочегар водонасос. станции – 2(360), 27. Капитан мотобота «Шуныга» - 1(600), 28. Механик мотобота – 1(575), 29. Моторист мотобота – 1(410), 30. Матрос мотобота – 2(360), 31. Капитан мотобота «Валаам» - 1(600), 32. Механик мотобота – 1(575), 33. Моторист мотобота – 1(320), 34. Матрос мотобота – 1(300), 35. Истопник – 15(300), 36. Сторож – 2(360). Итого должностных окладов – 58 на сумму 24360 руб.

II. Отделение общего типа на 465 мест.

Медперсонал:

Врач – 2 ед., Фельдшер – 1 ед., Ст. медсестра-2 ед., Медсестра -4 ед., Сестра-хозяйка – 2 ед., Санитарка – 23 ед., Санитарка по уходу за слабыми обеспечиваемыми – 18 ед., Санитарка – уборщица – 11 ед., Прачка – 9 ед., Банщик – 2. Итого – 74 должностных окладов. Оклады устанавливаются по Постановлению Совета Министров СССР №1455 от 12 августа 1955г.

III. Филиал для психохроников на 100 мест.

Врач – 1 ед., Фельдшер – 1 ед., Медсестра -2 ед., Сестра-хозяйка – 1 ед., Санитарка – 21 ед., Санитарка – уборщица – 2 ед., Прачка – 1 ед., Банщик – 1. Итого – 32 должностных окладов.

IV. Персонал кухни и столовой для отделения общего типа на 450 мест и филиала для психохроников на 100 мест:

1. Зав. столовой – 1(500), 2. Повар 1 категории – 2(360), 3. Повар 2 категории – 3(310), 4. Повар 3 категории (помощник повара) – 1(300), 5. Подавальщица – судомойка – 3(300), 6. Кухонный рабочий – 5(300). Итого – 20 окладов на 6350 руб.

V. Филиал для инвалидов больных туберкулезом:

1. Зав. филиалом – 1(690), 2. Кладовщик – 1(360), 3. Инструктор по к/м (культ-массовой - прим. «Сердоболя») работе – 1(450). Итого 3 оклада на 1500 руб.

Медперсонал:

Врач – 1 ед., Старшая медсестра -1 ед., Сестра-хозяйка – 1 ед., Санитарка – 14ед., Санитарка – уборщица – 3 ед., Прачка – 2 ед., Банщик – 1. Итого – 27 должностных окладов.

Персонал кухни и столовой:

1. Повар 1 категории – 1(360), 2. Повар 2 категории – 1(310), 3. Подавальщица – судомойка – 1(300), 6. Кухонный рабочий – 1(300). Итого 4 оклада на 1270 руб.

Итого по филиалу - 34 оклада. Всего по Дому инвалидов - 218 должностных оклада...

Помимо фондов заработной платы, учреждение имело и другие статьи расходов. Например:

«... - Расходы учебные, на производственную практику учащихся, научно-исследовательские работы и приобретение книг для библиотек, - Расходы на питание, - Капитальные вложения (внебюджетные) на приобретение оборудования и инвентаря, - Приобретение мягкого инвентаря и обмундирования, - Капитальный ремонт зданий и сооружений и др...»

Выдержки из «Сметы расходов на 1957 год» позволяют узнать не только финансовую сторону работы дома инвалидов, но и некоторые аспекты образа жизни обеспечиваемых.

Статья: «Канцелярские и хозяйственные расходы» Из пояснения к ней становится известно, что на тот момент в доме инвалидов функционировало: три бани, прачечная, контора, амбулатория, парикмахерская, кладовая, библиотека и читальный зал, красный уголок, сапожная мастерская, две швейные мастерские, четыре кухни и столовые. Предусмотренные сметой 500 керосиновых осветительных точек позволяют говорить о перебоях с электроосвещением.

Из расчетов к статье «Содержание и наем транспорта» узнаем, что молоко и часть продуктов поступали в дом инвалидов из своего подсобного хозяйства, с фермы, откуда привозилось на склад гужевым транспортом. Потребность составляла: «Красный филиал – 2 лошади, Никольский филиал – 1 лошадь, Центральная часть – 1 лошадь». Для «перевозки дров от пристани центральной усадьбы по объектам» использовали автомобили «в среднем 6 машин в день» и трактора для доставки дров из леса по нормативу «8час.х2 машины».

Из сметы также узнаем, что в 1957г. предусматривалось финансирование на «восстановление взорванной части фасада Зимней гостиницы» объемом 50 м³ и на «восстановление водопилки и водопровода на ферме».

Из Отчета дома инвалидов Министерству за 1957 год, в п. III приводятся сведения по подсобному хозяйству: «Надоено молока коровьего (центнеров) – 107,6. Сдано на общественное питание мяса в живом весе (включая птиц) – 232,7. Всего собрано зерновых, бобовых и кукурузы – 134. Собрано картофеля – 2243. Собрано овощей – 595».

На питание выделялось 2573 тыс. руб. на год.

Насколько удовлетворялись бытовые нужды обеспечиваемых, дают представления следующие предусмотренные приобретения из ст. 12 расходов «Жесткий инвентарь» в т.ч.: «...судна подкладочные – 200 шт.(х15руб.), часы-ходики – 100шт.(х15 руб.), умывальники – 100 шт.(х120 руб.), фонари «Летучая мышь» - 100 шт.(х25руб.), лампы керосиновые – 200 шт.(х20руб.), ведра эмал. 200 шт.(х45руб.), тазы оцинк. – 200 шт.(х15руб.)...» Всего на подобные расходы было заложено 220тыс. рублей.

Как одевались инвалиды видно из ст.14 «Приобретение мягкого инвентаря и обмундирования».

Вот некоторые позиции:«пальто зимнее – 200шт.(х500руб.), полупальто зимн. мужское – 200 шт.(х300руб.), пальто осеннее – 200 шт.(300руб.), тужурки мужск. – 100(х450руб.), кофты вязаные – 300 шт.(х50руб.), валенки – 500 шт.(х160руб.), костюмы х/б – 500шт.(х140руб.)...» Всего 35 наименований на сумму 495 тыс. руб. В этой статье так же предусматривалась оплата «пошива и ремонта белья в портновской мастерской».

Досуг инвалидов предусматривала ст. 18. – прове-

дение культурно-просветительных мероприятий, в т.ч. на год было запланировано: «- кинопостановка в кол-ве 108 сеансов (на трех объектах), - платные лекции, - платные постановки концертов, спектаклей по 1 постановке в месяц (х250руб.), - приезжие гастроли артистов 3 раза в год (х1000руб.)».

Больных обеспечиваемых отправляли на лечение в города Сортавала и Петрозаводск и др. местности – по 5 человек в месяц. Для детей инвалидов работали детсады и круглосуточные ясли (по нормативам 50 х 60руб. х 12мес.).

Ну и на последний путь обеспечиваемого Министерство здравоохранения и соцобеспечения КАССР, так же выделяло средства (статья расходы на погребение).

Конечно, были и недоработки, о которых можно узнать из распоряжения зам. министра, отправленное в 1957г. всем директорам домов инвалидов КАССР. В нем говорится, в частности, что «ряд учреждений не осваивает отпускаемых средств по ряду статей. Особенно плохо осваиваются средства на медикаменты, приобретение медицинского и хозяйственного инвентаря, приобретение мягкого инвентаря и капитальный ремонт». Далее, зам. министра предупреждает руководителей домов инвалидов о личной ответственности за выполнение плана и освоение средств; требует соблюдения финансово-бюджетной дисциплины и принципа хозяйственной целесообразности при расходовании бюджетных средств, а так же не допускать выдачу инвентаря в личное пользование сотрудникам домов интернатов.

Персонал филиала дома инвалидов. Валаам, Никольский скит, конец 50-х - нач.60-х гг. XXв.

1. фото 1950-х гг. Валаамский дом инвалидов:
Верхний ряд, слева направо: санитарка Ласточкина
Капитолина Николаевна; обеспечиваемая; санитарка
Сафронова Александра Григорьевна.
Нижний ряд, слева направо: обеспечиваемая Калинина
Лидия; Дерезун (?) Мария; обеспечиваемая Екатерина.

2. выступление руководительницы вокальной студии
Валаамского ДК Пономаревой Людмилы Васильевны,
сцена ДК, 1960-е гг.
Справа с гитарой директор ДК Черников Михаил Егорович.
Слева с мандалиной – обеспечиваемый Николай Фролов.

3. Воскресенский скит, 1960-е гг.
приезд к обеспечиваемым
самодельности Валаамского ДК.

1	2
3	

В.Окунев.
фото нач.1980-х гг.

В завершении нашей публикации приводим два текста. Один - на основе интервью с последним директором Валаамского Дома инвалидов, взятого нашим изданием в г.Сортавале в 2012 году. Другой - воспоминания научно-сотрудника музея-заповедника Л.Н. Печёриной.

С марта 1980 г. и до закрытия в 1984г. директором интерната был Владимир Окунев. Он сменил И.И. Королёва, на которого к тому времени накопилось много жалоб. По его словам, учреждение тогда «работало на уход», поскольку велось строительство нового интерната в Видлице. К тому же на Валааме должно было появиться другое «посёлкообразующее» учреждение – музей-заповедник.

Директор интерната на Валааме, по существу, являлся директором всего острова. На 1980г. насчитывалось 300 обеспечиваемых (из них около 100 инвалидов, отбывших срок в местах лишения свободы) и 200 чел. обслуживающего персонала. Среди инвалидов было несколько семей. Некоторые из них привлекались на подсобные работы (растопка печей, колка дров, сельхоз работы и т.п.). Сам дом инвалидов располагался в здании Зимней гостиницы.

Имелось подсобное хозяйство: 120 свиней, 40 дойных коров, лошади, сады, огороды с картофелем и капустой, 2 трактора, конная сенокосилка. Оно снабжало молоком не только интернат, но и школу, детский сад, больницу. Хозяйство находилось на самокупаемости, дотаций не получало. Как отдельное подразделение (хотя и при интернате) оно продавало свою продукцию другим учреждениям, в том числе и дому инвалидов. Финансирование было неплохим, но иногда требовалось делать больше затрат, и В.Окунев стал взимать плату с иных учреждений и предприятий (получив на то разрешение у руководства) за перевозку грузов на т/х «Волна», принадлежащем интернату. На нём ежегодно осуществлялся завоз на зиму продуктов и топлива (дров).

По словам Окунева, за время его директорства в министерство о работе интерната не поступило ни одной жалобы. На дневное питание одного инвалида выделялся 1р.85 коп., что на то время было достаточной суммой. Проблемы с соблюдением режима возникали в дни выдачи пенсионных выплат, наличная доля которых составляла 25%. Надо отметить, что работающие инвалиды получали еще и зарплату в полном объёме. Особенно было трудно с обеспечиваемыми из числа бывших заключённых. Употребление алкоголя в эти дни зачастую приводило к дра-

кам, которые иной раз заканчивались трагически. После таких происшествий директору объявлялся строгий выговор. До 1980г. помимо участкового милиционера, был ещё один, специально «приставленный» к интернату. Но ко времени работы Окунева эту должность ликвидировали.

По закону директор являлся опекуном по отношению к каждому обеспечиваемому и нес персональную ответственность за него, поэтому все отъезды с острова (например, в Сортавалу) инвалиды осуществляли с его согласия. Иногда обеспечиваемые уезжали в отпуск к родственникам в другие города. Инвалидов также навещали, хотя, по словам Окунева, это было редко. Прибывала родня и на похороны...

Зимой, раз в неделю прилетал почтовый вертолёт. Если был хороший лёд, использовали автотранспорт (ГАЗ-53) для связи с материком.

В интернате был свой кинозал с киноустановкой. Раз или два в неделю демонстрировались фильмы. Свободное время летом инвалиды проводили на воздухе, часть из них собирала грибы, ловили рыбу на удочку. К сожалению, в туристический сезон некоторые инвалиды занимались попрошайничеством.

Несмотря на то, что вновь построенный интернат в Видлице для обеспечиваемых был более комфортабельным и соответствовал всем на тот момент современным требованиям к заведениям подобного рода, валаамские инвалиды со слезами расставались со своей обителью, к которой, по их словам, они «прикипели». Многие по прибытию на новое место, как сообщает В.Окунев, вскоре умерли. Он возражал против отправки инвалидов на новое место зимой вертолётными, предлагал осуществить переезд весной, с началом навигации водным и наземным транспортом. Но начальство решило иначе.

В Видлице вместе со зданием дома инвалидов было построено жильё для обслуживающего персонала, так что многие работники - жители тех мест, получили новые квартиры.

До самого последнего дня пребывания дома инвалидов все здания, за исключением культовых построек (за которые отвечал поссовет), находились на его балансе. В нижнем храме Спасо-Преображенского собора был склад Сортавальского ГорПО.

на фото (1980-е гг.): справа - В. Окунев
слева – представитель «учреждения исполнения наказаний»

Л.Н. Печёрина

Не могу не поделиться своими воспоминаниями о последних трех годах Дома для инвалидов и престарелых на Валааме. Я приехала на остров работать в качестве научного сотрудника вновь организованного музея-заповедника. Первые дни я, конечно, посвятила ознакомлению со всеми доступными посещениями архитектурными и природными достопримечательностями. С любопытством присматривалась и к местному населению, так как с ним предстояло работать с целью сбора экспонатов: ведь музей еще только родился, и в его фондах ничего не было... Почему-то, как ни странно, острого неприятия, во всяком случае, у меня, по отношению к Дому-интернату в этих перспективах не возникало. У меня был скорее исследовательский интерес к нему. Чтобы как-то разобраться в этом феномене, требовалось некоторое время. Прогуливаясь по поселку, я осторожно издали посматривала в сторону главного входа в Зимнюю гостиницу. Там, на крылечке вечерами частенько собирались старушки, слышен был громкий говор, смех, иногда игра на гармонии, пение частушек. Зато жизнь всех обитателей поселка «Валаам», среди которых было немало социально-обеспечиваемых, проживавших семьями, можно было наблюдать прямо из окна моей квартиры-кельки, не выходя наружу. Двор между внутренним и внешним каре был как на ладони, и вскоре, для меня все персонажи стали узнаваемы, все, казалось бы, случайные события, приобрели характер закономерности и предсказуемости. Видно было, что определенная часть их, как мужчин, так и женщин, по существу, спивалась. Приходилось наблюдать процесс деградации, что было, в целом, очень печально. В память врезались впечатления от первых увиденных сцен, когда я приехала на остров. Меня сразил вид людей, рядами, как на садовые скамейки, усевшихся на крышки выгребных ям. Это было непостижимо! Приехавшая на Валаам со мной племянница, с которой я поделилась своим изумлением, шутливо ответила: «И ты тоже скоро будешь на такой лавочке вечера коротать». Но, как оказалось, дворовые скамейки-лавочки не стали площадкой моего досуга, а тем более те крышки над выгребными ямами, которыми пользовалась в основном мужская часть населения тогдашнего Валаама. Ошеломила также необузданная свобода в использовании ненормативной лексики. Привыкнуть к этому так и не удалось, хотя в известной степени пришлось притерпеться.

Жизнь посёлка, его нужды, печали и радости невозможно было отделить от специфической жизни Дома инвалидов. Некоторые из социально-обеспечиваемых сумели обзавестись семьей, детьми и, по сути, покинули стены Дома-интерната, проживая в квартирах-кельях, занимаясь посильными разновидностями трудовой деятельности. Взрослые члены их семьи трудились или в штате Дома – интерната или в других службах и учреждениях посёлка. Дети, естественно, учились в валаамской школе. Несмотря на то, что музей, в котором я работала, был совершенно обособленной структурой по отношению к Дому инвалидов, все же не раз случалось по той или иной причине соприкасаться с жизнью его обитателей, включаться в решение некоторых его проблем. Главнейшей из причин являлась собирательская работа музея. Нужно было комплектовать его фонды предметами музейного значения. Владелец какого-либо «раритета» валаамского происхождения готов был расстаться с ним (топором с клеймом Валамского монастыря, коваными гвоздями, подковами, фрагментами ограды, дверной щеколдой и т.д.), как правило, по одной и той же цене: 5 рублей (по стоимости бутылки с алкоголем). Сделки осуществлялись быстро, без промедлений. Фонды постепенно пополнялись. Чтобы приобрести для музея серебряный нателный крестик с цепочкой, я разыскала комнату, в которой жила с соседкой владелица серебра - Лиза Стойкина, инвалид детства, очень маленькая ростом из-за поврежденного позвоночника, уже в годах женщина. Посещение Стойкиной позволило мне получить некоторое представление об условиях проживания в стенах Зимней гостиницы. Чистое, залитое солнечным светом, с цветами на подоконнике, украшенное всевозможными изделиями женского рукоделия (вышитыми и вязаными накидками, салфеточками, уголками), помещение с двумя кроватями, показалось особенно светлым после мрака длинного коридора, который мне пришлось преодолеть. Договорились о цене. Вопреки сложившемуся обыкновению сиюминутной оплаты, она согласилась ждать деньги из бухгалтерии, которая находилась в Петрозаводске, а, следовательно, не менее месяца.

Мне пришлось даже случайно принять участие в доставке на остров четырех человек, новых обитателей Дома-интерната.

Это было в начале ноября 1980 г. Непогода заставила всех, чей путь лежал на Валаам, больше недели ждать, когда улягутся ладожские волны и прояснится над озером тяжелое сумрачное небо. Гостиница «Ладoga» приютила всех. За неделю все перезнакомились, многое узнали друг о друге. Я обосновалась на первом этаже, в самом дешевом многоместном номере. Моими соседями были три девушки-заочницы Торгово-сельскохозяйственного техникума, приехавшие на сессию, три старушки с ответственными за их доставку на Валаам сопровождающими. Неделя наблюдения за этими старушками, общения с ними позволила составить некоторое представление о том, какими судьбами попадают люди в дома престарелых, дома инвалидов. В редких случаях это является благом. Чаще это кульминация трагического одиночества старого человека в кругу своей семьи. Не помню имен и фамилий старушек, но образ каждой из них стоит перед глазами до сих пор. Одна них была интеллигент-

тного вида, раньше сотрудничала в газете. Ее сопровождал на остров сын. Старушка плохо слышала, была безучастной ко всем в номере, не стремилась ни с кем общаться. Как только на ночь выключали свет, она начинала блуждать по комнате, искать среди спящих некоего Сереженьку (очевидно, внука). От прикосновений ее рук спящий вздрагивал, просыпался в ужасе. Когда включали свет, старушка возвращалась к своей кровати безучастно наблюдать за переполохом, который она только что произвела. Таким образом, свет по ночам в нашем номере почти не выключался. Молчаливое негодование в адрес ее сына, возникшее у всех сначала, как-то незаметно после этих ночей рассеялось. Сын остановился в соседнем, мужском номере. Когда он заходил к матери, видно было, что он страдает, что любит ее, но по-другому поступить не может, так как его работа связана с командировками. Другую старушку, одинокую, без семьи, из какой-то сельской глухомани, дезинформировали. Она была убеждена, что едет на курорт, после чего вернется в свою деревню. Она имела богатый опыт по части сквернословия, поэтому на Валааме найти понимающих ее собеседников для нее не будет проблемой. Острую жалость вызывала третья старушка. Она была, как говорится, «в здравом уме и твердой памяти». Никаких отклонений в психике, добрая, хрупкая по телосложению. Божий одуванчик. Она оказалось лишней, ненужной в семье и вынуждена была держать нелегкий путь на Валаам. Не от страха перед неизвестностью, а от обиды и горечи время от времени по щекам ее струились обильные слезы.

Именно этих старушек и еще старика из соседнего, мужского номера мне пришлось на остров доставить, приняв эстафету у их сопровождающих, которые опасались застрять из-за непогоды уже на острове. Старик был вполне самостоятельным, стремился на Валаам добровольно, надеясь найти там отдых после скитальческой и голодной жизни без крыши над головой.

Я взяла их документы, позвонила на остров, чтобы встретили пополнение. На судне «Волна», качаясь, мы благополучно прибыли на остров. На берегу я вручила документы и передала стариков встречающим их на лошадях и сочла свою миссию выполненной.

Через несколько дней я получила письма с вопросами о том, как бабушки освоились. Решила, что настало время старушек навестить. Сначала разыскала «корреспондентку». Она сидела на стуле в коридоре, меня, естественно, не узнала, на вопросы не стала отвечать. Все тот же безучастный вид. Тогда я стала о ней расспрашивать у женщин в коридоре. У одной из них вдруг лицо скривилось, и она плачущим голосом стала причитать: «Ой, какую бабушку Вы нам привезли! Ой, какая бабушка! Спать не дает...». Конечно, я не стала выяснять, в чем дело: сама испытала... Выслушивая эти причитания, я одновременно осматривала коридор. По всей длине возле дверей в палаты стояли стулья, на некоторых сидели старушки. А вдоль стен, под стульями плавно двигались кошки, каждая по своим делам. Мне показалось, что их было столько же, сколько престарелых обитателей этажа. Меня больше всего интересовало настроение третьей старушки. Как будто, ее звали Анной... Ее поселили в многоместной палате, светлой, большой, но полностью заставленной кроватями. Анна меня узнала, обра-

довалась, но снова залилась слезами. Она тосковала по своим близким, родным. Я поняла, что привыкнуть к жизни в Доме-интернате она не сможет. Для одних оказаться в интернате на социальном обеспечении – благо, спасение от нужды и одиночества, а для других – катастрофа, равноценная преждевременному уходу из жизни от того же одиночества.

В 1984 г. Валаамский Дом инвалидов перевели в Видлицу в новое здание с более благоприятными условиями, т.е., «со всеми удобствами». В 1985 г. экспедиционная группа музея, в том числе и я, остановились в поселке на два дня в ожидании судна «Волны» с Валаама для транспортировки на остров собранных в Олонецком районе предметов старины. Я не могла не навестить некоторых знакомых в интернате, хотелось узнать, хорошо ли им теперь живется. Оказалось, многие сроднились с островом настолько, что со слезами слушали мой рассказ о том, что и как на Валааме происходит, расспрашивали о тех, кто остался там жить. Несмотря на благоустройство быта в новом доме, им милее были воспоминания о жизни на острове посреди «райских кущ», когда все было фактически за порогом: и рыбная ловля, и богатство лесных угодий, и плоды садов были доступны тем, кто хоть как-то мог передвигаться. А в Видлице вокруг дома ни одно деревце не зеленело. Лес далеко. Магазин продуктовый тоже был далеко. Неудивительно, что закоренелые валаамцы тосковали по своему прежнему раздолью.

...Эхо ушедшего времени раздается и сейчас. Недавно ко мне пришел внук одной из женщин-колясочниц узнать, где похоронена его бабка. На этот вопрос я ответить не могла, потому что большинство могил социально-обеспечиваемых давно не имеют опознавательных знаков, но выяснилось в результате беседы с ним и его матерью по телефону, что на одном из безымянных снимков у нас запечатлена его бабушка Омелькович Мария Степановна. Она не была брошена семьей. Ежегодно, летом ее дети приезжали на Валаам, ухаживали за ней, помогая тем самым переносить бремя оторванности от семьи. Приятно было, что еще одна маленькая завеса в истории Валаама приоткрылась, а значит, и какие-то пути к новым разгадкам тоже.

Л.Печёрина

	3
1	
	4
2	
	5

*материал подготовил В.Рыстов
(фото из личных архивов предоставлены
В. Окуневым и Г. Сафроновой;
из архива интерната пос. Видлицы -
В. Семёновым.)*

на стр. 29:

1. Новые машины для инвалидов Великой Отечественной войны прибыли в г.Петрозаводск. 1954г., автор съёмки: К.Н.Перфильев. Национальный архив РК
2. «Сводка о надоях...» из газеты «Красное знамя» за1960г.
3. Заметка из газеты «Красное знамя» за 1954г.
4. Дом престарелых. с.Видлица, Олонецкий р-н. 1984г., автор съёмки Шестопалова. Национальный архив РК.
5. Доставка дров на Валаам на зимний период. Нач. 1980-х гг.

Национальный
Архив
истории Беларуси

Слова благодарности

(Из редакционной почты)

Мне 72 года, работать я уже не могу. Детей у меня нет. Что стала бы делать я, если бы мне пришлось жить в царской России?

Этот вопрос не тревожит нас, стариков и инвалидов, теперь. Советская власть заботится об обеспечении всех людей.

Примером этого служит Валаамский дом инвалидов, где я сейчас живу. Все мы тепло и чисто одеты, обуты, живем в хорошем помещении, хорошо питаемся. Каждые 10—12 дней для нас топят баню, меняют постельное и нательное белье. В поселке имеется больница,

амбулатория. Врачи и сестры заботятся о здоровье инвалидов.

Недавно построен новый дом культуры, в котором для нас демонстрируются кинокартины, устраиваются концерты, лекции. В красном уголке всегда можно почитать газеты, журналы, имеются настольные игры. Есть также у нас богатая библиотека, радио.

За все это, за спокойную и обеспеченную старость, мы благодарим наше Правительство и родную Коммунистическую партию.

А. Митрофанова.

Национальный
Архив
истории Беларуси

С В О Д К А о надоях молока в совхозах и подсобных хозяйствах района (в килограммах)

НАИМЕНОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВ	Надоем молока от коровы с 1 по 20 янв.	
	1960 г.	1959 г.

Подсобные хозяйства:

Дома инвалидов «Мейери»	203,9	160,5
Завода «Питкьяранта»	161,8	119,7
Фанерного комбината	114,1	111,6
Ляскельского ЦБДК	99,7	85,8
Вяртсильского мет. завода	98,1	48,8
Дома инвалидов «Валаам»	72,1	39,9
Итого по подсобным хозяйствам:	120,5	90,0

МУЗЕЙ - ЗАПОВЕДНИК

Даты, события в истории государственного музея на Валааме... Нет необходимости излагать их в соответствии со строгой хронологией. Можно, не забывая о датах и их последовательности, сделать акцент на тех подробностях и нюансах, которые может зафиксировать только память свидетелей и непосредственных участников событий, связанных со становлением и развитием нового островного музея, для которых этот процесс превратился в многолетнее, неразрывное живое целое.

Лариса Печёрина.

О государственном музее на Валааме.

Так получилось, что мне довелось быть в штате музея с момента его основания вплоть до его ликвидации. Поэтому могу считать себя не только участником, но свидетелем, наблюдателем многих событий, важных в истории музея, а также одним из собирателей многих материалов для архива документов и фондовых коллекций, которые сейчас помогают восстановить в деталях некоторые, казалось бы, забытые страницы прошлого.

После огромного количества гневных публикаций в СМИ о состоянии памятников архитектуры и природы на Валааме правительственные органы, наконец, приняли решение об организации на островах Валаамского архипелага нового музея. Он был создан в результате принятого Постановления Совета Министров РСФСР от 28 августа 1979 года № 437 «О мерах по сохранению и использованию памятников истории и культуры и природного ландшафта Валаамских островов в Карельской АССР».

Свои первые шаги новый музей, сначала на правах филиала, сделал в недрах головного Карельского государственного краеведческого музея (директор — Рыбак Е.Д.). Тогда у краеведов работали: зам. по науке - Гроссман Н.А., зав. отделом экскурсионного обслуживания - Прошутинская З.С, главным хранителем - Харитоновна Н.А. Каждый из них внес свою ощутимую лепту в успехе стартовых позиций молодого коллектива валаамцев. Особенно преуспела Зинаида Степановна Прошутинская. На первых порах она, по существу, играла роль заведующего валаамским музеем: подбирала кадры, закупила оборудование и материалы, без устали ездила в командировку на

Валаам, чтобы подготовить условия для работы и проживания на острове сотрудников. А сами новоиспеченные сотрудники до переезда на Валаам впитывали премудрости и тонкости музейной работы, ориентируясь на опыт и знания асов-краеведов. Моим персональным учителем длительное время была однокурсница, искусствовед Людмила Иосифовна Капуста. Ее мнения, советы по самым разным вопросам для меня были чрезвычайно и непререкаемо авторитетны. Первый опыт создания стационарной выставки я получила именно от нее. В том, 1980 году Л.И. Капуста сделала интересную экспозицию «Народное декоративное искусство Карелии». Я знала, что некоторые представленные предметы были собраны ею в экспедициях по Карелии, мне довелось наблюдать процесс расстановки экспонатов с учетом создания между ними логической взаимосвязи. Довелось также принять участие в обсуждении экспозиции на Ученом Совете. Более того, мне посчастливилось некоторое время проводить экскурсии по этой экспозиции, что помогло полнее ощутить богатство традиций и красоту художественного образа, заложенные, казалось бы, в самых простых, привычных, знакомых с детства вещах.

Экспозиция Л.И. Капусты отодвинула момент моего первого свидания с Валаамом. Несмотря на то, что оформилась я на работу в музей в феврале 1980 г., впервые на остров попала в июле. Там уже трудился каждый на своем месте представители нашего небольшого коллектива: молодая супружеская пара Петруниных — Паша (позднее трагически погиб) и Наташа, чьей обязанностью было поддерживать

связь с подрядчиками на ремонтно-строительных объектах, молоденькая выпускница биофака ПГУ Рагулина Ирина (в замужестве - Эйдус), с увлечением углубившаяся в изучение разнотравья острова. Чуть позднее прибыл с Соловков Критский Ю.М., историк с громадным стажем и опытом музейной работы и молодой историк Фомин В.Ф. Все мы жили на территории поселка, т.е. в центре, напрямую общаясь с местным населением. Экскурсоводы же были сосредоточены на Воскресенском и Гефсиманском скитах, поближе к туристическим теплоходам. Там с ними работала старший методист Л.В.Михайлова, появляясь в поселке только к вечеру.

В том же 1980 г. была определена кандидатура заведующего музеем. На протяжении двух с половиной лет эту обязанность исполнял Черепанов Валентин Александрович. В марте 1981 г. в штате музея в должности зав. Отделом научной пропаганды появился Высоцкий Владимир Александрович, который сменил его. Он был утвержден директором в связи с реорганизацией Валаамского филиала Карельского краеведческого музея в Валаамский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. В августе 1988 г. в результате выборов, проведенных на конкурсной основе, директором музея стал ленинградец Клитин Сергей Станиславович. В 1990 г. его место занял зам. директора по науке - Рудин Владимир Васильевич.

На протяжении более десятилетнего периода работы государственного музея (до его ликвидации) научный состав, сформировавшийся в первые годы, в большинстве своем, оставался верен Валааму. Но некоторые по разным причинам недолго оставались

на острове. Например, в 1981 г. уехал на «родненькие Соловки» Юрий Михайлович Крицкий. Ненадолго (1982-1984), задержался и другой специалист из Соловецкого музея - Михаил Васильевич Лопаткин. С его появлением работа на Валааме во всех направлениях существенно активизировалась, приобрела новые импульсы, поэтому он остался в истории музея, как талантливый, опытный молодой сотрудник, завоевавший всеобщее уважение.

Всех, кто трудился в музее, можно вспомнить самым добрым словом, потому, что каждый был заинтересован в общем успехе дела: грамотно, бережно музеефицировать архитектурное наследие острова, изучить его природное разнообразие, сохранить наиболее ценные участки природной среды в неприкосновенности. В структуре музея работали несколько подразделений: Отдел ремонта и реставрации памятников архитектуры (Левиаш Т.Л. - зав., Бочкарева О.В., Рудина Н.О., Атаманова Г.С., Попов Н.Л. - зав., Рузакова Т.В.), Отдел природы (Рудин В.В. - зав., Горьковой В.А., Слученков А.М., Шужмов А.А., Медникова А., Мускевич Ф.Л. - зав.), Отдел научно-экспозиционный (Критский Ю.М., Фомин В.Ф., Лопаткин М. В. - зав., Гурвич Л.И. - зав., Печерина Л.Н.-зав., Бердяева Т.Ю. - зав.; научные сотрудники: Яровой О.А., Рыбина Н.В., Буркова Е.Б.), Отдел фондов (Вол М.М., Гусева (Попова) Л.М. - зав., Печерина Л.Н. - зав., Куликова В.Б., Филева И., Свинцов А., Макаров В.П. - реставратор живописи, Корнилов А.А. - реставратор по металлу, Пожарская С., Георгиевский И.Ю.- фотограф), Отдел научной пропаганды (Высоцкий В.А. - зав., Фомин В.Ф. - зав., Ашмарин Г.В. - зав., Стафеева Т.П. - зав., Кузнецов Е.П. - зав., старший методист -

1983г. Воскресенский скит. Конец туристического сезона.

Михайлова Л.В., методисты: Питанова А.В., Высоцкая Л.И., Смирнова И.А.

Административно-хозяйственная часть (АХЧ) включала должности директора и его заместителей, некоторых среди которых можно вспомнить и перечислить: Зарубин С.В., Хохлов В.Н., Недошивин С.А. Текучесть кадров среди представителей младшего технического персонала была большая (дворники, рабочие, смотрители), но все же отдельных работников, добросовестно и стабильно потрудившихся на своих местах, тоже хотелось бы упомянуть. Это – Попкова М.С., Гордеев Н.П., Графова О.И., Прохоров В.М., Голяшов Б.Н.. К АХЧ относилась и Научная библиотека, в которой в разное время работали М.В. Порфоева, Т. Ю. Кузнецова, Л.В. Мылина, Н.Б. Корнилова. Она была укомплектована прекрасными изданиями, каталогизирована и зашифрована в соответствии с требованиями библиотечного дела. Увы, при ликвидации музея кому-то понадобилось разрушить четко построенную систему расстановки книг и их учета, что, безусловно, негативно сказалось на прежней безупречной репутации библиотеки.

Когда начинался музей, трудно было, но интересно. Все было впервые, все – в новинку. Запомнились первые поступления в фонды, которыми занималась сначала Вол Мира Матвеевна, потом ее сменила вплоть до 1990 г. Гусева (в замужестве - Попова) Людмила Михайловна. Собирали сотрудники всех отделов. Каждой пустяковине, имеющей отношение к исто-

рии монастыря, тогда радовались так, как будто нашли золотой клад скифского периода. Кованые гвозди, строительная арматура, скобы, топоры с клеймами и т.п. – все это постепенно накапливалось, обрастало легендами, становилось экспонатами. Состоялись первые экспедиции по острову. Это не что иное, как поиски всевозможного старья на чердаках, в подвалах, в сараях... Особенно плодотворным оказалось исследование чердака «Свечной лавки». Там, поднимая доски пола, мы обнаружили огромное количество рассыпанных мелких предметов: цветных бусин различной формы и окраски, крестики, обломки деревянных салфетниц, фаянсовые и фарфоровые осколки бокалов фирмы «Arabia», с видами собора Валаамского монастыря. Нашли также открытки, туристические брошюры на четырех европейских языках, упаковки для серебра, множество бумажных ценников. Все это было вдохновляющим моментом нашей собирательской работы. Вздоражил наш интерес к истории Валаамского монастыря также Тойво Семёнович Хайми, зам.министра культуры КАССР. Он привез из Финляндии и подарил в фонды музея замечательную иллюстрированную толстую книгу, перелистывая которую, все упивались видом знакомых интерьеров и ландшафтов, но наполненных разнообразными деталями жизнедеятельности освященного веками старого монастыря. После многих рук книга, конечно, безнадежно потеряла свой первоначальный безупречный свежий вид.

Тогда, вначале 1980-х, возможность возвращения на остров иноческой жизни казалась, конечно, нереальной, утопичной, но мечталось возродить все утраченное и разрушенное в послевоенный период.

Особенно тягостным оставалось впечатление после каждого посещения Спасо-Преображенского собора. На полу повсюду лежали обвалившиеся вместе с живописью бесформенные горы штукатурки. На некоторых участках стен очередной фрагмент живописи уже готов был отвалиться и угрожающе нависал над головами внизу проходящих. Однажды в 1981 г. я зашла в собор во время ливня. Почти такой же ливень был внутри. Вода струилась по стенам, капала, лилась потоками со всех сторон, образуя на полу лужи, которые потом проникали в нижний храм (где тогда находился склад ГорПО). На иконостасе, в котором чудом еще уцелели две центральные иконы, голуби устроили себе насест и, шумно размахивая крыльями и воркуя, перелетали с места на место. При этом от колебания воздуха летели вниз золотые искорки подкупольной живописи. Я в шоковом состоянии поспешила искать какие-то тазы, ведра, но вовремя одумалась: тазами тут проблему не решишь, нужно срочно ликвидировать протечки в кровле. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Понадобилось еще полтора года для того, чтобы не только ликвидировать протечки, но и просушить

собор, так как живописцы-реставраторы сочли бессмысленным начинать какие-то работы по консервации и реставрации до того, как будет нормализована температурно-влажностная среда. Они составили план, по которому нужно было действовать, по которому, одна из первоочередных задач - освобождение пола от огромных завалов штукатурки. Привлекли всех сотрудников, экскурсоводов. Носилки, лопаты, ведра... Трудно сказать, сколько тонн мусора пришлось вынести. В соборе стало чисто. Установили обогрев для вентиляции воздуха. Смотритель регулярно по расписанию проветривал помещение. Интенсивное разрушение оставшейся живописи прекратилось. В 1983 г. бригада реставраторов (Ленинградская областная СНРПН), во главе с В.С. Николаевым, установив передвижные леса, приступили к консервации живописи. Спустя немного времени, в 1985 г. бригада московских реставраторов (Московская межобластная СНРПМ) во главе с С. Кузнецовым занялась консервацией росписей Никольской церкви. Там состояние живописи было более благополучным, но тоже требовало срочной помощи специалистов.

Отдел строительства и реставрации памятников архитектуры под руководством Татьяны Львовны Левиаш, а позднее, Николая Леонидовича Попова, не знал усталости. Многие события музейной жизни отражены в периодической печати,

Национальный
Архив
республики Карелия

о. Валаам.
Дата съемки: 1959 г.
Автор: П.В. Беззубенко.

в архивах, в фотоматериалах. Музейные коллекции включают фонд негативов разных авторов (И.Георгиевского, О.Семененко, В.Чижикова, В.Окунева и др), которые позволяют сегодня представить изначальное состояние архитектурных объектов к моменту начала работы на острове музея и проследить те же объекты в процессе их ремонта и реставрации. По проектным рекомендациям, чертежам, созданным сотрудниками ЛФИ «Спецпроектреставрация» объединения «Росреставрация» и под их наблюдением шли первоочередные работы почти на всех объектах. Прежде всего - это повсеместный ремонт и замена кровли, вычинка кирпичной кладки. Для кровельных работ использовалась вместо жести медь, более долговечный материал. На церквях и часовнях производились золочение глав и крестов. Фасаду Водопроводного дома был возвращен первоначальный облик, были восстановлены во многих местах ограды, произведены капитальные работы на Старом братском и Игуменском кладбищах. Серьезные работы были проделаны на Воскресенском, Гефсиманском, Всехсвятском скитах. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют дать полный перечень произведенных работ. Между тем, нет объективной оценки этого периода в истории Валаама из-за слабой осведомленности.

Немало научных публикаций, книг было посвящено проблемам охраны природы Валаама. Она уникальна и она ранима. Ее очень легко можно загубить. Ученые, сотрудники Карельского филиала Академии наук СССР заинтересованно и углубленно занимались проблемами флоры и фауны острова. Их рекомендациями во многом пользовался музей в дальнейшем. В целях уменьшения нагрузки на тонкий слой почвенного покрова территория Валаама была разделена на зоны: рекреационную, т.е. районы острова, приспособленные для жилья, отдыха и хозяйствования, буферную зону, и зону строгой заповедности. В заповедную зону можно было войти только

по специальным пропускам. Жизнь природы там развивалась по своим внутренним законам, что было важно для идеальных условий создания экологического равновесия. С целью сохранения гнездований птиц и нерестилищ рыбы в определенное время года было запрещено проходить на катерах и моторках по внутренним водоемам. Кроме того, за сбор трав и букеты цветов туристов нещадно штрафовали.

Сотрудники отдела природы старались воплотить в жизнь весь комплекс предусмотренных мероприятий. Они поддерживали связь со специалистами-экологами, разрабатывали проекты экологических троп, проводили фенологические наблюдения, собирали материалы для фондов. Сейчас можно гордиться богатым гербарием, имеющим огромное научное значение. Часть фондовой коллекции по природе давно экспонируется в Питкярантском музее. Вспоминая работу сотрудников отдела, невольно испытываешь ностальгические чувства к ушедшему времени.

Весь Отдел научной пропаганды находился на Воскресенском скиту. С экскурсоводами мне пришлось общаться мало, но знаю, что среди них было немало талантливых людей творческих профессий, подлинных творцов своего дела, истинных пропагандистов достопримечательностей Валаама. Не будучи удовлетворенными состоянием современной науки об истории острова, они сами накапливали в зимнее время, работая в библиотеках и архивах материал для проведения экскурсий. Туристы были в восторге от экскурсий Е.Кузнецова, А.Милютина, Б.Казанкова, К.Петухова. Наверное, перечень имен можно было бы продолжить. У многих из них накопленный материал и влюбленность в красоту острова со временем завершились популярным изданием.

Своими средствами и методами работал научно-экспозиционный отдел. Сначала им руководил М.В. Лопаткин (1982-84), потом - Л.И. Гурвич (1984-89), далее - Л.Н. Печёрина (1989-90) и Т.Ю. Бердяева (1990-1992). Исходя из названия отдела, сотрудникам

Смоленский и Коневский скиты. 1968г. фото В.П. Вассель

необходимо было создавать научную базу в виде картотек и архивных сведений, находиться в постоянном поиске предметов музейного значения. Потому изучение литературы, работа в архивах, поездки в экспедиции, привлечение сдатчиков, связь с художниками - все это накапливало материал для создания будущих выставок и экспозиций.

Уже в конце 1981 года состоялась первая выставка. Правда, не все музейщики к ней отнеслись однозначно, т.е., не сочли ее связанной с работой музея. И все же я, как экспозиционер и как организатор, позволю себе считать эту выставку первой в истории Валаамского музея, тем более, что выступление в зале ВТО Финского драмтеатра художника Юрия Кряквина имело довольно ощутимый общественный резонанс. Юрий Кряквин шел к этой выставке более семи лет. Он ежегодно подолгу бывал на острове, собирал материал, общаясь с обитателями Валаамского Дома инвалидов, с жителями поселка. Материал уникальный, преобразованный через восприятие неординарной личности автора. В чем его уникальность? Ведь и другие художники, равно как и фотографы, приезжали на остров. Но они приезжали на Валаам с целью уловить прекрасное мгновение в бесконечном разнообразии валаамских ландшафтов. Но где мастера, направившие объективы своих фотокамер на лица страждущих, обезображенных тяжелыми болезнями и изувеченных военными испытаниями людей? Даже в архиве директо-

$\frac{1}{2}$

1. Ремонт и реставрация ограды Старого Братского кладбища. 2. Осколки надгробий, обнаруженные при земляных работах. 1987г. фото И.Георгиевского

ра Дома-интерната В.Н. Окунева, занимавшегося фотографией почти профессионально, я не нашла особого интереса к жизни своих подопечных. Поэтому живопись и графика Ю.Д. Кряквина – это те крупницы, которые частично восполняют утраченную картину определенного временного отрезка социальной жизни острова со всеми его противоречиями, радостями и страданиями. Остается только пожалеть, что картин художника так мало удалось собрать в фонды Валаамского музея.

Выставка первых поступлений в фонды открылась уже на самом Валааме летом 1982 года. Экспозиция развернулась в церкви Гефсиманского скита и была радостным событием в жизни всех музейщиков. Задавала тон в ее организации и руководила ее первыми экспо-

зиционерami Н.А. Гроссман. Это был своеобразный урок профессионализма, нацеливавший на дальнейшую самостоятельную работу молодого музея. И действительно, в последующие годы сотрудники музея самостоятельно разрабатывали проекты будущих выставок и столь же самостоятельно стремились к их воплощению в реальность. Так уж получилось, что лишь некоторые из организованных на острове и за его пределами выставок обошлись без моего участия. Я выступала или в соавторстве, или одна, как экспозиционер, в основном, конечно, в рамках темы «Валаам в изобразительном искусстве». Это была моя научная тема, и я находилась в постоянном, можно сказать, лихорадочном поиске произведений, их авторов, посетивших Валаам с творческими целями в разное время. Несмотря на огромные трудности, с которыми приходилось сталкиваться, эта работа всегда приносила мне открытия и огромное удовлетворение. А трудности бывали разные. Например, казалось, было невозможно преодолеть сопротивление художника К.А. Гоголева. Мне пришлось очень долго и упорно уговаривать его выступить с персональной выставкой на Валааме. Наконец, он согласился – и выставка состоялась в 1983 г. Успех ее превзошел все ожидания. Имя художника сразу стало знаменитым в самых разных кругах. Всеобщее признание дало новый импульс к расцвету творчества замечательного мастера и великого труженика.

Если с Гоголевым мне довелось работать над экспозицией бок о бок, обсуждать местонахождение на стене или на подиуме каждого экспоната, то в следующем, 1984 г. давно и тщательно подготовившаяся мной выставка произведений Б.А. Смирнова-Русецкого состоялась без меня из-за болезни. Прикованная в Петрозаводске коварным переломом к постели, я все же всю документальную часть выставки (этикетаж, тексты, тематико-экспозиционный план) сделала и выслала на Валаам. Написала также статьи о художнике в газету, но сама на открытии, увы, не присутствовала.

До 1986 г. наиболее удобным помещением для выставок музея была деревянная пристройка бывшей столовой Валаамской турбазы. В ней проходили выставки Гоголева, Смирнова-Русецкого, в ней была устроена тематическая выставка «Охрана и использование памятников истории, культуры и природного ландшафта (прошлое, настоящее, будущее)» (авторы: Гурвич Л.И., Рудин В.В., Бочкарева О.В., 1985.-1986). Затем пристройку снесли, как не представляющую историко-художественной ценности. Музей остался без оборудованного, хотя бы по минимуму, выставочного зала. Это стало новой объективной трудностью, но руки у экспозиционеров не опустились. Пришлось приспособливаться к интерьеру Успенской церкви Гефсиманского скита или выезжать на материк, в Петрозаводск (1987), в Ленинград (1988), в Сортавала (1989), в Финляндию (1992).

1	3
2	

1. Открытие выставки «Памятники культуры Карелии...» 1984 г. Петрозаводск.
2. Находки музейщиков. 1980-е гг. 3. Выставка в Ленинграде. (Большая Охта. 1988г.)

1	2
3	

художник Ю. Кряквин:

1. «Храм» о. Валаам, 1984г. бум., пастель, 42,5х58,5.
2. «А. Садыков - ветеран войны», о. Валаам, 1985г. бум., пастель, 43х58.
3. «Гармонист», о. Валаам, 1978г. бум., сангина, 42,5х58,5.

В Петрозаводске пришлось осваивать помещение нынешнего Художественного салона. Тогда еще только вчера закончились строительные работы, не убраны были доски внутри, мусор, полы и стекла нужно было отмывать от краски. Взяли во временное пользование из Музея ИЗО шторы на окна, кое-как установили крепежи вдоль стен для развески картин. Была заказана афиша с названием выставки «Художники-друзья Валаама». Выбор темы не случаен: в 1986 г. на острове художниками была предпринята попытка создания объединения с таким названием. Когда все было готово, приехали сами авторы, члены созданного объединения. Это - архитекторы-реставраторы ЛФИ «Спецпроектреставрация» В.В. Погорелый, Г.В. Блохин, А.Ю. Дельнов, Н.В. Бушихин, Т.Ю. Яковлева. Они помогли и в создании экспозиции, и в развеске картин. Следует признаться, что многие художественные выставки, которые мне довелось устраивать, сделаны с помощью самих авторов, с учетом их мнения и советов.

В следующем 1988 г. эти же авторы (а также к ним присоединились художники Марина Андреевна Козловская и Анатолий Савельевич Заславский) помогли мне сделать выставку в Ленинграде («Валаам, Северное Приладожье в произведениях изобразительного искусства») в Большеохтинском зале СХ РСФСР. Размеры зала позволили обогатить экспозицию ретроспективным разделом. Из Государственного Русского Музея удалось получить для экспонирования картины И.И. Шишкина, А.И. Куинджи, А.В. Гине, Н.К. Рериха, рисунки Ф.А. Васильева, литографии Ф.Ф. Тимма, П. Бореля и др. Открытие выставки было торжественным и многолюдным.

Одним из последних выступлений музея были в 1992 г. выставки в Финляндии (Иисалми) «История

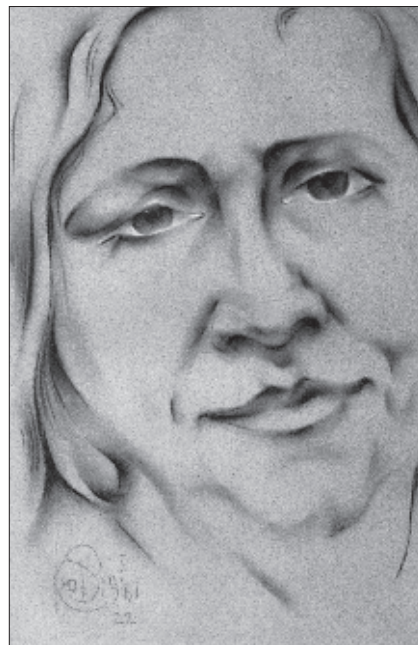
Валаамского монастыря» и «Иконы в фондах Валаамского музея», первое выступление музея за рубежом, о чем сохранились очень приятные воспоминания, требующие отдельного повествования.

К завершению своей истории музей вплотную подошел к моменту начала разработки постоянной экспозиции. Своеобразный вариант стационарного экспонирования продемонстрировала молодой специалист Елена Буркова. Она вступила в Ассоциацию колокольного искусства, собирала колокола, изучала способы их крепления и методы извлечения звука. В результате радостно зазвучали музейные колокола на колокольне церкви Успения Пресвятой Богородицы на Гефсиманском скиту. Регулярными стали концерты колокольной музыки. Уже был также частичный опыт накоплен при создании совместного с ГЖОИ и ЛФИ «Спецпроектреставрация» стационарных выставок («Школа боцманов ВМФ на острове Валаам», 1985г. - автор гл. хранитель Гусева Л.М., «История формирования архитектурно-ландшафтного комплекса Валаамского архипелага и его реставрации, 1990г., автор - Печёрина Л.Н.). Последняя, рассчитанная на несколько лет работы, была демонтирована в связи с ликвидацией государственного музея.

Да, в 1992 г. государственный музей был ликвидирован. Его фонды были поделены между двумя организациями в том же году музеями: на Валааме (ТОО, а потом - ООО «Валаамский научно-исследовательский, церковно-археологический и природный музей-заповедник») и в г.Сортавала (Региональный музей Северного Приладожья). Но это уже новая история, хотя и является продолжением предыдущего периода музейной работы на Валааме.

«Искусствовед Печёрина»,
художник Ю.Кряквин.
о.Валаам, 1981г. бумага, пастель, 35х49,5

Печёрина Лариса Николаевна, родилась в г. Петрозаводске. Трудовую деятельность начала в 1967 г. в Машиносчетном отделении Статистического управления КАССР в должности старшей машинистки, некоторое время работала в Онкологическом диспансере Петрозаводском в Ленинградском филиале Ленинградской консерватории, затем - семь лет преподавателем истории искусства и марксистско-ленинской эстетики на Художественно-графическом отделении Педучилища №2(г. Петрозаводска). В 1976 г. получила специальность искусствоведа на Факультете теории, истории искусства (ФТИИ), Ордена Трудового Красного Знамени Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (ныне - Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина). С открытием Валаамского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника перешла на работу из училища в новый музей, в котором вплоть до его ликвидации в 1992г. работала, занимая должности: ст. научный сотрудник, зав. Научно-экспозиционным отделом и зав. Фондами. Длительное время занимала должность главного хранителя в Музее Валаамского монастыря, сменившего государственный музей. В настоящее время трудится в том же музее, выполняя научно-исследовательскую, хранительскую, собирательскую работу. Многократно выступала на страницах периодической печати, приняла участие в издании некоторых каталогов выставок, в издании энциклопедии «Карелия». Ведет персональный сайт по теме: «Валаам. Музей. Художники».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Перечень ряда объектов, на которых производились реставрационные работы в период нахождения на Валааме государственного историко - архитектурного и природного музея – заповедника.

Церковь Успения Гефсиманского скита. Проект: институт «Спецпроектреставрация». 1982-84 гг. – подрядчик Сортавальское РСУ. Основные виды работ: восстановление глав и крестов, реставрация кровельного покрытия, обшивки, крыльца; окраска фасадов; в интерьере – разборка поздних конструкций (перекрытий, перегородок), отделочные работы.

Трапезный корпус Воскресенского скита. 1987-1988, Сортавальское РСУ, реставрация фасадов и кровель, отделочные работы в интерьерах, проектная документация института «Спецпроектреставрация» (СПб)

Часовня «Всех скорбящих радость». Проект - институт «Спецпроектреставрация». Производитель работ: Московское СНРУ-1- 1986 г. Основные виды работ: смена кровельного покрытия, реставрация фасадов, золочение главы и креста.

Угловой хозяйственный корпус скита Всех святых. Проект - институт «Спецпроектреставрация» Производитель работ: 1 этап – Карельское СНРУ - восстановление кладки стен и сводов – 1985 год.

Часовня-беседка Гефсиманского скита. ООО «Мир» - г. Сортавала. Проектные и реставрационные работы - 1988; Комплексная реставрация: смена нижних венцов, реставрация обшивки, кровли, главы, окраска.

Каретно-конюшенный дом. Проект: институт «Спецпроектреставрация». Реставрационные работы 1984-86 гг. Карельское СНРУ: усиление фундаментов, реставрация кладки наружных стен, оконных заполнений, ворот, восстановление взвоза, замена кровельного покрытия, приспособление под выставочный зал с усилением деревянных балок междуэтажного перекрытия и строительной системы

Келейный корпус Воскресенского скита. 1982-1984 гг.- реставрация фасадов и оконных заполнений: смена кровли, работы в интерьере по приспособлению под жилье – Карельское СНРУ

Церковь скита Всех Святых. Проект: институт «Спецпроектреставрация». Производитель работ - Карельское СНРУ Основные работы: смена кровельного покрытия, реставрация фасадов (кладки, штукатурки, окраска, воссоздание оконных и дверных заполнений, восстановление отмостки, расчистка золочёных крестов и шаров – 1985-87 гг.

Никольская церковь (Никольский скит). Проект - институт «Спецпроектреставрация». Реставрационные работы: 1984-86 гг. Карельское СНРУ. Покрытие шатра медью, прочие кровельные работы, реставрация отмостки и сводов в основании церкви. Московское СНРУ №1 – позолота главы и крестов, реставрация кладки штукатурки, окраска фасадов, окраска шатра медянкой – 1985-87гг. Московская межобластная СНРПМ – консервация живописи (1985-88).

Рига. ООО «Мир» (г. Сортавала) – приспособление под производственные мастерские – 1988г.

Благовещенская часовня. Реставрационные работы: вычистка кладки, окраска, смена кровельного покрытия, воссоздание оконных и дверных заполнений; Производитель работ и проектировщик Карельское СНРУ, 1984-85гг.

Водопроводный дом. 1981-1988гг.; Реставрационные работы - Сортавальское РСУ по проекту института Спецпроектреставрация» (СПб). Основные виды работ: восстановление стен, сводов, кровли, столярных изделий, реставрация штукатурки, окраска, разборка поздних пристроек, отделочные работы в интерьерах, восстановление исторической функции – системы водоснабжения. Средства ВООПИК – 1981-83, далее – бюджет.

Корпуса внешнего каре с церквями Петра и Павла и Живоначальной Троицы. 1985-1986 гг. Сортавальским РСУ проведены ремонтные работы в интерьерах церкви Петра и Павла.

Зимняя гостиница. Проект - институт «Спецпроектреставрация». В 1986-88гг. работы по реставрации кровель, фасадов вело Карельское СНРУ. В 90-е гг. работы в интерьере – коммунальные службы г. Сортавала.

Церковь и колокольня на Игуменском кладбище. Первоочередные ремонтно-реставрационные работы проведены в 1980-1981 (церковь) и 1987-88 гг. (колокольня) силами Сортавальского РСУ. Основные виды работ: реставрация кровель, кладки; яруса звона на колокольне.

Каменный дом при Зимней гостинице (флотский домик). Воссоздание центральной части здания. Проект - институт «Спецпроектреставрация». Работы выполнены ПМК-115, г. Сортавала. В 1990-1991гг. здание приспособляется под административные службы пос. Валаам (средства РПЦ).

Дом в Аптекарском саду. К середине 80-гг. – в аварийном состоянии. Реставрация методом полной переборки выполнена в 1985-1986 гг. Карельским СНРУ (средства Минлесхоза КАССР).

Летняя гостиница. В 1980-1982гг. реставрационные работы проведены Сортавальским РСУ по проекту «Спецпроектреставрация»: выполнены работы – реставрация кровель, фасадов (в интерьерах – частичная перепланировка с приспособлением под жилье). Бюджетные средства.

Церковь Иоанна Предтечи. Проект - институт «Спецпроектреставрация». Разработан в 1985-86 гг. дополнен в 1999-2000гг. Реставрационные работы начаты в 1986 г. Карельским СНРУ. (Продолжены ООО «Реставрация» (Сортавала) и ООО «Традиция» (СПб) в 1999-2001гг.. Выполнена комплексная реставрация: смена отдельных бревен сруба, восстановление завершений, смена кровельного покрытия, замена и реставрация оконных и дверных заполнений, воссоздание обшивки, реставрация кирпичной кладки цоколя, воссоздание крыльца, окраска фасадов, работы в интерьере. (Средства РПЦ).

Вознесенская часовня. Гефсиманский скит. Проект - институт «Спецпроектреставрация» Производство работ (1986-87гг.) – Карельское СНРУ. Основные виды работ: реставрация сруба, глав, обшивки, столярных изделий, воссоздание крыльца, золочение крестов и подкрестных шаров, окраска фасадов.

Келейный корпус у дороги Гефсиманского скита. Начало реставрации сруба – 1987г. силами Карельского СНРУ, Проект - институт «Спецпроектреставрация». 1988г. - работы прекращены из-за отсутствия финансирования. (В 2000г. возобновление работ силами Валаамского. Монастыря).

Церковь Воскресения. Проект - институт «Спецпроектреставрация». Производитель работ: Сортавальское РСУ – разборка поздних перестроек в интерьере, ремонт деревянных конструкций на ярусах звона колокольни, отделочные работы в интерьере. Московское СНРУ № 1 - смена кровельного покрытия, покрытие глав медью, золочение, реставрация фасадов: вычистка кирпичной кладки, окраска, реставрационные работы по гранитной лестнице.

Скит Предтеченский. Келейные корпуса. Келейный корпус воссоздан на старом фундаменте по проекту института «Спецпроектреставрация». Келейный корпус у дороги от пристани к церкви, начатый реставрацией в 1987 году силами Карельским СНРУ, законсервирован.

Старое братское кладбище. Проект института «Спецпроектреставрация». Работы велись Сортавальским СРУ в 1987-88 гг. Реставрация ограды и башен, благоустройство территории.

Спасо-Преображенский собор. Проекты реставрации института «Спецпроектреставрация». Производитель работ: Карельское СНРУ – 1981-1989 гг. - реставрация строительных конструкций, смена кровельного покрытия из оцинкованной стали (скатные кровли), реставрация наиболее разрушенных участков кладки стен и карнизов, реставрация деревянных конструкций ярусов звона колокольни и хоров, реставрация оконных переплетов. Московское СНРУ №1 - 1983-87гг. покрытие медью глав собора и шатра колокольни, реставрация кладки и штукатурки. Ленинградская областная СНРПМ - консервация живописи.

ОСТРОВИТЯНЕ

В этой рубрике «Сердоболь» публикует два материала, позволяющие представить жизнь коренных обитателей о.Валаам. Первый - часть интервью с жителями, собранные фольклорной экспедицией студентов Петрозаводского университета в 1991 году. Второй - статью (с сокращениями) из нашего 4 выпуска, посвященную В.И. Костяной, одной из первых поселившихся на острове в послевоенный период.

1. Валаамская экспедиция

Мы прибыли на остров в смутное время. Это был июль 1991 года. На Валааме центром жизни еще оставался музей, но уже возвращался монастырь. В конце 80-х правительством СССР было принято решение о возвращении Валаамского монастыря Русской православной Церкви, и на Валааме появились первые монахи. В пропасти неизвестности между прошлым и будущим существовали жители валаамского поселка, привыкшие к переменной судьбе, но судьбе – валаамской. Теперь над островитянами тяжелым бездушьем в свежем воздухе Валаама висел вопрос: найдется ли им место на острове, ставшем родиной.

Мы – это фольклорная экспедиция студентов Петрозаводского университета под моим кураторством. Звучало солидно, но вообще-то это была учебная фольклорная практика для студентов, которые только что стали второкурсниками. Практика предполагала знакомство студентов с традиционным фольклором и получение навыков научной записи и обработки устного народного творчества.

Трудно было подобрать место менее удачное для этой цели, чем Валаам. Обстоятельства привели сюда людей из самых разных регионов бывшего Союза. В поселке жили русские, карелы, финны, украинцы, белорусы, узбеки и представители прочих национальностей советского конгломерата – по паре, по одному... Смешение языков, вер, обычаев привело к разрушению, забвению национальных народных традиций. Лучше всего сохранилась русская фольклорная традиция Заонежья. Бережно хранили ее ветераны Валаама Александра Николаевна Исакова, Надежда Федоровна Ершова, но они были исключением. И тем не менее вопреки, казалось бы, здравой логике, я привезла студентов на Валаам. Раз побывав на острове за год до того в составе археологической экспедиции, познакомившись с фантастической природой Валаама, с его намоленной землей и величественным даже в руинах монастырем, с его жителями, во всех своих ипостасях: сотрудники музея, «беглый люд» из

городов и весей большой и хронически неустроенной страны, и «коренные», в большинстве своем оставшиеся на Валааме после дома инвалидов, – все они нищие аристократы духа, потому что материальных благ и даже элементарного быта советский Валаам никому не сулил и не давал. Все они жили безбытно, а значит другим. И я хотела сохранить память о них, об уходящем в небытие времени, записать их рассказы – о себе и о Валааме, ставшем их судьбой. Так сложилась и окрепла идея – записать устную историю Валаама, краткую и драматичную советскую историю острова-монастыря, возвращавшегося в свою истинную судьбу.

А вот жители острова, для которых Валаам стал родиной, боялись ее утратить. Они были растеряны, жили в нервном напряжении неизвестности, в предчувствии возможной (невозможной!) разлуки с Валаамом. Многие замолкали при одном только виде блокнота и ручки, о записи на магнитофон и речи не шло. Но высказать себя людям хотелось... и некоторые начинали говорить. Условие ставили все одно: рассказы не публиковать и не озвучивать, имен не называть. Это при том, что фигура умолчания в их рассказах и так занимала огромное место. За плечами у каждого валаамца стояла нелегкая судьба.

Прошло 20 лет. Многих из тех, с кем мы тогда беседовали, пожалуй, уже нет в живых. И сегодня мой долг – напомнить о них и приоткрыть через их память одну из страниц большой жизни острова. Биография человека вбирает в себя и хранит в себе историю.

Мне хочется поблагодарить всех, благодаря кому 20 лет назад эта фольклорная экспедиция, развернувшаяся в три лета с 91-го по 93-й годы, состоялась. Это Олег Аркадьевич Яровой, тогда сотрудник Валаамского музея, и замечательные студенты-филологи, особенно той первой, самой незабываемой экспедиции, которые в суеде вслед бегущих лет не стираются в моей памяти.

*И.А. Спиридонова, д.ф.н.,
проф.кафедры русской литературы и журналистики ПетрГУ*

на стр. 42 - 43 (вверху): кадры из киножурнала «Советская Карелия» 1989г. (Национальный архив РК)
на стр. 43 (внизу): Форсбак Евдокия Урховна. фото С.Дубатолова, нач. 90-х гг., о.Валаам

Форсбак Евдокия Урховна

*1926г. рождения, финка, образование неполное среднее.
Записано студентами ПГУ Кузнецовой С. и Котовым А.
3 июля 1991г., о. Валаам.*

Родом я из Финляндии... В Союз попала в 1933 году, тогда отец с матерью переехали Карелию. Было это зимой, а летом 14 июля мне исполнилось 7 лет. В 1941 году в начале войны эвакуировали нас в Архангельскую область, а оттуда с братьями и сестрами попали на Валаам. Как сейчас помню 12 марта 1944 года. Гнали скот, шли сами. Валаам был совсем чистый и пустой. Ночью в 12 пришли, открыли ворота в Красный дом, скотину запустили – ни души!

Отца репрессировали в 1938 году, мать – 15 июня 1941г. С отцом получилось как. Жили мы тогда в Беломорском районе, селе Лехта. Ночью женщина знакомая (часов в 11 – 12) пришла: «Пошли, - отцу говорит, - пока не поздно, мы с тобой вдвоём остались. Смотри, что в стране делается!» А отец ей: «Я на той стороне ничего плохого не делал, и здесь я никому не вредил». Он был партийный, и она где-то в райкоме работала, узнала, видно ждала уже, тогда же в лес убежала, у лесника 4 месяца жила. Она ведь потом со мной 15 лет жила. Один раз на Белом скиту я была, а она там капусту полоть пришла. Я мальчонке говорю: «Не мешай бабушке полоть». Повторила несколько раз. А тут она от грядки

поднялась, на меня посмотрела. И начала все имена нашей семьи перечислять. По-русски она плохо говорила, а по-фински мы с ней разошлись. Так вот встретились. Она меня пятилетнею видела, а видишь, по голосу узнала. Голоса мой и матери похожи сильно были. Об отце я от неё узнала, в 1950 году. Так она ко мне в квартиру с дочкой (тогда я в здании поселкового совета жила) переехала. Нисколько она не болела, всё на ногах, да на ногах. Но, ... что-то не то с ней случилось. По открыткам заметили мы. Она всегда с праздником поздравляла, открытки писала по-фински очень аккуратно, красиво. А тут на 7 ноября посмотрели: буквы непонятные, строчки бегают. Руки, значат, трястись начали. В сарай я вышла, дочка за мной прибегает: «Мама, с бабушкой что-то!» Я пришла, она мне говорит: «Ну, всё, ухожу я». Кончилась в тот же день 7 ноября.

Ведь об отце она мне очень много рассказала. Он даже написать смог (откуда же взял, карандаш, обрывок?) Написал, что в Сибирь их везут. А на самом-то деле в Беломорске на канале топили. Я как-то телевизор включила и смотрю: показывают, как их охранники в комнате топили (?). Бельё, мол, меняйте, а сами воду запускали. Ещё тут, в каком уже не помню месте, лагерь был. Людей на берег реки гнали мыться, а берег крутой. В воду ещё и трактором сгоняли, а кто по реке плыть хотел, тех на лодке догоняли, камнями топили.

На Валааме у нас поначалу жизнь тяжёлая была. Зимой самолёт часто не садился, почту сверху бросали. Было даже – без хлеба сидели. В Сортавалу однажды с хлебными карточками приехали, а над нами сортавальские смеются: хлеб, мол, давно уже без карточек. А вот молоко всегда было. Иногда без света сидели: масло в банку наливали, фитиль из ваты вставляли. Уж зажигали только на ужине или ночью, а так старались всё на улице делать.

В 1950 г. приехал на Валаам интернат. На пристань тогда побежала на баржу смотреть, все тогда бежали. И слепые были, и туберкулёзные, и умственно отсталые. Они (последние) на Никольском скиту жили, туберкулёзники на Жёлтом, а в Зимней гостинице престарелые и инвалиды войны. Каких их тут только не было! Господи, я не видала таких никогда! Боже, лежит на кровати мать, а рядом мальчик лет 14, сын. И обе змейкой извиваются. Кровать сверху сеткой была закрыта. Ещё видела в корзинках как под яйца людей: лицо взрослое, года по 32-33, а тело прямо как у ребёнка. Только «мама» и говорили. Родственники к ним, не всем, конечно, некоторым, приезжали. Я не сказала бы, что им плохо жилось. Много ведь и от них зависело. Как сейчас, кто мог корову держал или ещё что-то.

Журавлева Валентина Ивановна

1922г. рождения (Казанская обл.), образование среднее, татарка/русская.

Записано студентами ПГУ Кузнецовой С. и Котовым А. 8 июля 1991г., о.Валаам, центральная усадьба.

Родителей у меня не было, всё с сестрой росла, так вместе и выросли. Я Валентина, а она Лидия, обе Ивановны. На Валааме мы с 1947 года, а попали случайно. А если рассказывать, то так вот это было.

Жили в Казани. Сестра партийная была, коммунистка. Вот ей и приказали: езжай колхозы организовывай, власть советскую подымай. Поэтотому из Казани в Выборг перебрались, там с 39 года (1939) до самой войны жили. А как эвакуировать нас начали, то поздно уже было. Ведь

Я 22 года работала на молочной ферме: и дояркой, и телятницей, и заведующей. Семья ведь большая была – 8 братьев и 5 сестёр. Мне 18 было, старшая, кормить семью надо было. Кроме фермы 18 лет проработала в детсаде, ночной няней была, посудомойкой. А в детсаде как ещё получилось. Внук у меня всё бегал, куда пойду, туда и он увязывается за мной. Взяла как-то кусок бумаги, карандаш и написала в Сортавалу. И надо же, через неделю ответ появился и детсад открыли. Всё из Сортавалы привезли: и кровати, и постельное бельё, и даже миски. Директор всё потом за мной ходил, когда с фермы ушла. Возвратиться просил, заведующий детсада говорил, что на ферму мне идти надо. И мне говорил: «Я, мол, тебе и платить больше буду».

Грамоту внука на стенку повесила за работу, сама бы я не повешала. В 1964 году я её получила за надои. Самую первую премию – мне корову дали. Я всё не верила. А приехал министр из Петрозаводска. Сходили в стадо, мне стельную корову выбрали: мол, будущее и с молоком, и с телёнком. А сколько премий – бычков и телок давали или просто по 100 рублей в конверте, или материю какую – не вспомнить уже.

Хозяин (муж) у меня работающий был, не без рук. Воду на гору поднял. Инженеры, да и кто там (не министр ли) приезжали: нельзя воду провести. А он насос монашеский центробежный нашёл, побитый уже, правда. Угол был взорван у водокачки и крестами с кладбища набит. А в колодец кто-то бочку с мазутом вылил.

Дали ему 5 человек (он в поселковый совет ходил), чё-то там копошились(?) Насос на паровой машине работал, так он меня кочегаром взял к себе. И ничего, подняли воду. И ему из министерства, наверное, премию прислали 1000 или 2000 рублей. Поссовет ведь тоже не верил: нельзя, мол, воду поднять. А сейчас там такие работники, что по-старому всё, воду берут из другого места.

Сейчас монахи выселить всех хотят. Но Финляндия возражает: у нас-то живут люди рядом с церквями – и ничего. Тут сход 14 июня был, я ходила. Говорила там. Людей гнали, гнали, не спрашивали, а теперь назад. Нужно вам моё жильё – стройте в стороне дом и забирайте с богом. Был бы ум тогда, как приехала, взяла бы дом себе с братьевыми да сёстрами. Ведь в коммуналке 9м2 все вместе жили. А как сына у меня забрали в армию, я к кассиру пошла и бумагу составить попросила, сколько нас живёт в этой келье. Она написала, печать поставила. Я эту бумагу в военкомат, а оттуда в поссовет требование квартиру дать. Тут конечно: выберите Урховна в центральной усадьбе. А выбирать – то не из чего уже было.

жили-то не в самом Выборге, а на острове Ревансария (о.Ревон – Саари, ныне о. Лисий – прим. «Сердоболя»), где сестра колхоз организовывала. Так вот приказали нам всем, жил кто на острове, хлеб кой-какой собрать, дома на замок закрыть. И еды взять всего дня на три: там накормят, а едете вы на 1 – 2 месяца. На баржу погрузили, от острова отошли, смотрим – горят и дома наши, и хлеб. Подожгли.... Это случилось в августе 1941 года. Ну, а из Выборга эвакуировали, когда танки на Ленинград шли. Помню, долго мы в эшелоне на станции Макс Лахти стояли. У эшелона паровозы с обоих концов были, чтоб в случае чего туда-сюда толкать. И единственный путь для нас был через станцию Мга.

До Мги еще не доехали, и вдруг слышим: взрыв как

будто. Машинист наш старенький, помню, говорит: «Всё, ребята, приехали». Так оно и оказалось, разбомбили мост. В Ленинграде оказались надолго.... И уже в 1945 г. нас оттуда вывезли.

Помню, в Мельничьем мы Ручье сидели. А пути просто так не было: пропуска были нужны. Вот шофера ходят и спрашивают, куда надо да сколько. Шли пропуска оформляли: «Обязуюсь мою жену и детей отправить туда-то и так-то». Брели за это они по 300 рублей с человека. А мы и рады были: денег не жалко, только б выбраться поскорее. Дорога по Ладого плохая была, так военные чё делали: щиты стелют спереди, потом сзади вперед переносят. И все время так. <Речь, по-видимому, шла о переправе населения из Выборгского района в Ленинград, откуда ехали на места назначения>

И с Ленинграда нас в теплушках повезли в Тихвин. А там-то уже и картошка была, и хлеб. На рынке да станции купить можно было. И померли наши многие: долго ведь голодом сидели, а тут наелись до пуза. С Тихвина повезли нас в Ивановск, откармливали там месяц или два. А потом сказали так: «Езжайте по своим домам». И мы с сестрой в Казань вернулись, на родину. Немного там побыли, опять ей как коммунистке приказ: в Карелию на становление колхозного хозяйства. Только и побыли дома, что с конца мая по июль.

Привезли нас в Сортавала, оттуда на Валаам направили. Знали бы, что мучиться будем, не поехали бы. Сестру мою сразу сюда наладили, в 1946 году. А я ещё в Сортавала оставалась, на год позже приехала, дома и кельи все пустые были, устраивались, кто как сумел. Хозяйств 4 или 5, не больше. До 1950 здесь совхоз и Питкяранты находился: куды пошлют работали. И на огородах, и на полях, и на ферме. Так тогда еще ни продуктов никаких не было, ни керосина. А магазин-то красный (что в свечной) так и стоял, как сейчас. Почту с самолета сбрасывали, лазили зимой за ней по сугробам. Электричества тоже не было, лампы покупали. В магазине и стёкла к ним лежали и фитили. На стенку кельи повесишь (на дереве чтоб не загорелось, и смотришь на детей: не полезли бы баловаться). В 49 году (1949) воронежские сюды приехали, станцию какую-то привезли. Свет появился: сначала до 12 (ночи) только, а потом все время.

Было много зданий разрушено, конечно, какие-то вообще нежилые: конюшня, ферма, кузница. Юнги жили, а до 1939 года монахи финские жили.

Кто по вербовке ехал, кто сам, а кого и сгоняли просто землю обрабатывать. Патриированные (репатриированные – прим. «Сердоболя») они. Здесь их много таких было, мы с ними работали. В общем, называли их «влазовцы». До дома-интерната многие жили, потом уехали. Хорошие они люди были, работали старательно. Вредных мало было, вот Алексюк только, Дуси Форсбак мужик. Власти сюда как приезжали (следили всё ж за патриированными), ни о ком не спрашивали, только об Алексюке: как он, Алексюк? Хитрил он. В доме-интернате слепым притворялся, а потом прозрел вдруг. Окна, двери дома закроешь, часы ручные ремонтирует – слепой тоже мне.

В 1950 году интернат приехал, остров соцобеспечению от Питкяранты передали. Две баржи было, первую как привезли, на ночь инвалидов куды попало размещали: и в Зимнюю, и в летнюю, и даже в храм. Делали им комнаты по 10 – 12 человек. Портняжная у инвалидов была своя, на машинках что-то они делали, крутили. И сапожники были: как кожу достанут, так и сапоги сошьют. Не то чтобы

особо обувь была, но носить можно. А начальству первым делом – хромовые. Директора интерната такие были: первый – Свистунов, потом Ершов, Базалев, Королёв, а последний Окунев. Королёв – тот хозяин был, может, и не хороший, а один. Для нас, может, и плохой, а для министерства он был хороший. Поля у нас разрабатывали, а он их запустил, пьянкой с выпивохами развёл. Королёв правильно думал: «Раньше землю обрабатывали. А мне зачем?». Платили – то нам копейки, санитарок гоняли. Сутки проработаешь, дома сколько-то там отсидишься – и в поле. В конце концов распознали люди: целый день работаешь, работаешь, а сверху тебе от начальства рубль дадут. Молока здесь вволю было, инвалидам каждому по пол-литра на день давали, сами мы пили и аж свиньям лили. У Королёва на свинарнике дочка зоотехником работала, а другая на курятнике заведовала. Королёв как думал: «Меня государство отпустит». Запустил всё поэтому. Ну а снабжали инвалидов хорошо.

А такое было, что сена коровам косить он не давал. Приказ, мол, такой получен был. У нас для сена у кого коляска сделана, у кого что, возить чтоб. Косили и на скитах, и на островах. А раз кормить нечем, зачем трудиться было? За 28 копеек в магазине можно купить. Резали да сдавали в тот же интернат. У Садыковых одна осталась: три мужика по ночам косили, да с пекарни что – то брали (там работали). Я свою коровёнку сдала. Это когда из Казани – то приехали, в Куоканеме (Куокканиеми, Сортавальский район) ссуду государственную на 5 лет давали. Я тогда 8000 взяла, телочку купила да козочку.

Сестра у меня председателем Посёлкового была, боевая, порядок тут наводила. А он и был: вот лесничий один работал всего, дрова все себе рубили да на постройки. В лес зайдёшь – чистота. А сейчас лесхоз целый бездельников, а как вглубь метров на 20 – 30 ступишь, так и на сушняк и мусор всякий натыкаешься. Ну, так вот, сестра порядок наводила, а я в клубе работала, билеты на кино продавала. И так до 1957 года. Тогда в клубе очень хорошо было, потому как директор хороший был – Черников (уто-нул он потом, на льдине оторвало и в Ладогу унесло). Затем Маркушев такой был, а потом они один за другим менялись. Каждую субботу и воскресенье – игры всякие, танцы. Молодым веселиться хотелось. Свой красный уголок у нас был. Кино постоянно: и инвалидам, и нам. Фильмы разные присылали, а мне очень «Тарзан» нравился. Тогда, помню < всего > 2 серии привезли, посмотрели и остальные 2 ждали. Ждали – ждали, а так и не дождался. В клубе баянисты свои работали, а при доме – интернате (помогал – таки) у нас бильярды появились, и гитары, и инструменты разные. А на праздники, какие везде плакаты, флажки вешали – хоть заметно было.

С 1957 года пошла я в интернат работать, санитаркой. Так до 1977 года. Сначала нам 36 рублей платили (по старым – 360), потом 54, а под конец аж 86. Да северные тут, да надбавки разные. Грамоты давали, медалью наградили «За трудовые заслуги». Тяжело работать приходилось, за такие деньги – кто ж пойдёт, вот людей постоянно и не хватало.

При Питкяранте ещё, открыли здесь школу, больницу, пекарню. Школа в 1946 году появилась. Директором её первым Черников был Константин (брат того утонувшего), а после Реутюль (вариант: Рюнтель), Молчанова Вероника Александровна, Свинцова. Сейчас учеников немного, а раньше в классе даже по 28 – 30 учеников. Хорошие учителя здесь так не задерживаются надолго.

Больница в 1950 году открылась. Полный комплект

здесь был: и лаборатория, и рентген, и массаж. Было... А пекарня? Года три назад пекари нынешние какой хороший хлеб пекли. Нынче мука, говорят, пошла плохая. Три семьи работают. А раньше, по памяти, Оловянниковы здесь работали: мать, сын, да муж. Ничегошеньки они за душой не имели, а хлебушек был – золото чистое.

Сады какие тут замечательные стояли. Мы ведь споконно заходили, говорили только, чтоб кусты и вешки не ломали. Окучивать и окапывать заставляли – как уж не пойти яблоч не порвать. А сторожа были. Дмитриева Мария (отчества не помню, в земле давно она), тётей Машей её мы звали. Ягодов полно было: смородина (и чёрная, и красная, и белая), крыжовник, вишня, чернослив. Даже 2 дерева абрикосовых росли. Сначала крупные были, мягкие, но одичали потом. Загородь мы дощатую делали, чтоб ветром не побивало. От зверей охранять приходилось: лис водилось, лосей, зайцев полнёхонько. Бывало, как у клёна упадут листья, смотришь – лиса с малыми лисятами по воде к саду плывёт. Издалека видишь её. Как 15 августа – в лес бежишь за грибами, клюква позже с брусничкой поспевает. < Примечание: речь идёт об одном из садов в центральной усадьбе, недалеко от больницы. > Квартира у меня такая же, как и сейчас была, только этажом повыше (в старости сама уж попросилась пониже), так что сад и сейчас у окна видать. Запущен он, корни разве у кооператоров и остались.

Еродром у нас в 1949 году строили. Там как раз часовня стояла, не мешала до этого никому. Снесли её, по проекту значит. Ломали долго, не наш брат, сразу видно, строил. У нас ломом тки – развалится, а часовни той кладки куски до сих пор валяются. Я тогда с сестрой ходила (она председательствовала всё – таки). Там канава была для стока воды. Мы с сестрой придём, скажем: «Канавы – то очистите, зальёт всё». Так они в ответ – сами, мол, учёные, знаем. Канавы все лесом закидали, а осенью вода, грязь – короче, залило весь их еродром. Канавы – то забиты, стока нет. Леса столько погубили, денег тысячи. Говорили, посадили потом инженера ихнего главного.

Зимой на Ладогу самолёт садился, почту привозил. Однажды прилетел, почту мы выгрузили и ушли все. Приходим после обеда – а самолёта-то нашего и нет, только крылья на поверхности торчат, сам весь под лёд ушёл. На другой день вертолёт из Петрозаводска вызвали, крюком(?) подцепил наш самолётишко и потащил. С тех < пор > больше так не летают (случай 77 – 79 гг.).

А санный путь у нас по Ладоге до Сортавала был. Сорок пять километров на санях – красота.

Кузница была прямо на улице, где сейчас электростанция, там станок стоял. А последним кузнецом Попков Иван был. А первого я не помню почти. Жуковский, что ли.

Мы как приехали, тут всё сиренью было обсажено. Цветы в клумбах целыми букетами. Потом и у нас реши-

ли свой сквер создать, так сделали – руки бы этим строителям пообломать. Памятник привезли, Ленин тут стоял в ботинках, в кепке. Из Сортавала его прислали, он старенький уже был. Так подремонтировали, покрасили. Сначала серой краской, потом серебрянкой. Стоял себе, а как музей приехал, исчез. И незаметно сняли – то, ночью. Утром в магазин пошли, а он закрыт оказался. Назад пошли – Ленина нет. А подставка долго ещё стояла. Даже в лесу портреты Ленина видели.

Я отца хоть совсем не помню, мне сестра рассказывала (умерла она 2 года назад), что большевиком он старым (как их раньше называли) был. Чуть не Ленина самого в 40 километрах от Симбирска прятал. Да и сестра тоже. Вот у меня случай однажды, когда чуть со Свинцовым, председателем нынешним, не судились. На праздник вышла как – то на улицу: ни флагов не висит, ни плакатов никаких – словно и Советской власти нет. Так и сказала прямо на улице, а мимо Свинцов проходил. Ну и всё – приходит вдруг ко мне милиционер: «Пахомовы здесь живут?». А фамилия – то у меня девичья осталась. «Нет, – отвечаю, – Журавлёва есть». Он и рот открыл поначалу, а потом бумажку съёт: подпиши, мол. Я ему говорю, что, мол, очков нет. А он мне: не бойся, подпиши. А сам чё-то там внизу ладонью прикрыл, чтоб не увидела. Сходила я в комнату, взяла очки и прочитала, что выступаю-де против Советской власти. Подписывать не стала. «Пусть, говорю, – хоть в суд на меня подаёт». Ну, так до сих пор суда этого жду. И флаг над Поселковым сколько вверх ногами стоял, серп и молот перевёрнутые были. Так возчик хлеба поменял.

Уезжать нам сейчас некуда, да и незачем. Музей сейчас на одну сторону тянет, монахи на другую. Площадка детская здесь была, так монахам она помешала. Не было, мол, её здесь при монастыре. «Омики» раньше постоянно ходили, а теперь в Сортавала не уехать. Недавно, вон, наших 20 человек с детьми на пристани моталось – моталось. А там теплоход их церковный стоял, так никого не посадил. Только Веронику Александровну Молчанову, депутатку нашу. Разве депутат настоящий так поехал бы? (случай 5 – 8 июля).

Молодая была – подземными ходами лазила. Много их тут было, сейчас уж заколоченные, да закрытые. Говорили, что даже на Жёлтый <скит> ход был, да я сама не видала, не знаю. На вышку за Игуменским кладбищем мы лазали: высокая, здоровенная была. Наверх лезть страшно, а вниз так вообще глаза от страху закрывали. Зато как наверх залезешь, всё видно: и Сортавала, и Питкяранта.

Из старых жителей Машу Дмитриеву помню (умерла уже), Филимончук (померла, дети уехали), Черновизирь Юрий Евстафьевич (помер, жена умерла).

Свинцов Анатолий Михайлович

1949г. рождения (Воронежская обл.),

русский, образование среднее специальное

Записано студентами ПГУ: Кузнецовой С. и Котовым А.

8 июля 1991 года., о.Валаам

Сюда я приехал в 1950 году, когда мне было только 8 месяцев и я ничего о приезде на остров не помню. Но то, что я не ходил в детский сад, помню точно. Это меня обошло.

Пришло время – пошёл в школу. Первой моей учительницей была Сайма Ивановна, потом Екатерина Петровна Бядина. В моём классе народу было много, больше 20 человек. К 8-му же осталось 12 человек. За первой пар-

той сидел Колесников Коля и Дородных, за второй – Шишков и я, за третьей 2 девчонки – Калитарова и Анхимкова, дальше один Толя Дмитриев. На другом ряду сидели Комлева Валя, Богданова Катя (она уехала), Дашкова Валя. Помню ...? за первой партой сидел. Так стол поднимет и незаметно к доске повезёт, а учительница отругает его и в угол отправит.

Сейчас никого здесь нет, я один остался. Класс у нас дружный был, хоть, бывало, и дрались. Дрались, как все в школе дерутся. Он её за косичку дёрнет, а та ему книгой по голове. Ещё излюбленная шутка была. Я сидел сзади Кольки. Так подставляю карандаш ему рядом с щекой,

позову: «Колька!». Он поворачивается быстро, натыкается на карандаш, сразу возня начинается.

Из учителей мне запомнилась Екатерина Петровна Бядина. Мне нравилось у неё учиться. Я любил математику, задачки решать, всегда делать по 2 контрольных работы успевал. Был у нас такой Витька Бабичев. Так он у меня всё время спрашивал, ну, например: «Сколько будет 20 х 30?» А я ему из головы отвечаю: «20 тысяч». Он: «А как писать?» Я ему: «Двойка и четыре нуля». Потом Екатерина Петровна спрашивала, откуда, мол, Витя Бабичев набрался цифр, которых мы ещё не изучали. Она потом вышла замуж за местного и уехала. Ещё мне запомнилась Ирина Мефодьевна ...?. Она была директором школы, преподавала русский, литературу и немецкий язык. Она нас частенько троглодитами, несчастными людьми <называла>. А любимой поговоркой у неё была: «смех без причины признак дурачины». Она любила носить длинные ногти. А я тогда сидел за первой партой. Она имела привычку: подходит, кладёт руку на парту и рассказывает. Я тоже отрастил ноготь. И вот она опять положила руку на стол, начала рассказывать. А я свой палец – раз на стол, и говорю: «А у меня длиннее». Она: «Что?» Я говорю: «Ноготь».

После 8 классов я заочно кончал или «заушно» школу в Сортавала, ходил, сдавал зачёты. Начал я работать на строительстве, начальником БСЛ – большой совковой лопаты. Потом работал штукатуром – маляром. 10 класс кончил очно в Сортавала: за 1 четверть получил «2» по немецкому, остальные – «3». Со мной вместе учиться начало 10 человек. К финишу пришёл я один.

Тогда школа – интернат была в Хелюлях. Там учились и приезжие, и дети из Хелюлей. В классе нас было около 30 человек. Школа была деревянная. Помню, мороз был сильный, а школа барачного типа, мы все мёрзнем. Ходили в школе в одежде. Так вот я сидел с Гвоздковым (мы его потом Гвоздем звали), а он в школу носил папаху (шапка без ушей). Однажды он пришёл в школу в таком виде: голова забинтована вся (уши отморозил), а поверх всего этого, папаху надета. Вот мы посмеялись – то. Помню ещё впереди меня сидел Коля М. – он у нас был мастером по списыванию. А ещё почти у всех были клички. Меня, например, Свинцом прозвали.

Закончил я школу в 1966 году. Сразу же, как приехал сюда, в армию загремел. В армию уходило 5 – 6 человек. Общих проводов не было. Помню, в армии меня наш комбат Лимоном называл. А почему – не знаю.

А ещё до армии я начал работать на строительстве (я уже говорил). Нас тогда было с БСЛ четыре человека. Я никогда не работал больше так же, как тогда. По нынешним меркам мы пахали. Мы тогда работали на северной линии внешнего каре. Там около стены было навалено строительного мусора где-то на 3,5 м высотой. Он слежался, кирпич там. Мы грузили этот мусор на ГАЗ – 51 и за день успевали делать по 4 ходки. Вот так.

А после армии я вернулся на остров. Жена моя работала в школе, Родионова её девичья фамилия. Она сама из Заонежья, с Великой Губы. Я ещё до армии женился. Проработал в клубе 2 года: и методистом, и директором – всем был понемногу.

А в 73 году случилось несчастье у нас, трое человек

Анатолий Свинцов. конец 80-х гг. фото В.Окунева. о.Валаам

утонули из пяти, только я и Витя Кузнецов спаслись. Дело было так. Пятеро нас было: я, Витя Кузнецов, дядя Коля Исаков, Черников Михаил Егорович и паренёк лет 16-ти. Михаил Егорыч был очень замечательный человек, душевный, с ним было приятно общаться, ему было тогда 50 с небольшим. Оторвало тогда льдину, понесло. Я говорю: «Надо прыгать». Мы с Витей начали раздеваться, а он так и стоял в полушубке с рюкзаком. Говорит, мол, как прибежите, скажите, чтоб спасали нас. Это 10 декабря было. Когда <я> прыгнул, первое ощущение, что прыгнул в кипяток. Самое страшное, это решиться прыгнуть, а остальное уже не так. Пока бежали до посёлка, мне живот майка натёрла. Она замёрзла, а я, как в панцире ледяном был. Мне ещё хорошо, я в валенках прыгнул. А Витька, так тот в носках по острому льду бежал. Я всё боялся, что он упадёт, и мне придется его на руках тащить. Но ничего, обошлось. Пока бежали, Витёк всё кричал: «Только до Семёна!» А у Семёна Ивановича был первый домик. До него добежали, а там мой дом метрах в 150 стоял, так мы сразу ко мне домой. Прибежали, дома мать. Мы ей всё рассказали. Так я никак не мог валенки снять. Они намокли, подсели и никак их не стянуть. Потом только дверью зажали, тогда стащили их.

А дядя Коля попробовал на лодке к льдине подплыть, а его стало льдами затирать. Он, естественно, испугался, вернулся назад. А на другой день на озере тишина, как будто никакого бурана не было. Это, конечно, страшная смерть. Но, я считаю, что спастись было невозможно. На следующий день прислали вертолёты, но разве что-то сделаешь?

Когда я вернулся из армии, директором Дома-интерната был Королёв. Он пытался вовлечь меня в ряды КПСС, но я удержался. До него Дом-интернат про-

цветал. Люди работали за мизерную заработную плату: моя мать как санитарка получала 28 рублей, честно. Страх был, привычка, понятия совести, морали.

Вся земля обработана была, не было ни одного клочка свободной земли. Молока хватало на всех, в день выходило где-то по литру на человека. Своя картошка, капуста, турнепс, свёкла. И вишня была, и яблоки в садах. Из лесу, бывало, заберёшься, чтоб не видно было, сопрёшь яблок. Сторожем в саду тогда дядя Саша Виноградов был. Работал хорошо, правда, что-то с ногой было. Когда он меня на яблоне застукал, кепку отобрал как вещественное доказательство. Папаша потом ремнём воспитал.

Так вот, о Королёве. Я как начальник участка имел с ним дело как с главным заказчиком. Он мне говорил, что Свинцов только дверь откроет, так я сразу 1000 рублей Я его хорошо изучил. По характеру был он властный, тяжёлый человек. Он пришёл в цветущее хозяйство: 40 голов лошадей, ферма и свиноферма. И всё он развалил. Он понял, что можно ничего не делать, а все продукты будут всё равно поставлять. Он правил 19 лет. Через 17 лет своего правления он сделал мне такое признание: «Я сделал одну глупость. Надо было засеять весь Валаам крапивой, чтоб не воровали». И такая алогичность у него во всём была. Я даже не знаю, как он сюда попал. Говорят, что своя рука волосатая в министерстве была. Когда на пенсию вышел в 1984 году, уехал в Петрозаводск. Ещё за своё правление он успел провести сокращение подсобного хозяйства. Просто-напросто запретил заготавливать сено. Мы ездили на Предтеченский, Баевский, Святой остров. Потом в гору вязанками это сено таскали. Потом пришлось этому же Королёву коров на мясо продавать. Осталась только у Садыковых корова.

Билан Надежда Тимофеевна

1920 г. рождения, (дер. Малаховка Казанской обл.),
русская, образование среднее.

Записано студентами ПГУ Кузнецовой С.И. и Котовым А.
о.Валаам, 2-3 июля 1991г.

На Валааме я появилась в ноябре 1945 года. С дочкой из деревни по вербовке приехала. А потом чёрта этого тут встретила (мужа) и за него выскочила: молодая, чего уж там было раздумывать. Мы приехали, одни моряки почти были. Они до 1947 года здесь жили, 27 катеров военных в бухте стояло. Так нас они выстрелом встретили, на куски чуть не разнесли. Потом уже сговорились да созвонились — пропустили нас. Школа боцманов и юнг здесь работала. Курсанты на пристани жили. Там у монахов гостиница для нищих построена была, что-то вроде приюта. В ней эта школа обосновалась. Когда ж мы приехали, она уже разбомблена была. Разбирать развалины начали — бомбу подцепили. Сапёров быстро вызвали, взорвали. Да и в позапрошлом году в саду две выкопали: спокойно себе лежали и ничего. Мальчишек двое как-то на гранате подорвались: нашли у фермы, ковыряли, ковыряли.... На кусочки разнесло.

Хозяйство тогда хорошее было: и капусту сажали, и картошку, и овёс сеяли. Ничего в магазине почти не покупали. Кочаны, по памяти моей, на 8-10 килограмм тянули. На Белом скиту дед с бабкой жили, арбузы, мыслимое ли дело, выращивали. На корню они, конечно, не вызревали, но скотину кормили исправно, да ели, кто хотел. Масло, творог, молоко не только в магазине не покупали, в Сортавалу отправляли. Доярками да телят-

ницами работали: много ли тебе там надо? Сегодня 200 грамм масла попросишь, послезавтра снова к заведующей подойдёшь, — хватало. Двое масла бьют, двое творог варят, на другой день меняемся парами. А дома так и без сепаратора обойдёшься. По-старому: в цилиндр отстойный нальёшь, в воде отстоится, и нормально.

Сами как пришли, коров зимой по льду гнали. Кто своих, а кто чужих, как я. На коровах этих я голову себе застудила: шла в пургу ночью, на ветру простояла сколько. Коров пригнали, дальше что было - не помню. Очухалась — поварила добрая кипятком напоила. С тех пор словно самовар в голове шумит — только что не закипит. Днём ничего ещё, а ночью тяжело.

Так ведь и коров-то этих потом в Питкяранту погнали, а потом, смеху-то, назад вернули. Вернули, а самых лучших из стада выбрали, калек пооставляли: у какой хвоста нет, у какой вымя повреждено.

В 1950 году интернат к нам переехал. Хозяйство подсобное у него было, а мы при нём. Кому через интернат и корову досталось заиметь.

Скиты были ими (инвалидами) заселены, а в Зимней (гостинице) почти 3000 человек жили. Жили, никому не мешали. По праздникам АН-2 — «аннушка» прилетала: вокруг острова катала. А я никогда и не летала на самолётах, только на теплоходах плавала.

Сейчас никуда уезжать нам и не хочется. Жили, жили, не замечали никаких перемен, разве что колокола зазвонили, когда монахи появились. Хотелось бы, конечно, тут дожить до конца и в землю уйти: вон, кладбище недалеко, полтора километра. Монахи нас всё помыкают: вы,

мол, иконы утащили да разворовали и разломали всё. Нет, не делали мы этого. В начале заселения всё открыто стояло. С Ленинграда люди приезжали, не тюха-матюха, с головами. Иконы на реставрацию забирали, до сих пор реставрируют. А нас попрекают – на дрова пожгли.

Ломали что-то. Аэродром строили – часовню снесли. Так с одного угла миску с серебряными рублями нашли, с другого – с золотыми. Мужик, кто нашёл, себе, говорят, забрал. А чё сейчас? Когда приехали, стен многих наполовину не было. Печки ведь нигде постоянно не топили. И крошится всё сейчас само, сыплется, отходят косяки друг от друга. Леса сколько извели, крыши крыли – всё для монахов музей плохой, сожрать его готовы. Бог с ними с паломниками да с туристами. Их ведь <туристов> и раньше полным полно было. Пусть делают что хотят, только б нас не трогали, да луга и лес на корню не топтали. Живёшь, живёшь в своей конуре и не видишь, что вокруг происходит. Да и не больно-то надо. Сейчас дворником в музей устроилась и сойдёт.

Примечание (по записи у Е.У.Форсбак): Когда вернулся у Билан(ов) сын, пришло к ним в дом первое несчаст-

тье: пошёл купаться с друзьями, прыгнул со скалы и не вынырнул. Подняли в посёлке тревогу, вытащили его. Разбил парень голову о камни, 22 года ему было, только-только со службы на границе пришёл. Иван в ту ночь не спал, плакал сильно и посидел. За ночь. А через 7 лет в тот же самый день проклятуший 7 июля потонули у Надежды ещё две дочки: одной 16, а вторая уже на сносях была. Тогда сижу я на скамейке после похорон, старушка махонькая такая ко мне подсаживается. Расспросила обо всём и говорит потом: «Это милая не конец у них. Видать, перед Богом в чём-то согрешили. Помяни меня, не конец, не пострадались они ещё в полную-то волю по желанию господнему». Я тогда, конечно, не поверила. Прошло 7 лет и опять 7 июля (день-то) внучка Надина утонула. Вот тебе и действительно судьба-судбина человеческая. Надя-то уже ничего не понимала и чувствовала – снаружи-то. Иван тот ничего: дальше белеть некуда было мужику.

Примечание: П.Н. Вакулин подтвердил самые факты гибели, но совпадения чисел кажется ему неправдоподобным.

Впечатления студентов о фольклорной экспедиции на о.Валаам, лето 1991г.

Андрей Котов.
много голосов-один мир.

О чем мы думали тогда - в самом начале? О сложности и тяготах практики - едва ли,.. Все казалось радостным и прекрасным. Впереди расплывчато-радужная картина счастья, в голове - легкий летний ветер. Местное население, фольклор, отчеты? Ах да, конечно. Но ведь это так просто: подошел, заговорил, «расколол», записал. Помним ли мы, каждый, свои первые встречи? Помним.

Вот я вместе с напарницей Светланой Кузнецовой смело шагаем за местными мальчишками: давайте, мол, отработайте варенье и конфеты «Светкиной комнаты». Вдруг где-то в переходах келейных корпусов мелькнула бабулька. Впросительный взгляд парней: «Пойдет?». И наш ответный: «А она как - ничего?». Спустя какое-то время, заполненное немотой недоумения, мы уже сидим на скамейке и беседуем с Евдокией Егоровной Колесниковой, что называется, уже «под стенограмму». Потом встретимся еще - в чистой светлой кухне и снова будем слушать бесхит-

Члены экспедиции перед отправлением на Валаам. Петрозаводск, 1991г.

ростный рассказ. Как умерла от тифа мать, как гоняли на казенные работы сестру Шурку, как завербовалась на Валаам, чтобы не умереть с голоду... И все бы ничего, но стоит в памяти одна тихая фраза Евдокии Егоровны: «Ничё, вот своих дождусь в гости... А и в дом престарелых пошла бы, хорошо там, вместе все.»

...Работаем. Свято храним данный руководством наказ: «Люди здесь чуткие, никем до нас "не охваченные". Так что, заговорят - не заговорят - зависит только от нас». Так оно и было: останавливались, рассказывали, вспоминали, открывали души... Но и без «посылок» не обходилось. Как-то договорились с одной бабушкой о встрече. Пришли в положенное время, а она нам: «Некогда, идите-ка вы отсюда!»

Был и смешной случай. На очередной «охоте» заметили невысокую, сухонькую бабулю с большой авоськой. Ринулись с джентельменским вопросом-предложением: «Бабуля, вам, может, поднести сетку?» В ответ - молчание. «Бабуля, помочь может, зовут-то вас как?» Бабуля крепче сжала поклажу и пропустила вперед. Решили не отступать, нагоняем: «Собаки у вас здесь хорошие, особенные какие-то, глазастые». «Да, собаки-то здесь ничаво», - неожиданно откликнулась старушка. Потом мы долго смеялись, рассказывая об этой встрече. А собаки на Валааме действительно особенные - глазастые.

После неудачи - очередной «посылки» - бывало опускались руки. И валаамское солнце светило тогда как-то уныло, и пропадала охота работать. Обижались. Но подумаешь теперь - разве виноваты в своем нежелании говорить эти люди?

Ещё одна встреча - ещё одна судьба. Местная знаменитость, предмет нашей «гордости». Когда-то ее отец перебрался из Финляндии в надежде построить в советской Карелии новое будущее. За это и был репрессирован. А дочка его спаслась. Для внучки - баба Дуся, для местных - просто Дуся Форсбак, для нас - Евдокия Урховна. Вечно занятая (дом, корова), постоянно принимающая гостей, неугомонная. Потомственная финка с какой-то непонятной, необъяснимой русской удалью. Узнаешь о ее родственниках «там», о передачах «оттуда», видишь то тут, то там яркие импортные коробки - и появляется шальная мысль. А стоило ли бежать ее отцу сюда? Стоило ли?

Теперь о страшной беде. Она приходила к Надежде Тимофеевне Билан три раза. Три раза будоражила остров. Сын после армии решил искупаться. Сиганул в воду - и головой об камень. Прошло семь лет - утонули две дочки, одна была «на сносях». Еще семь лет - не выплыла внучка. Правда ли, но местные говорят, что случалось все в один и тот же день - 7 июля. И добавляли: «Бог наказывает их. Муж ее - власовец...» Под силу ли человеку вынести такое? Оказывается - под силу. Только морщины на лице становятся все глубже, и голос - не по-женски усталый.

Здесь, на Валааме, все рядом, все переплетено. Выйдешь от очередной старушки, увидишь человека, разговоришь его. Тоже, оказывается, местный. Другого поколения, Из тех, что мальчишками еще бегал по острову, дрался, пугал бабулек на кладбище. «Послали вас только что? Ну ничего, характер у нее такой, уж

я-то свою мать знаю. Как живём? Нормально, работа в лесхозе, рыбалка завтра утром. А монахи выселят, коли захотят» Вот так, без меланхолической грусти, с усмешкой.

Кстати, председатель поселкового Совета тоже местный. Официальная его подпись - «В. Свинцов», раньше же - Витька, сидевший в школе за третьей партией. И красный флаг (теперь, наверное, трехцветный) над поссоветом тоже имеется. И тут уж поневоле вспомнишь Журавлеву с ее истинно «бабушкиным» очарованием. Ну не нравилось ей, как висит символ власти, как сама власть работает не нравилось. Вот и снимала несколько раз этот флаг. И милиционер ей нипочем. «Бунтарский» у бабули характер. Блокаду она пережила «от звонка до звонка».

Обо всех рассказать нельзя: судьбу каждого не перекажешь. Сколько было их, этих бабушек и дедушек - не избалованных судьбой, не пощаженных Богом, не исцеленных святостью валаамской обители? Пять, семь, десять? Они все такие разные и такие одинаковые. Общее у них одно - Валаам. Здесь они работали, бегали в клуб на танцы, ждали, когда же, наконец, привезут вторую часть "Тарзана". Они жили как могли.

Попробуйте зажмурить глаза и мысленно выстроить перед собой несколько человек. Спросите их о чем-нибудь. А теперь прислушайтесь к этому разнголосью. Пусть голосов много, и пусть звучат они почти невпопад. Главное - понять.

Елена Новикова.

Где начало моего пути к Тебе, Валаам? В журнале «Литературная учеба», в рассказах счастливых, побывавшее там раньше меня, в необъяснимом желании еще до приезда облазить все уголки, а может быть, в корнях?

Первое и, пожалуй, самое сильное впечатление: 1 июля (день моего рождения), мучительно медленно идущий теплоход, пронизывающий ветер, темносерые тучи над Ладогой, а над Валаамом - лучи солнца. Перед глазами - ожившие воспоминания о гравюре 18 века. Первым встречным валаамским существом оказалась бело-рыжая собака с голубыми (!) глазами. Мы подружились позже и даже сфотографировались. (См. фото К. Тарасова)

Первый валаамский монах, встретившийся нам, был в грязной рясе и шел в магазин. Потом были другие удивительные, приятные и неприятные встречи, но врагами по сей день считаю только комаров, хотя укусы зажили и злоба притупилась.

При поселении я оказалась в числе избранных, а точнее - захвативших потрясающе комфортабельный номер в зимней гостинице, Мы сразу же почувствовали себя богатыми паломниками. Устроившись и съев по банке консервов, пытались починить телевизор - главный здесь признак цивилизации. Пошли знакомиться с местным населением. С наивной непосредственностью, граничащей о глупостью, считая что всё здесь, так или иначе связаны с монастырем, мы спросили соседа дядю Серёжу, где он работает. Он ответил: «Завхозом. В школе».

Это было началом краха иллюзий. Через несколько дней, когда закончились консервы, перед нами стояли уже сугубо практические вопросы о том, где магазин, столовая и можно ли съездить Сортавала.

Приступили к работе. От нас шарахались бабушки, потому что не знали, кто мы такие. К концу практики они разбились на три партии: одни шарахались, потому что знали теперь уже, с кем имеют дело, вторые - потому что рассказали, что могли, включая свою генеалогию от царя Гороха, а от третьих бежали мы - они ловили нас в магазине и бесплатной монастырской трапезной, где мы контрабандно питались в последние голодные дни. «Экспедиторы! А вот я еще вспомнила...» Мы именовались громко – «научная фольклорная экспедиция».

А вообще всё было замечательно. Вкусное валаамское молоко долго не киснет, а хлеб не черствеет. На Валааме я совершенно не чувствовала усталости, хотя мы проходили в поисках интересного материала по 14 км (расстояние до Красного скита и обратно). Завораживающие легенды о местах силы и бессилия, черном монахе живы. Жива природа. Странный контраст с монастырем: природа

валаамская – языческая (или это мне, грешной, так все представлялось?). На игуменском кладбище на могиле Дамаскина лежала змея - вспомнилась легенда о смерти князя Игоря. Змея эта искушала меня? Ночное с длинноволосыми хиппи из Питера - детьми цивилизации? Толпы туристов, покупающих у местных мальчишек семидесятикопеечные буклеты с видами Валаама за 10 марок?

И если неправду рассказывают жители поселка о монахах, пьющих водку на Святом острове (а если правда, то это дело их и Бога), то насколько должны быть сложны отношения между местным населением и монастырем?

И.А. Спиридонова: «Святость монастыря разрушена, святость острова осталась». И это уже не просто грустно - это пугает и причиняет боль.

В прошлом году я паломницей жила неделю в Оптиной пустыни и Шамординской женской обители. В советское время в монастырских помещениях располагались сельхозтехникум и ПТУ. Но почему-то в Оптиной сохранился монастырский дух. А на Валааме, на первой службе, что я посетила, было три человека... Валаам болен.

Фото фольклорной экспедиции 1991г., о.Валаам:

1. Руины Смоленского скита;
2. Центральная усадьба (слева направо): студентка Е.Новикова; А.Исакова - жительница острова; О.Яровой; И. Спиридонова.
3. Студенты и местный житель А.Фролов, бывший работник подсобного хозяйства дома инвалидов.

2. Она привезла Ленина и спасла Храм

Вера Ильинична Костяная родилась в 1927 году в г. Ленинграде. Её отец болел, и семье пришлось переехать в деревню Курочкино Великолукской области. Там же в 14 лет она закончила семь классов общеобразовательной школы и собиралась в Ленинград, чтобы продолжить обучение в восьмом классе. 75 рублей за предстоящие полгода в школе были уже заплачены, но поехать учиться так и не получилось, - началась война...

Всю Великую Отечественную Вера Ильинична проживала в деревне. Там же, в Новосокольниках, закончила шестимесячные агрокурсы и, по окончании военных действий, занималась восстановлением колхозов в Великолукской области. Война не прошла незаметно для её семьи: в '42-м умер отец, а в феврале '43-го - мать. Их дом в Ленинграде был разбит, остаться в деревне с младшими сестрой и братом не представлялось возможным. На счастье тётя, к тому времени проживавшая в Сортавала, прислала им вызов. Получив в Новосокольниках пропуск в погранзону, дети, рано ставшие взрослыми, переехали в Карелию.

15 июля 1946, на следующий день после приезда в Сортавала, Вера Ильинична устроилась на работу секретарём в подсобное хозяйство рыбпромкомбината, находившееся на Валааме. Практически сразу вместе с братом и сестрой на небольшом катере со стационарным мотором, принадлежавшем рыбзаводу, добрались до острова. На Валааме им предложили поселиться в любом понравившемся здании. Сначала они выбрали комнаты в центральном каре, затем перебрались в деревянный домик, что напротив пристани. В квартире ещё осталась монастырская мебель - железные кровати, небольшой деревянный диван и старый, но вполне пригодный к использованию тюфяк.

В '46-м на острове проживало около ста человек, при этом - работал продуктовый «красный» магазин, где товары выдавали по карточкам, в двухэтажном деревянном доме была начальная школа, чуть позже (в '49-м) открыли и детский сад с яслями.

Контора подсобного хозяйства Сортавальского рыбпромкомбината находилась в работном доме, в пятом корпусе. Зимой по льду на остров пригнали 50 коров, которых поселили на ферме, и 29 лошадей, определив их в конюшню работного дома. С полей, тем временем, собирали картофель (до 30 Га), огурцы, помидоры и большую часть отправляли на материк, но всё же что-то оставляли и на острове, потом выкупали для собственного пользования. Несколько послевоенных лет на Валааме ни у кого не было часов, время приходилось отбивать с помощью колокола. Подруге Веры Ильиничны, Тине Воронковой, доверили эту почётную обязанность. Ей выдали единственные наручные часы и каждое утро, ровно в 8, она будила всех жителей острова, в час звала на обед, в два с обеда, а в шесть часов вечера объявляла конец рабочего дня.

До проведения телефонного кабеля с Валааомом осуществлялась радиосвязь, посредством азбуки Морзе. Была и обычная почта. Летом корреспонденцию привозили так часто, как приходил транспорт с материка, а зимой письма сбрасывали с кукурузников, прилетавших с Хельсинского аэропорта.

Вера Ильинична: «С получением почты связан смешной случай. Я тогда уже работала в поссовете, нам позвонили и сообщили, что прилетел почтовый самолёт. Мы, как обычно, взяли из библиотеки красные ковровые

Вера Костяная с детьми у Знаменской часовни. Валаам, 50-е гг.

дорожки и постелили их на лёд, чтобы сверху было видно куда кидать. Расстелили и ждём, а он всё летает и летает, никак письма сбросить не решается. Тут Маша, что секретарём в то время работала и говорит: «Пойду, перестелю дорожки, может, они их не видят». И только она за ковриком нагнулась, как ей прямо на спину мешок с почтой и свалился. Мы её тут же на лошадь и на рентген повезли. Слава Богу, перелома не было!».

Через год Вера Ильинична стала работать агротехником и в '48-м по собственной инициативе замерила все пахотные земли на острове - их оказалось ровно 64 Га.

Света на Валааме не было, а за водой ходили на озеро. Лишь в 1949, когда приехали переселенцы из Воронежа и Тамбова, они восстановили водокачку и провели электричество, правда работало оно только с шести утра и до двенадцати ночи. В декабре того же года были выборы и Веру Ильиничну выбрали секретарём поселкового совета.

Ещё до её приезда на Валааме было 80 молодых ребят, репатриированных из Германии в '45-м. Их, подростков, в самом начале войны, немцы забирали к себе на подсобные работы. Среди этих ребят был и Александр Никифорович, будущий муж Веры Ильиничны. Он родился в 1922 году в Киеве, родители умерли, осталась только тётя. Александр Никифорович всё время планировал возвращение в Киев, и эта мечта вполне могла б осуществиться, если бы в 1962г. его жизнь трагически не оборвалась... Они прожили вместе четырнадцать лет.

Но вернёмся в 1949 - этот год ознаменовался не только электрификацией острова, но так же и проведением из города Лахденпохья телефонного кабеля и открытием промтоварного магазина. А уже в '50-м открылся Дом-интернат, и подсобное хозяйство тотчас передали ему.

Людей с ограниченными физическими или умственными способностями со всех районов Карелии свезли на Валаам. Часть поселили в Зимней гостинице, остальных разделили по скитам: на Никольском - умственно отсталых, на Воскресенском и Гефсиманском слепых, позже - больных туберкулёзом. Всего, вместе с персоналом: медиками, санитарками, поварами, прибыло 1600 человек. Директором Валаамского дома-интерната назначили товарища Свистунова. В том же году на Валааме организовали лесничество, до этого за лесом, конечно, следили, но для отопления рубить деревья всё же приходилось, не смотря на то, что после монахов находили порой целые нарубленные поленицы.

С 1949 по 1956 Вера Ильинична Костяная работала секретарём, а в '56-м её выбрали уже председателем

поселкового совета Валаама. Эту должность она с успехом занимала, с перерывами, вплоть до 1967 года. За весь период трудовой деятельности она благоустраивала посёлок. Что и говорить, до начала восьмидесятых на Валааме в сквере напротив магазина, лицом к нему, стоял даже памятник Ленину! Вера Ильинична сама съездила в Ленинград на гипсовый завод и заказала монумент Ильича во весь рост, в кепке и на фундаменте. Готовый Ленин прибыл в Сортавала на товарном поезде, его встречали радостные Валаамские комсомольцы, они же привезли вождя на барже на остров. После установки в романтическом месте рядом с памятником очень любили выпивать туристы. Куда же дели Ильича, после того, как ухаживать за ним - мыть и красить стало некому?... Однажды Вера Ильинична по делам зашла в

гараж, что находится недалеко от Дома Культуры. Дверь была открыта, помещение слабо освещено. Дойдя до середины, она увидела лежащего на полу человека, страшно испугалась и закричала. На крик тут же вышел директор музея, со словами: «Не бойся, не бойся! Это - дедушка Ленин!». Так поверженное детище Веры Ильиничны чуть не довело её до инфаркта.

Помимо памятника были красивые, ухоженные клумбы и газоны разной формы – пятиконечная звезда, серп и молот. Траву для зелёных насаждений она заказывала в Москве, а из ближайшего города Сортавала всё время старалась привезти хотя бы один кустик и украсить облагораживаемую территорию. Так же на острове долгое время была спортивная площадка, на ней у школьников проводились занятия по физкультуре, а любители спорта имели возможность для постоянных тренировок. Для молодёжи и не только, напротив Зимней гостиницы, под часовой, - танцевальная площадка. Интересно и то, что, будучи председателем поссовета, Вера Ильинична зарабатывала 45 рублей, в то время как её муж, работая и бригадиром и трактористом, имел точно такую же заработную плату. Люди, по мнению Веры Ильиничны, тогда были другие, работали не для денег, а для души.

Возможно событие, произошедшее в 1966г., это напрямую доказывает.

Дело в том, что начались обрушения кирпичной кладки Спасо-Преображенского собора, приехала комиссия из Москвы и постановила: «Постройка 19 века, памятником архитектуры, соответственно, не является, и, ко всему прочему, обрушение здания храма может угрожать туристам, посещающим его...» И предложили взорвать собор. Вера Ильинична и все Валаамские жители восхищались внешней красотой главного монастырского храма, уцелевших в нём фресок и колоколов, да и туристы, к тому времени активно приезжающие на остров, первым объектом для посещения выбирали именно Спасо-Преображенский собор.

- Позднее можно в храме сделать музей, - подумала Вера Ильинична - а если взорвать такую махину, это ж неизвестно куда и на что она полетит!

И выдвинула предложение:

- Может, за деньги туристов пускать будем?
- Нет - строго отрезала комиссия.
- Тогда придётся закрыть храм и никого к нему не подпускать.
- А вы даёте гарантию?

Вера Ильинична: «Даю, не даю, но акт я подписала. На собор повесили большой тяжёлый засов и устроили там склад. Вот только и местные и туристы всё равно туда ходили...».

Вообще неотреставрированных построек на острове было много, но никто из местных жителей вреда зданиям, по словам Веры Ильиничны, не причинял. Бывало, брали кирпичи для хозяйственных нужд, но чего-то более глобального без разрешения сделать просто не могли. А власти складом в храме оставались довольны, но деньги на его реставрацию выделять не собирались. Ещё раньше, в '50-м, по инициативе городских властей на остров приехала группа людей для того, чтобы снять нижний, большой колокол со Спасо-Преображенского собора, который с военного времени находился в повреждённом состоянии (нижняя часть и язык были утрачены). В процессе снятия

повредили и без того не стройное перекрытие. После колокол погрузили на баржу, увезли в Сортавала и там сдали на металлолом.

После окончания срока председательских полномочий Вера Ильинична работала заведующей детскими яслями, бухгалтером, а в 1972-м устроилась в РСУ (ремонтно-строительное управление). За время работы там были восстановлены и отреставрированы объекты, находившиеся после войны в разрушенном состоянии: первый этаж корпуса №6 (нынешняя почта) и второй этаж (помещение телефонной станции), Водопроводный дом, корпус №4 (школа в Зимней гостинице). Помимо центрального комплекса, капитально отремонтирован один из корпусов Воскресенского скита, позолочен церковный купол и проведена первая реставрация Воскресенского храма (в 70-е там регистрировали туристов, приезжающих отдохнуть на турбазу) и Успенской церкви Гефсиманского скита.

Через десять лет она вышла на пенсию, но продолжала работать. В 90-е РСУ передали реставрационному отделу, и Вера Ильинична числилась там уже мастером и прорабом. В 1987 получила квартиру в Сортавала и через год хотела переехать, но начальник РСУ, со словами: «А кто работать-то будет?», - разорвал её заявление на увольнение и разрешил лишь выйти в отпуск. Таким образом, Вера Ильинична проработала до 1996 года и её общее количество трудовых лет, отданных Валааму, равняется 50.

Это очень короткое жизнеописание, журнальный формат не позволяет нам рассказать о каждом событии в полной мере, но, тем не менее, Вере Ильиничне Костяной мы должны сказать спасибо. Благодаря её скромному труду и правильной жизненной позиции мы имеем возможность наслаждаться не только красотой Валаамской природы, но и чудесным памятником, сердцем острова – Спасо-Преображенским собором. А ведь всё могло сложиться совсем по-другому...

*Светлана Махохей,
на основе интервью (2009г.) с В.И. Костяной.*

В.И. Костяная,
2009г.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Материал о Веронике Александровне, председателе поселкового совета на Валааме, мы собирались делать давно. Она – одна из ключевых фигур в истории острова Советского периода. Борец, яркий лидер и прирождённый руководитель – такими словами характеризуют её жители острова. Сама себя Вероника Александровна называет учителем по призванию, а руководителем по обстоятельствам. Писать о яркой личности всегда не просто. А слушать повествование Молчановой о её жизни – одно удовольствие. Поэтому мы приводим биографию Вероники Александровны, рассказанную ею самой, в практически неизменённом виде.

Часть. Директор школы.

«Родилась я в Нижегородской губернии, в городке Лукоянов. Среди родственников по линии папы все принадлежали к духовному сословию. После мы с семьёй переехали в Муром, где я прожила всю юность. Училась в Горьком, считаю, что получила очень хорошее образование. Ещё в школе я заболела историей. У нас был замечательный преподаватель, и я решила, что буду учителем. Хотя могла пойти на филфак, но интерес к истории пересилил. Когда я поступала, конкурс был большой – 8 человек на место на исторический факультет. Я получила одну четвёрку, мне сказали – сдавай ещё один предмет и на филфак точно поступишь. А я решила, что туда не пойду в любом случае. Русский язык – не моё, хоть я и любила читать. Вот так я поступила в институт, в 1950 году в 17 лет. Преподаватели в то время были ещё царской закалки: у всех высшее зарубежное образование, всем под 80 лет, а учителю английского было 90 с лишним, она выпускница института благородных девиц. Кабинет иностранного языка находился на четвёртом этаже. Идёт Зиновия Ивановна, дверь входная хлопнула, студенты стоят и ждут, пока она поднимется на 4 этаж. Очень она была воспитанная. Студенты делились с ней сомнениями на счёт других преподавателей, мол, у некоторых по два высших образования, а ведут себя... А

она отвечала: «Деточки, сколько угодно можно иметь образований, но воспитание – это совсем другое дело».

Институт я закончила в 1954 году. В дипломе получила запись: «Присвоена квалификация преподавателя истории и звание учителя средней школы». Сколько работала после этого директором и преподавателем, ни у кого такой записи не встречала. Вот бы вернуть, в связи с реформами, формулировку: «звание учитель». Из всех работ я предпочитала только преподавательскую деятельность. А волею обстоятельств всегда оказывалась в начальниках, но не считаю, что это интересная работа, по призванию я – учитель.

После учёбы – романтика, поездка на комсомольскую стройку, звала тайга, Сибирь. Шло строительство дороги Тайшет-Абакан. Хотелось куда-то «за туманом, за мечтой и за запахом тайги». И я уехала по распределению в Иркутскую область, проработала там год, в Тайшете. Потом родители затосковали без меня, и я перевелась в Нижегородскую область. В то время Советская власть (она была не плохая всё-таки) объявила лозунг «Кадры решают всё!». И вот такие кадры как я, которые всё решают, в 23 года стали директорами школ. Старых директоров с опытом работы снимали, потому как, когда они учились, не было высшего образования, только учительские институты. Мои мама с папой заканчивали такие институ-

ты. И их меняли на молодых и подкованных, как мы. Я получила назначение в среднюю школу, и в 23 года стала её директором во Владимирской области в родном городе. Сменила на посту женщину пенсионного возраста. Вот так я оказалась в директорах. Но, поскольку, звание у меня всё-таки учителя, я всю жизнь хотела быть учителем истории и работать директором мне не нравилось.

Тем не менее, проработала на должности 4 года. А после - взбунтовалась и сказала, что не хочу быть директором, ставьте меня учителем. А в РОНО ответили: «Можешь оставить эти мечты, кроме как директором мы тебя никуда не поставим». Я сказала: «Тогда – рассчитываюсь и уезжаю». Они мне: «Куда ты поедешь, на дворе август месяц?!». Я говорю: «В Среднюю Азию!». Они удивились, но своё намерение об увольнении я подтвердила. А потом подумала – я учитель, август месяц, я должна быть уже на работе! Поехала в Москву, в министерство. Там говорят, что распределение и назначение уже закончено, надо было раньше приезжать. Учителей в то время не хватало, причём таких подкованных. Мне предложили на выбор только Читинскую область или Карелию. В Сибири я уже была, а вот Карелию – давайте! Приехала в Петрозаводск, там жили наши земляки, муромские. Пришла в министерство, мне говорят – пожалуйста – любой город на выбор. Земляки сказали – езжай в Сортавала, город европейский, тебе понравится. В то время городок был приличный, не то, что сейчас. В Сор-

тавала так же – хоть в первую школу, хоть во вторую, в любую можно устроиться. Предложили подумать, прийти завтра, выпишут назначение. Прихожу, а они говорят: «Сейчас мы вам можем предложить только Валаам. У нас там критическая ситуация – нет учителей, все уехали, а школа большая». Я себя уже тоже найти не могла – мне на работу надо было идти. Так я поехала на Валаам.

30 августа 1962 года приплыла на остров. «Омик» тогда ходил два раза в сутки. Мы приплыли вечером, а то и ночью. Подплываем, и вдруг – картина: виден тёмный силуэт собора, на колокольню которого падает свет фонаря. Величественное зрелище! При этом он ещё и отражается в воде – очень впечатляюще!

В то время директором валаамской школы был Фетисов Леонид Васильевич. Мы поселились в школьной коммуналке. Директор школы, учительница, медсестра из больницы и я. Простой класс был переоборудован под жильё. Проработала я первую четверть, и выяснилось, что с кадрами в Карелии очень плохо. В РОНО, очевидно, поняли, что напрасно меня отправили на Валаам. У них не оказалось директора школы в посёлке Хийтола. Леонид Васильевич, ставший к тому времени уже инспектором РОНО, приехал мне делать предложение. Я сказала – так сразу не могу, надо и школу посмотреть, и с родителями посоветоваться. Он дал мне неделю на раздумья. Я поехала в Хийтола. По сравнению с Валаамом впечатления эти карельские посёлки не производи-

У Валаамской школы (конец 50-х гг.)

Справа налево: Черников Константин Егорович – директор школы; Фетисов Леонид – учитель истории; ученицы: Припонова Нина, ?, Беляева Алла, Воробьева Людмила; учительница физики Анна Васильевна (?).

ли. Серенькие домики одноэтажные, одноэтажная школа, чувствуется, что без директора - двери на одной петлице висят. Приехала в Сортавала и сообщила о своём отказе, на Валааме мне больше понравилось. Когда родилась дочь, мы ходили с ней вокруг собора гулять, она на паперть придёт, увидит колонны и говорит: «Мама, мы живём в Ленинграде на Валааме?». Вот такое сильное впечатление производило это здание, что уж там говорить о посёлке лесорубов. Но, очевидно, отказалась рано, потому что закончился год, и директор школы Римма Мифодиевна уехала учиться в пединститут на иностранный факультет в Ленинград. Школа осталась без директора. 1963 учебный год начинать надо. Опять стали на меня давить, предлагать взять функции руководства на себя, а я не хочу. Не моё! Тогда они говорят, мол, поруководите на общественных началах. Ну, нет, уж на общественных началах я тем более руководить не буду! Так я хоть зарплату директорскую получу. Вот и оказалась я снова в директорах.

Валаамская школа была очень хорошая. Среди её выпускников люди самых разных профессий: главный санитарный врач Сортавала Туруева М., предприниматели, провизоры, капитаны дальнего плавания, моряки, лётчики, учителей много. А все преподаватели у меня только на хорошем счету. Они отмечены правительственными наградами. Я была человеком жёсткого плана, у меня всё строго. Говорила, что надо работать так, чтобы знали – не всю жизнь вам быть на Валааме, и чтобы в любой другой школе вы также были на высоте.

Вначале мы обучали детей только 7 классов, затем до 8, но была ещё и вечерняя школа рабочей молодёжи.

Там учились вполне солидные люди – начальник электростанции, директор сельпо. В то время (примерно 1962) началось строительство воинской части, строители были гастарбайтерами из Средней Азии. Многие из них у себя выучиться не успели и пришли в нашу вечернюю школу, её и заканчивали с успехом. А потом, однажды, мы получили посылку из Ташкента со всевозможными сухофруктами, на ней написано было: «Директору школы, с благодарностью».

Когда приехала на Валаам, я понимала, что обязательно нужно организовать краеведческий кружок. Сначала мы занялись монастырём, собрали все фонды, которые потом кто-то прибрал к рукам. Один товарищ из Ленинграда написал письмо нам о том, что здесь была школа боцманов и юнг, чтобы мы занялись поисковой работой. Ездили на Невскую Дубровку, там нам дали знак «ветеран Невской дубровки». Трибуц приезжал, с ним была встреча, потом Тимур Гайдар. Были собраны очень хорошие архивы по этому вопросу.

В нашем учебном заведении работала лишь одна уборщица, всё остальное дети делали сами. Дрова нам привозил дом-интернат. Распиливать их помогали, а кололи и носили в классы старшеклассники самостоятельно. Первый учебный день, понедельник обязательно начинался с политической информации по классам. Ученики готовили материал и рассказывали о каких-нибудь интересных событиях в мире. Все следующие дни проводилась общешкольная зарядка в коридоре. Делал её дежурный класс. Дети всегда сами убирали классные комнаты, дежурные ставили им оценки за чистоту. Была группа продлённого дня, желающие могли оставаться в

Валаам. 1962/63 учебный год.

На избирательном участке в валаамской школе.

школе на долгое время, многие домой и не стремились. Около 6 часов приходил истопник, и мы сидели с ребятами и разговаривали на разные темы. Играли в игры, я привезла им настольный теннис, периодически проводили «Что? Где? Когда?», все классы обязательно участвовали в праздниках, готовили номера. Новогодние балы у нас были костюмированными, поскольку в то время дорогих костюмов мы себе позволить не могли – делали их сами. Случай был – возилась я как-то с ребятами, мы красили марлю в разные цвета. У нас в школе очень большие туалетные комнаты, мы там нагревали воду, разводили краску – зелёнку или другую какую-то. Я сняла свои часы, подаренные мне родителями на 25-летие, положила их на подоконник, забыла и ушла. Они пропали. Собрала линейку и говорю: «Ребята, может, кто-то взял часы и хотел мне вернуть? Это моя память и она дорога мне, а вам они всё равно не нужны. Они маленькие, золото на острове сдать некуда. Надеюсь, что мне их принесут». Как ни странно, часы мне позже вернул ученик, со словами, что он шёл из школы и нашёл их на тропинке, а поскольку я сказала, что они мои – он мне их и возвращает.

В коридоре у нас обязательно стоял бачок с питьевой водой и кружка для питья. На каком-то этапе кружки стали ежедневно пропадать. Кто-то их уносил. Мы просили учеников не брать кружки, поскольку они сами же и оставались без воды. Не помогло. На общешкольной линейке я сказала, что не буду выяснять, кто этим зани-

мается и ворует кружки, но чтобы в понедельник каждый из них принёс в школу кружку, и никому не будет обидно. После этого кружки пропадать перестали, и решение пришлось отменить.

По каждому школьному предмету у нас были кружки. Ученики постоянно давали концерты и спектакли в Доме культуры, для населения. Отличники школы ездили в пионерские лагеря: в «Орлёнок», в «Артек». Мне оттуда всё время подарки какие-нибудь привозили – ракушки, сувениры. Вспоминая детство, выпускники говорят, что школа была домом – там было тепло, уютно, пахло обедом и вкусными пирогами.

II часть. Председатель поселкового совета.

Валаам – это было своеобразное государство, которое я сравниваю с греческими городами-полисами: армия своя, флот свой, торговля есть, власть своя, и все заботы на этой власти.

Помимо работы в школе, я без конца была депутатом – избиратели за мой язык меня постоянно поддерживали. Вот пусть мне что угодно говорят про советскую власть, что для карьеры надо было быть членом партии, я по себе могу сказать – не надо. Я никогда не была членом партии, но всегда была в начальниках. И всегда говорила, что лозунг «Блок партийных и беспартийных» – действует. А потом, поскольку я была беспартийной, могла себе позволить всякие выступления. Меня там «мыли и чистили» все партачейки и вызывали: «Какое ты имеешь право!» и т.п. Там были и ветераны войны, и инвалиды. Они на меня: «Вот я за тебя воевал, а ты в это время училась!». А я: «Нет, вы за меня не воевали, за меня мой папа сражался, он прошёл всю войну. А то, что я училась – так и вам ведь никто не запрещал учиться – учитесь». Тогда, поскольку по партийной линии они меня достать никак не могли, сказали – мы вас лишим диплома. Ну а я в ответ: «Вот уж чего вы не можете, ребята...». И поэтому я чувствовала себя свободно. Никакого давления. Они там решения принимают, а я делаю по своему, на уровне Валаама.

Выдержка из протокола заседания Поселкового совета от 1969 года:

Вопросы: 1. Куда делась водка «Горный дубняк» с базы? 2. Почему продают женские плащи «Балонии» из-под прилавка?

Молчанова В.А. – директор школы:

«Вопросы были заданы не случайно, они от избирателей моего округа. Товары в магазине №4 продаются из-под прилавка, а в продаже был только один. Женские сапожки также никто не видел, только случайно одна пара была продана открыто, т.к. их возвратили обратно в магазин. Нет хороших тканей разных ассортиментов, имеется ввиду шерстяных, шелковых и др. тканей для пошива выходного платья. Папиросы в продаже совершенно знилые, а стоимость их как у первосортных. Водкой с базы пользуются близкие приятели председателя и зав.базой. Лично я проверяла наличие в сельпо водки, согласно накладным. Водки «Горный дубняк» поступило 9 ящиков, на базе оказалось только 6. Со дня поступления до дня проверки было отфактуровано только три бутылки, да испарился «Горный дубняк», никто не видел. Точно так же реализуется белая водка. Для того чтобы приобрести два тонких стакана надо купить подарков за два рубля, в который вложено два тонких стакана. Такой торговлей Валаамского сельпо не довольно всё население о.Валаам и ко мне они обращаются, как к депутату. Такая торговля не терпима в наши дни».

Долгое время я трудилась на посту заместителя председателя поссовета. И вот на каком-то этапе председатель, Зуев Кондрат Семёнович, повесился. И я автоматически заняла его должность. Это было в 1978 году. Тогда всякие комиссии приезжали по переустройству Валаама. Каких только планов не было! Канатную дорогу хотели провести с Красного скита. Ездишь в Совет Министров на совещания, а потом комиссии на Валааме тебя давят. Михайлов позвонит и скажет: «Везу комиссию. Чтобы на Валааме был полный порядок! Вот пока, куда хватает глаз - чтобы всё было в полном порядке! А за тылы тебя ругать не буду». Валаам был очень красивым. Теперешний не в сравнение. Мы, старожилы, сейчас его вообще не принимаем, это не наш Валаам. Он был такой зелёный - действовал запрет на срывание цветов. Весь остров утопал в сирени, которую никто не ломал. Сейчас же её нет совершенно. Всю выкорчевали, посадили эти две туи. Те, кого выселили с Валаама, не хотят туда ехать. Он нам не нравится, это не наш Валаам. Прежние жители до сих пор беспокоятся за остров, даже за вырубку леса. На Валааме было чисто, хоть и работал всего один дворник от Дома инвалидов. Между красным магазином и Домом инвалидов была зелёная лужайка, где стояли спортивные сооружения, в том числе и для школьников...

В 1964 году я вышла замуж за Ивана Ивановича Молчанова - моряка-механика на Омике. Когда привезла мужа в Муром, папа, который был золотым человеком, сказал - надо, чтобы он учился. Пришлось мне заняться воспитанием ещё и мужа. Ведь моряки и учителя - профессии несовместимые: у них навигация, когда у нас каникулы и отпуск. В один момент я сказала мужу: «Иди-ка ты в техникум физкультуры, в Ленинград, и будешь учителем в школе работать». Он окончил и стал преподавать в школе физкультуру. Потом я сказала: «Иван Иванович, в старости физкультуру преподавать - трудно, надо образовываться дальше, найди себе другую профессию». И он поступил в Карельский пединститут, окончил географический факультет. Родом он из Воронежской области, а приехал на Валаам в числе переселенцев, которые заселяли остров, в 1949 году. В 1964 г. у нас родилась дочь, сейчас она фармацевт. А внучка Александра - балерина в Рижском театре.

Свою «политическую» деятельность я начинала при Михайлове Александре Павловиче. Когда были какие-то заморочки - сразу обращался в совет министров. А Михайлов звонил мне и говорил: «Лапушка, а чего ты через голову-то прыгаешь?». Я отвечала, что от вас толку никакого нет, а мне людей кормить надо. Муж, однажды присутствовал на сессии, затем в шутку называл меня: «Октябрина Александровна, революционерка ты моя». Будучи председателем и директором школы я прекрасно знала - привезли дефицит какой-то, мы занимаем очередь, вне зависимости от своего положения - начальник или подчинённый, вставай, достанется тебе - очень хорошо. Когда снабжение ухудшилось, то мы хоть по 200 гр колбасы, но делили на всех. Меня за это даже оставшиеся в живых граждане валаамские вспоминают и говорят: «При тебе был авторитарный режим, но, по крайней мере, был порядок. Всегда скандалила с турбазой и потом с музеем. Потому что каждый, вновь прибывший на остров, считал, что он тут хозяин. Их с материка отправляли и такое наставление давали: будете там хозяевами. Едет Цакуров, участковый милиции, с тем же наставлением. Идёт планёрка в поссовете - нет нашего

участкового. Раз не приходит, второй, приходится приглашать лично. «Иван Алексеевич, надо являться, докладывать о планах о своих». «Нет, - отвечает, - мне сказали я тут сам себе хозяин». Достаю паспорт и говорю: «Вот тут написано: «ОВД г.Сортавала при Исполкоме городского совета - обратите внимание! Не совет при ОВД, а вы при совете. Так что уж, пожалуйста, будьте любезны». Появляется господин Высоцкий, директор музея, начинается распутица, дороги перекрывают. У него фонды в каре. И вот они на автобусе шуруют. Вызываем на Исполком: «Мы вас штрафует, Владимир Александрович». «Нет! Мы тут хозяева!». «Нет, - отвечаю - вы тут не хозяева. Вы видите знак? Больше автобус сюда не может заезжать». Сначала-то все шустрые, а потом полный порядок.

С батюшками потом шучу: «Получается, что я 5 лет была у вас игуменей в монастыре, поскольку я мэр - самый главный человек, хоть и мужской монастырь, но вы мне должны пенсию платить».

Посёлкообразующим фактором был дом-интернат. Жили в нём тогда 1000 человек, На Никольском скиту - психохроники. Там мостки, ходить туда нельзя было никому. Построили только специальный домик рядом для медсестры и врача этого отделения. На Воскресенском жили туберкулёзники, на Гефсиманском - слепые. Всё было строго расписано. Единственный незаселённый скит - скит Всех Святых, он был разрушен, там ничего не оставалось. Но и там жила одна семья стариков в качестве сторожей. Центральная усадьба - Дом инвалидов общего типа. Там были и инвалиды войны, и уголовники, отбывшие свой срок заключения, ездившие буквально на маленьких колясочках. Когда мой папа приехал на остров, школа находилась там же, где и сейчас - на третьем этаже зимней гостиницы. Он, как учитель, говорил: «Нет, Вероника, нельзя детей держать в одном месте с такими людьми». А дети, увидев инвалидов, отталкивающихся чурками от земли для перемещения, точно так же отталкивались, катаясь на санках. Среди нынешних экскурсоводов ходят слухи и домыслы о Доме инвалидов. Некоторые даже говорят, что там были не люди, а сплошные обрубки: без рук, без ног, что их вывешивали в простынях на сучья и кормили ложечкой с консервной банки, и что в Доме-интернате бегали полчища крыс. К моему приезду инвалидов почти не было. Там были уже те, кто обзавёлся семьями - без ноги, без руки. Жёны у них стали санитарками. Дом инвалидов образовался в 1950 году по решению Карело-Финского Совмина, и их туда свезли из всех карельских Домов-интернатов. Приезжали уже целыми семьями. В летней гостинице селились только старики и семейные, а все одиночки - в зимней. И поэтому у нас так много получилось детей в школе, целых 260 человек.

При доме-интернате было своё подсобное хозяйство. Овощи и картошку помогали выращивать ученики на поле в районе аэродрома, там же работали бабушки с дома инвалидов. В 60-х гг. работники даже ездили на ВДНХ и возили овощи да яблоки с Валаама. У подсобного хозяйства была своя бухгалтерия, отдельная от дома интерната.

Столовая у инвалидов была нормальная, им обязательно каждый день пекли булки. Хлеб на Валааме был - лучшего качества. В Союзе, я думаю, такого не найти. Поэтому все туристы, даже из Владивостока, старались увезти с собой валаамский хлеб. Пекарь Татьяна Ива-

новна Юрченко пекла его на дровах. Кормили очень хорошо. Мы даже на экскурсию туда ходили.

На острове работал отличный Дом культуры, директором был Черников Михаил Егорович. В культуре задействованы многие: в школе был огромный хор, учителя – все в самодеятельности, и спектакли сами готовили. Был полный порядок. Родители из родительского комитета в 9 вечера гуляли по Валааму, никаких прогулок детей после 9 быть не должно, культура в это время работала только для взрослых. А вдруг учитель попадёт туда выпивший, как на него потом будут ученики смотреть?! Проводили и ёлки. У нас был свой школьный участок, всё с него дети продавали и туристам, и местным, зарабатывали тем самым деньги на проведение утрейников и на подарки. На всевозможных конференциях мы не раз занимали первые места, в том числе за цветоводство в парниках. На уроках труда нам РСУ заказывали какие-то приспособления для затирки штукатурки, ученики делали их из дерева также, за деньги. Это нам очень помогало, поскольку бюджет поселкового совета был никакой. Все поступления – на зарплату и небольшие расходы, а состоял он из подоходного налога и налога на бездетность.

С приходом музея жизнь пошла на убыль. Подсобное хозяйство распределили – часть монастырю, часть частникам. Перестройку я не восприняла и ушла в 1986 году с поста председателя поссовета. В то время начались перебои со снабжением. Мэром в Сортавала стал Довбня, они приехали ко мне на Валаам, я сказала, что не вписываюсь в теперешние правила и возраст у меня пенсионный. Ушла в школу, там немного поработала, а потом, когда создавался природный парк, Высоцкий взял меня туда, а после уже на пенсию. Два срока я была председателем, 5 лет в общей сложности. Когда пригласили второй раз на этот пост, я сказала: «Дадите мне в городе квартиру – поработаю». А они, мол, зачем тебе, мы тебе на острове памятник поставим! Я им - не надо памятников, и в 1983 мне дали квартиру в Сортавала, на ул. Победы. Монахи потом пытались придраться, мол, вы обманули монастырь. А чего это я обманула? А мне мол – вам дали квартиру, а вы тут остались, не уезжаете. Я говорю – что вы говорите, я её в 1983 получила, когда вас ещё и в помине не было. Потом меня с Валаама и выгнали, и прописаться там не дали. С острова я переехала в 2004, когда муж ушёл на пенсию. Они даже отказывали мне во временной регистрации, и я писала заявление во время выборов, чтобы зарегистрировали на один день, дабы я могла исполнить своё конституционное право.

Сначала жители предполагали, что монастырь будет таким «градообразующим фактором», как и интернат. И мы будем так же с ним жить, а оказалось всё совсем не так. Нас постепенно стали оттуда выселять. Поначалу отца Панкратия мы сделали даже депутатом Горсовета, он ещё и политикой занимался, я ему мандат свой отдавала. Местные жители меня попрекали – как, мол, так – вы партийная и с монастырём! А я не партийная и никогда не стремилась к этому. Но вот в пионеры и комсомол не принимали религиозных, что ж теперь? У меня таких проблем не было, учитывая и то, что корни мои из духовенства.

В начале монастырские главы приглашали меня на все праздники, а потом даже перестали принимать во

время приёма. Почему-то о.Панкратий решил, что я возглавляла монастырскую оппозицию, но я этого не делала, просто имела неприятности из-за своего собственного мнения. Теперешний монастырь мне не нравится, я побывала во многих и мне есть с чем сравнивать. А вот в Советское время на двери храма у нас висел амбарный замок, ключ был только в поссовете, никто туда не ходил. Внизу монастыря был продовольственный склад, там холодно и хранили продукты. Но когда приезжали и просили разрешить службу, мы давали им ключ. Почти каждое лето были матушки из Пюхтицкого монастыря (Эстония).

Наша центральная площадь называлась центр Валаама. Заходят однажды в поссовет: «Веронику Александровну можно?». А я ушла в центр, то есть где-то на территории. Прихожу, а мне говорит бухгалтер: «Вас искала сестра, она к вам приехала, мы ей сказали, что вы в центре». А у меня была единственная сестра, которая жила далеко и вот так, без договорённости приехать не могла. «Ну как же, – отвечает бухгалтер, – вот только что была! Мы ей сказали, чтобы вас шла искать». Поговорили. Я только ухожу в свой кабинет, входит какая-то женщина, бухгалтер и говорит: «Вот, Вероника Александровна, сестра-то ваша!». Я говорю – какая сестра? Я её первый раз вижу! А она мне, эта женщина в ответ: «Ну, мы же все сестры во Христе». Правильно, это я не возражаю. Они приезжали с туристами, мы открывали им собор, они там пели и вели службу. Кладбищенская церковь стояла закрытой и в хорошем состоянии. Вот Кирилл вспоминает, что приехали они с каким-то монахом на Валаам и им негде было помолиться. Это не правда, надо было всего лишь прийти в поссовет и попросить ключ, мы бы и им открыли церковь.

Говорят, что Валаам был весь разрушен. Вот, если взять каре и его корпус, у детского сада - этого угла совершенно не было – там одни развалины, берём центральный вход, как на кладбище идти, там был первый подъезд - тоже угла не было, где теперь почта – там был один фундамент, всё надо было восстанавливать. Вот беленький домик, где я потом жила на первом этаже – его тоже совершенно не было, только фундамент. Там торговали керосином в одном углу, в другом Аксентьевы держали коз. Это всё восстанавливали! Водопроводный дом был весь разрушен. А откуда нам взять кирпич, его никто не давал? Мы свозили кирпичи из разрушенных построек, разбирали и реставрировали, восстанавливали. Даже третьего этажа школы, где магазин, напротив летней гостиницы – тоже не было. На месте памятника ветеранам Ладожской флотилии стоял странноприимный дом монастыря, но кроме фундамента от него ничего не осталось. И оттуда мы разбирали кирпичи, бой выбрасывали, а остальное использовали.

Мы, старожилы Валаама, не приемлем его в нынешнем состоянии, потому что его сделали по европейскому образцу. Это не Валаам, он никогда не был таким «сусальным», таким гламурным - это не для него. Я в последний раз была там летом 2011. Зашла в столовую на втором этаже. То была обычная поселковая столовая. А сейчас у меня было впечатление, что я попала в сказку из 1001 ночи. Всё сделано с такой роскошью: пол выложен узорами, двери полуарками, как восточные хоромы, плюс огромные деревянные двери – а ведь это монастырь! Чего – то я аскезы не вижу. Те, кто приехал

на остров в 40-х годах, ничего внутри не переделывали, т.к. Совет Министров запретил. Там семья из 11 человек жила в келье 9 метров и не могла пробить дверь из одной кельи в другую, надо было обращаться в Москву, без согласования мы не выдернули ни один гвоздь. Единственное строительство было – на метеостанции. Начальником служил Чупахин, он в Москву ездил, чтобы ему разрешили построить в том районе дом. А мы все ютились, я сама, когда замуж вышла, жила с семьёй в 9 метровой келье. Входишь: дверь, окно, кровать, стол и лавка – вот и всё. Печи из коридора, полы не крашенные, монастырские, стены – традиционно зелёная половина и побелка – всё, все удобства. При нас в больнице были зелёные изразцовые печи, монастырь же их зачем-то убрал...»

Каждый период в истории по-своему ценен. И в каждом есть как плюсы, так и минусы. Пока путешествия во времени остаются для нас лишь научной фантастикой, хорошо, что есть люди, по воспоминаниям которых мы можем чётко и ясно представить себе картину жизни на острове Валаам в прошлом, в Советское время. Разумеется, эти моменты из памяти субъективны. Пройдёт ещё немало лет, прежде чем мы или наши потомки смогут не предвзято оценивать тот или иной исторический период. А пока, дорогой читатель, попытайся воспринимать историю с точки зрения простой человеческой жизни – сложной, многогранной, но вместе с тем невероятно интересной и незабываемой.

Беседовала Светлана Махохей.

1	2	на фото:
3		1. В.А. Молчанова с мужем. Валаам, Монастырская бухта. 2. В.А. Молчанова на регистрации брака в валаамском поссовете. 3. Вырезка из газеты «Красное знамя».

В Валаамской восьмилетней школе уделяется большое внимание физической подготовке учащихся. В настоящее время ведется подготовка к сдаче норм по новому комплексу «Готов к труду и обороне СССР».

НА СНИМКЕ: учитель физкультуры И. И. Молчанов объясняет учащимся положение «старт».

Фото С. Дубатолова.

Евгений Кузнецов

< ... >

На долю мою выпало учиться в двух высших учебных заведениях. Одно было нелюбимое, второе, как я уже выразился - вожденное. Еще учась в первом, я ранней весной 1964 года подумывал о поисках работы. (Была уже семья, стипендия крохотная, надо было подрабатывать, но грузчиком я тогда не мог: до этого была перенесена тяжелейшая операция.) И вот один добрый человек подсказал мне: «Ленинградское бюро путешествий набирает экскурсоводов, желательнее ребят-студентов, попробуй». Я попробовал. Все оказалось не так просто, как я в начале предполагал. Со мной не хотели даже разговаривать: я - студент технического ВУЗа, а им нужны только гуманитарии. Потом, только чтоб от меня отвязаться (настырность моя превосходила все мыслимые и немыслимые пределы), мне всучили методичку и, сказав: «Идите и пишите текст экскурсии» - с облегчением вздохнули. Отделались! Как бы не так! Два месяца я гнил в библиотеках, «пыль веков от хартий отряхнув», и, накропав 200 страниц текста (двести!), приволок его в методический отдел бюро. Я представляю весь ужас, объявивший этих милых женщин, когда они увидели мой «дерзновенный труд». Наверное, не меньше недели они приходили в себя от шока, но через две недели позвонили и попросили зайти на собеседование. Оказывается, Евгения Николаевна Стромиллова нашла мужество (а быть может, победило женское любопытство), прочла мое писание. Светлая ей память.

Итак, 27 мая 1964 года я впервые ступил на благодатную землю Валаама в качестве экскурсовода-стажера. Правда, стажироваться мне пришлось всего

Родился 6 октября 1940 года в г. Ленинграде в семье рабочего. В юности активно занимался спортом – борьбой, парашютным спортом, имел на своем счету больше сотни прыжков.

По окончании школы год работал фрезеровщиком на Кировском заводе. После службы в армии поступил в ЛИСИ. Уйдя из ЛИСИ по состоянию здоровья, в 1967 г. поступил в ЛГИТМиК, где учился на режиссерском отделении. Совмещал учебу в ЛГИТМиК с работой на Валааме, как совмещали почти все экскурсоводы “первой волны”. После института работал режиссером-постановщиком в театрах Красноярска, Калинин, главным режиссером драмтеатра в Кимрах, режиссером облдрамтеатра им.А.П.Чехова в Южно-Сахалинске. В 1977 г. окончил Высшие режиссерские курсы. Работал по 1981 год на Ленинградском телевидении режиссером-постановщиком. Непродолжительное время был руководителем студенческого театра ЛЭТИ, затем режиссером Домов свадебных торжеств.

С 1985 года практически постоянно - экскурсовод при Валаамском музее, заведовал экскурсионным отделом. Проработав примерно 40 туристических сезонов на Валааме, являлся по праву его обитателем, отдав острову около 20 лет своей трудовой жизни. Умер в Санкт Петербурге 12 декабря 2007 г.

Публикуем отрывки из его книги “Валаамская тетрадь”

один день. На следующий я уже повел самостоятельную экскурсию, и что я там понарассказывал в тот день! Господь, я думаю, меня все-таки простит. Главной заботой на маршруте в 18 километров было не заблудиться и в назначенный срок привести группу к теплоходу. Сознано: помогла штурманская ВВС'овская подготовка: по карте-схеме и на местности я ориентировался без проблем. Так в мою жизнь вошел Валаам. «...»

И жил тогда Валаам двумя жизнями. Одна - домоинвалидская: скучная, печальная и отрешенная. И другая: туристическая, развеселая, увлекательная и не просто сытная, а и с излишествами. Особенно когда в Воскресенском скиту весной 1967 года открылась турбаза. О туристической той жизни изложу подробнее, ибо и она была не проста. Подчас развеселая, иногда и драматичная. Но все по порядку.

Глава 7

Поселковым - так называли обитателей Дома инвалидов - на турбазу ход был воспрещен категорически. Но так как на Руси-матушке у нас все с «кандибобером», и тут не обошлось без нелепостей. Итак, поселковым - нельзя! А где взять рядовую службу турбазы? Уборщицы, истопники, дровоколов, посудомоек, лодочников на лодочную станцию, кладовщиков, бухгалтера, да того же директора? С материка? Да если их всех поселить в кельях Воскресенского скита, то для туристов и места не останется. Да и кто с материка добровольно поедет на пять месяцев на эту каторгу за ту грошовую зарплату, какую предлагала турбаза? С материка брали только нас - экскурсоводов-инструкторов и врача, ну, еще повара. Вот и

вся «элита». Остальные - поселковые. Нет, не калеки без ног и рук. Члены семей обслуживающего персонала Дома инвалидов. «...»

Ведь здесь хоть и зарплата никудышная, а все же другая жизнь. Другая! Здесь происходило соприкосновение с большим миром. Да и миром-то особым - праздным. Ведь люди приезжали на турбазу отдыхать. Что за «контингент» был здесь обычно? Советские богатые - шахтеры, геологи, летчики, райкомовские и прочие партийцы - ездили на Черное море, на Кавказ, в Крым, в Прибалтику, на курорты. На недорогую эту турбазу приезжала сначала только скромнейшая по достатку советская интеллигенция. Это потом, лет через пять, когда «расчухали» все прелести живописнейшей природы этого уголка, появились люди «достаточные», с барскими (на советский, конечно, манер) замашками.

Сколько юных тогда искалечило, изломало, а потом и погубило это соприкосновение. Ведь эту праздную, разгульную по-своему жизнь (с шашлыками, выпивками, мимолетными романами) принимали юные валаамцы за жизнь истинную. Им казалось, что ТАМ вся она такая. И это просто не могло не сказаться тлетворно на их неокрепших умах и душах. Тяга к празднику естественна в человеке, но праздник-то на Руси не бывает без водочки. А уж где водочка - там горе и гибель обязательная.

Происходило это даже и в нашей среде. Хоть мы и были из того «большого мира» и прекрасно осознавали - то, что мы видим, не праздник, а суррогат его, а все равно попадали некоторые из нас под это колесо. Директор тогдашний на турбазе (светлейшая ему память), Михаил Егорович Черников, инвалид войны (ноги были искалечены), ходил с палочкой. Человек добрый, умный и бывалый, он понимал всю суть той жизни и держал нас в строгой узде. Надо признать: ни один из нас не смел появиться перед туристами, нашими ли, теплоходными ли даже с запахом, не говоря уже о другом. Но все равно - разве удержишь? Особенно на турбазе. После каждого похода - банкет, шашлыки, посиделки у костра, туг уж, как в басне Михалкова-старшего: «За дружеской беседой вино лилось рекой, сосед поил соседа»...

Глава 8

Теперь о походе. Водили мы тогда по архипелагу шестидневные лодочные походы. Инструктор - царь и бог, кум королю и брат министру. Не то что на виду всегда, а просто первый парень на деревне. На веслах упирается как викинг. Его шлюпка самая ходкая, всегда впереди. Все знает, все покажет, все расскажет. На двухметровой волне проведет «эскадру» свою (а ходили иногда по 15 шлюпок) через пролив между Валаамом и Святым так, что ни одна лодочка бортом не тронет. В грозу, под проливным дождем, в темпе сам поставит палатки и костер разведет под этим же дождем. И сварит, что надо, и накормит. У него и чай самый вкусный, и борщ. И покажет, где точно клюет сиг, и сам вытащит, к всеобщему восторгу, хариуса. И при восторженном ужасе публики зарежет овцу, купленную в поселке на шашлыки. А уж шашлыки сварганит - пальчики оближешь. Да наутро еще и харчо сварит, какого в ресторане не подадут. Ну и в застолье - первый тост за инструктора, первый стакан - ему.

Ну, так далее и тому подобное. А ведь были все тогда студентами. В июне - сессия. Ее ведь сдать надо. Крутились, как белки в колесе. Урывками, иногда и по ночам, в каждую свободную минуту готовились к экзаменам. И сдавали, и вроде неплохо. Троечников не держали. Учились все, надо признать, хорошо. Да, в общем-то, бюро путешествий дураков и посредственностей не брало.

С учебной особенно доставалось нам, студентам творческих вузов. Экзамен по мастерству ни досрочно сдать нельзя, ни перенести. Все равно выкручивались и сдавали. На кафедре Товстоногова не забалуешь. Из «творческих» нас было трое, остальные - все университетские. И, кстати, вся когорта составляла 7-10 парней. Позже появились и девочки. Но это уже тогда, когда туризм теплоходный стал «разбухать», наращиваться в объемах.

Ну а помимо застолий, составной частью этого нескончаемого праздника были романы. Мимолетные турбазовские романы. Кто их не имел, тот прожил на соседней улице! Комический драматизм их состоял в том, что с отъездом «дамы сердца» на материк роман и иссякал сам собой, но отъезжавшие не знали об этом. И шли к нам с материка, со всех концов «необъятной Родины» мешки писем, бандеролей, даже посылок с подарками и яствами. А мы, дураки сопливые, и радовались! Чему? Немало девичьих сердец было взято за живое в ту пору.

Но! Читатель! Бабниками мы не были, ни боже мой. Мы были романтиками. Мы и сами подчас втрескивались по уши. А еще были мы тогда на Валааме «Ротшильдами» - самая высокая зарплата у нас. По окончании навигации купить костюм не составляло затруднений. Я и сам ходил в институт в прекрасном французском костюме.

Году в 1968-м, может, 69-м прошел «звон» в ленинградском бюро, что валаамские экскурсоводы гребут деньгу лопатой. Началось нашествие алчущих, золотая лихорадка. Срывались изо всех отделов бюро хорошие экскурсоводы, профессиональные, но Валаама совершенно не знавшие. Не удивительно, что они становились персонажами анекдотических историй.

Ну, представьте: городская дамочка, всю жизнь катавшая экскурсии только по Питеру в автобусах, имевшая представление о лесе как о Екатерининском парке Царского Села, попадала на тропы Валаама. Ну, то, что на экскурсии несла полную околесицу - это само собой, но бывало и почище. Некая дама (не буду называть фамилий и имен) возле Игуменских озер окончательно заблудилась, хотя оттуда к Гефсиманскому скиту всего две дороги: по одной - пришла на озеро, по другой - ушла. Но это для нас. Для нее - конец света! Заводит группу в непроходимое, гудящее от комаров болото, радостно объявляет опешившей группе привал и... смывается. Нет, не убегает от группы (хотя и это бывало!), а идет искать дорогу (которая у нее под ногами). Часа через три рассвирепевшая группа сама выходит из леса и является к теплоходу. Скандал, жалобы, ярость, которую кое-как удастся погасить. Да ведь и людей понять можно! Но дамы нет. Нет, как нет. К вечеру идем всем кагалом искать. «Разбираем» дороги - по одной на каждого - и в поиск. И находим уже ночью (благодаря, они белые) в семи километрах от этого злосчастного болота, в районе скита Всех Святых. Ну, заблудилась, вы скажете, что тут особенного? Да весь фокус-то в том, что скит-то стоит не на Валааме, а на Скитском острове и, чтоб попасть на него, надо вброд (мостов тогда не было) преодолеть две протоки. Одну глубиной по пояс, а вторую - по грудь и глубже. Как она туда зашла? Ясное дело, до полусмерти изъеденная комарами, мокрая, в соплях и слезах и уже прощавшаяся с белым светом. На другой день - «с вещами!» на теплоход. А на прощанье: «Чтоб ноги твоей здесь больше не было, старательница!» Она, видите ли, хотела рюкзак денег здесь заколотить!

А бывали случаи просто потешные. На всю жизнь запомнил одну свадьбу. (Но опять же без имен. Персона-

жи и так себя узнают.) Жили-были на турбазе лихой, многоопытный инструктор и молоденькая медсестричка. Ну, роман, ну, любовь, ну, свадьба! А что? Святое дело. Только свадьбу свою они решили сыграть не в Питере, не на Валааме даже, а на острове Ханхипзаси. Он на морских картах значится как Малый. А лежит островок от Валаама в трех милях, т. е. почти в пяти с половиной километрах. Да и островок крохотный и неуютный: голая скала, ни деревца, ни кустика, весь загаженный чайками. Одна примечательность - торчит на нем 20-метровая маячная башня. Маяк автоматический. Что они в нем нашли - непостижимо. Но вот решили - и все тут. Понаехали гости из Питера.

В назначенный час погрузились все в дори (большая такая ладожская рыбацкая лодка с дизельным мотором, вмещает до 25 человек) и отправились на этот «дивный» остров. Далее все как положено: расстелили скатерть-самобранку и ну гулять. Гуляли, гуляли, все съели, все выпили, пора и на Валаам, под кров турбазы. Хватились лодки, а лодки нет! В радостной суете предвкушения забыли ошвартовать (привязать) лодку, а ее ветерком да течением и унесло за горизонт! Далее все как в кино.

Идет вечером теплоход с Валаама на Ленинград. Люди на борту смотрят: с острова, затерянного в Ладоге, им приветственно машут руками, тряпками какими-то, камни в воздух кидают, что-то кричат «радостное» (голосов не слышно). С теплохода так же радостно помахали в ответ. Вахтенный штурман даже погудел этим робинзонам приветственно. И теплоход ушел. Утром картина повторилась, только теплоход шел другой - из Ленинграда на Валаам. Вечером все повторяется. Туристы на палубах завидуют: вот отдыхают люди, везет же некоторым. А

«некоторые» эти на острове, будь он неладен, голодные третьи сутки, протрезвевшие без опохмелки, промерзшие (ведь в открытой Ладоге, а там тепло не бывает даже в июле), ночуя, как воробьи на жердочках, на ступенях винтовой лестницы, ведущей наверх маячной башни. Костры развести не из чего - один камень. Переругавшиеся все со всеми. В отчаянии махали всем, что у них имелось, и на следующее утро. Но теплоходы-то меняются. На них никому и невдомек, что на острове-то SOS, полный SOS! На турбазе никто и не хватился: гуляют люди, даже завидно! «Свадьба, она свадьба и есть: по-русски - дня три-четыре отдай, не грехи, празднику».

На четвертые сутки утром с того теплохода, что уходил в первый день, увидев махание это, докумекали: что-то там не так. Застопорили ход, мотобот спустили. Спасли незадачливых гуляк от голодной смерти, а молодых - от развода. Ай да свадьба получилась, память на всю жизнь!

Жили мы тогда все лето на Гефсимании. Семерка наша составляла клан. Клан профессионалов. И попасть в него чужаку было непросто. Мы не чурались новичков, не отвергали их с порога. Но у нас выработался закон: вначале покажи, «как ты это делаешь», а уж решим: «наш» ты или не наш. Встречали радушно, обустроивали с жильем. Трапеза была общая. И поначалу нянчились: вычитывали их контрольный текст, давали читать материалы, которые были только у нас. (А это внушительная стопка литературы, статей, наших собственных изысканий-рефератов.) Таскали по всем маршрутам, показывая все, что было значимо, обучали методическим тонкостям, приемам. Потом бросали экскурсий на пять-семь в «свободное плавание», а затем принимали строжай-

У «Желтого» скита (слева направо):

Светлана Родионова, директор рейса т/х «Родина»; (?); Петр Николаевич Вакулин, старший экскурсовод; Евгений Лукашевский; Равиль Исхаков; Евгений Кузнецов; Олег Иванов; (?); фотограф Анатолий (?).

ший экзамен: присутствовали (чаще коллегиально) на маршруте с группой. И после этого решалось - «быть или не быть». Как правило, из 10 - 15 человек оставался один. Кстати, бюро в это не вмешивалось, это было дано нам «на откуп». Отбор был жесточайшим.

Попутно, естественно, присматривались к человеку и в быту: насколько опрятен, есть ли чувство такта, умеет ли ограничить эгоизм. В клане «я» нужно положить в карман и забыть о нем, существует только «мы».

Не слишком ли строго, спросите вы? Нет, не слишком. Благодаря всему этому к началу 70-х выкристаллизовалась когорта первокласснейших экскурсоводов. Нас приезжали слушать из Центрального совета по туризму, союзного министерства культуры. И ни единого провала, ни единого замечания. Нас ставили в пример. Туристы «дальнейших» маршрутов открыто заявляли нам, что от Астрахани до Питера - валаамские экскурсоводы самые первоклассные. Было чем гордиться.

Но «выковывали» мы себя сами. Зимой мы перерывали все библиотеки: БАН, Публичку, Академию художеств, театральную, Академию духовной. В те времена почти все материалы - книги, статьи, рефераты по Валааму - были закрытыми. Каких трудов стоило докопаться хотя бы до того, когда и с кем был Чайковский на острове. Сегодня это вызовет недоумение, а тогда... Тогда это был огромный труд. И мы искали, искали и искали, прежде всего памятуя заповедь: «Ищи, да обрящешь».

И тогда же, в самые первые годы постижения, задумались над проблемой: что же такое экскурсия по своей сути? И нашли (я на этом стоял и стоять буду всегда): экскурсия - это произведение искусства, устного творчества, это моноспектакль. И как ты его сыграешь - такой и будет экскурсия, таковым и будет впечатление от Валаама у туристов. «...»

«Доктрина» наша тогда была простой и жесткой: человек заплатил деньги (даже тогда немалые), приехал на Валаам, быть может, единственный раз в жизни и должен увезти впечатление о нем, на всю жизнь запомнившееся и, разумеется, восторженное. Поэтому никаких себе поблажек, ни в чем. Болит у тебя горло, нога, нет настроения - сиди в келье и не высовывайся. Вышел на группу - выложись без остатка. И мы это делали каждый божий день.

Сколько же сил на это надо, спросит человек непосвященный? Много, очень много. Но силы нам давал Валаам. Безмерная влюбленность в него и глубокое его познание. Мы учились друг у друга, охотно помогали друг другу, делились откопанными материалами и соревновались, всегда соревновались. Мы были молоды и азартны. Кстати, соревнование это - узнать больше и рассказать лучше - и выковывало наше профессиональное мастерство.

К моменту окончания вузов (а это почти все одновременно, ну, с разницей в год-два) многим неведомо было, что выйдет из нас на избранном поприще. Но одно явствовало уже несомненно: одна профессия у всех нас уже есть. К 1970 году все мы - экскурсоводы-профессионалы и, между прочим, даже официально - самой высшей, I категории. Вот чем для нас тогда стал Валаам. После окончания вуза не один я думал: «Ну ладно, ну вот он, диплом, вот она, профессия, но как же я без Валаама? Ведь без него больше жить невозможно!» Так и заразились Валаамом, как туберкулезом заболевают - на всю жизнь. Залечить можно, вылечить - никогда.

Конечно, по получении дипломов мы все разлетелись из нашего «гнезда», разъехались по распределениям, кто-то стал учиться в аспирантуре. Мне вообще годы пришлось работать в Сибири и на Дальнем Востоке. Но каждое лето, каждый отпуск (всеми правдами и неправдами продлевая его, если возможно, иногда и до трех месяцев) мы устремлялись на наш Остров. Между собой мы уже не говорили: «Ты будешь на Валааме в этот год? Ты когда на Валаам?». Мы говорили: «Ты когда на Острове?». Непосвященным непонятно, а нас это согревало. Зимой, переписываясь друг с другом (эпистолярный жанр, к счастью, не был еще забыт), мы всегда интересовались, какие новости с Острова, как там, что там.

Так зимой 1975 - 1976 годов из писем моих валаамских побратимов узнал я о трагической гибели Михаила Егоровича Черникова. Душа моя скорбела по нему несказанно. Он и еще несколько человек пошли на подледный лов. Лыдину оторвало. Дело было уже к вечеру, стемнело, начался снежный заряд. И их не нашли. Только одному парнишке, Толику Свинцову, посчастливилось вырваться со льдины. Черников приказал: «Раздевайся, полынья 30 метров, плыви. Сам спасешься - нам пришлешь помощь». Толик после ледяной купели (это было в декабре!) три километра бежал обнаженным до поселка! Помощь вызвал, но поиски были безрезультатны. Царствие Небесное им всем, оставшимся на той льдине в ту страшную ночь!

На «Красном» скиту (слева направо):
Олег Иванов, Геннадий Куцера, Равиль Исхаков,
Евгений Лукашевский, Евгений Кузнецов.

А Толик, между прочим, сегодня не Толик, а Анатолий Михайлович Свинцов - мэр острова Валаам! (на 1999г. - прим. «Сердоболя»).

Память о нашем «клане», о когорте нашей бережно хранили все поколения экскурсоводов, кроме нынешнего. О нашем братстве ходили легенды.

Когда я в 1978 году после трехлетнего дальневосточного пребывания приехал на Остров, молодые коллеги стекались смотреть на меня, как на реликвию. Кто-то просто не верил, что я - «тот самый Жак из той команды». Кстати, тогда, в «начале», у всех у нас были клички. Нет, это не уголовные кликухи, а так - некие буквосочетания для простоты общения. Например: Равиль - Раф. Геннадий - Гек. Олег - Олли (Олег Иванов был бронзово-рыжий, и когда он что-либо вытворял, а это за ним водилось, то в сердцах так и говорили: «Рыжий»), Евгениев нас было двое - я и Женя Лукашевский. Свою кличку я невольно дал себе сам. Дело было так.

27 мая 1964 года, отправляясь в самый первый рейс на Валаам, стояли мы на причале речного вокзала у трапа «Родины», и методист наш, Юра Родионов, приведя с собой двух ребят, сказал: «Познакомьтесь, вам вместе работать». Руслан Степанов безо всякого жеманства представился: «Руслан», я ответил: «Евгений». А Равиль Исхаков (он учился на французском отделении филфака университета) с некоторым вызовом произнес на французском языке: «Равиль, просто студент». Я возьми в тон ему на французском же и ответь: «А я Жак-простак». Вот это «Жак» ко мне и прилепилось на всю жизнь. Да так прилепилось, что в конце восьмидесятых молодые экскурсоводы полагали, что меня и по паспорту зовут Жаком, и вежливо обращались ко мне: «Жак Петрович». У ветеранов это вызывало восторг неописуемый. С кличкой же Женьке Лукашевскому было иначе.

Раз у всех есть клички, надо присобачить и ему. Один Жак уже есть. Что делать? Собрали совещание и всем синклитом решили: быть ему Жаном. Так мы и стали — Жан и Жак.

А в июле 1968 года мы решили и создали, т. е. провозгласили создание «ордена рыцарей зеленого сердца». Был придуман устав, избран капитул ордена (я, кстати, был капелланом). Володю Вишаренко, по кличке Слон, избрали Великим магистром. Был разработан герб ордена: на пурпурном, каплевидном щите в центре - зеленого цвета сердце, поперек него горизонтально - золотой меч. на клинке которого девиз: «Познание и справедливость». А по ободу щита латинский девиз: «Spe Fretus» - «С надеждой». В провозглашении ордена сказала юношеская романтика, шумевшая в наших головах. И, конечно, орден был «потешным», как полки юного Петра на Плещеевом озере. А вот девизы отражали всерьез те идеалы, что были нам дороги в ту пору: «надежда, познание и справедливость». Увы, не все из нас в дальнейшей жизни сохранили их в своих сердцах.

Если кто-то из всего вышесказанного извлечет мнение, что мы были пай-мальчиками, то будет совершенно неправ. Клан-то клан, братство братством, но все мы были очень разные, да и нельзя сбрасывать со счетов максимализм молодости. Амбиции подчас просто гудели в нас. Ну и, конечно, бывало не без конфликтов. Однажды даже случилась драка. Хотя, в общем-то, и не драка, а всего один удар в челюсть с нокаутом. За интригу - «был приговор». Жестокый, но справедливый. Кто, кого и за что - умолчу. Одного уже нет на свете, а другой давно от Валаама отошел, и биография его «ушла в песок».

А в общем-то мы на досуге основательно балбесничали. Кстати, о романах любовных. Самым непроходимым сердцеедом был Рыжий. Роста выше среднего, крепкий, мужественной внешности, с всклоченной всегда бородой, чуть грубоватый в ухватке, на дам впечатление производил неизгладимеее. Удивляться не стоит: он, между прочим, свободно говорил на немецком, французском и португальском, ибо учился на португальском отделении. Он женскому обществу с лету читал стихи Луиса Камозенса на португальском и Пьера Ронсара на французском. А от жемчужнозубой улыбки его. по моему, расплавлялись даже зеркала.

Туризм, как и восток, «дело тонкое». Всякий соприкоснувшийся с ним живет несколько в ином измерении, чем все остальные смертные. Здесь срабатывает принцип Станиславского - «публичное одиночество». Ты всегда на строжайшем самоконтроле, ни единого лишнего слова, жеста, никаких посторонних мыслей. Стоит расслабиться, как тут же произойдет какая-нибудь нелепость. За примерами ходить не надо.

Одна наша коллега усмотрела в киоске на теплоходе красивую ткань по 2 руб. 80 коп. за метр. И перед экскурсией все кумекала про себя: на юбку взять, на платье или сразу на костюм - и в уме считала, во что это ей обойдется. С этой неотвязной мыслишкой и повела группу. Результат не заставил себя ждать. Рассказывая о храме скита, мадам брякнула помимо своей воли: «Высота храма два восемьдесят за метр». После такого «ляпа» надо уезжать домой.

А бывало и почище. Мой друг детства Гена Куцеров ведет группу, приводит ее на смотровую площадку на горе Елеон и начинает вещать. Одна дамочка так уже достала его своими вопросами, что в голове у него сгусток неприязни. И вот он начинает повествование, а она в этот момент лезет к краю обрыва. (Мы всегда предупреждаем: «На скалы не лезть, к обрывам близко не подходить».) И вылетает из Гены шедевр словесного творчества: «Валаамский мона... куда ты, мать твою-перемать, лезешь? - стырь был основан...». В слово «монастырь» ему удалось вставить весьма выразительное словосочетание. Толпа в восторге. Гена в шоке. Или еще: «Товарищи туристы, пред вашим взором пейзаж Ивана Ивановича Шишкина». Сообразив, что брякнул, сам давится со смеху, туристы в экстазе, рассказ дальше можно не продолжать! (Ненавязчивый вопрос: о чем думал за секунду до этого наш коллега?)

Общение с туристами сказывается подчас самым непредсказуемым образом. Летом 1968 года жила со мной на Валааме старшая, тогда еще пятилетняя, дочь Ирина. Ну, о том, что она старшая, мы узнали много лет спустя, а тогда - первенец, очаровательная пухленькая девчушка. Оставить на полдня в скиту одну небезопасно: рядом всюду глубокая вода, скалы, да и змейки водятся. И скучновато ей одной. Приходилось брать с собой на экскурсию. Надо отдать должное, маршрут в 12 километров она выдерживала без писка. На второй или третий день смотрю: собираясь на «работу с папой», поверх платья надевает передник. Уговариваю, что он лишний, что в платье красивей. Ни в какую - хочу, и все. Ну, хочешь, так хочешь. Надо сказать, что ребенок у меня был обученный, она знала: папу отвлекать нельзя, под ногами путаться нельзя. И мы с ней во время экскурсии каждый сам по себе. Я при своем деле, она при своем. Я знаю, что она где-то в группе, от группы не отстанет, не потеряется, душа моя за нее спокойна. И вот возвраща-

емся с экскурсии. Все мы после экскурсии собирались в одной комнате, расписывались в диспетчерском журнале, делились впечатлениями. Иришка тут же с нами. И вдруг она говорит: «Внимание, сейчас всем будут подапочки» - и начинает оделять всех по порядку конфетами, шоколадками, печеньем и извлекает все это из большого кармана того самого передника, против которого я восстал утром. Оказывается, ребенок сообразил: раз на платье карманчик маленький, надо одеть передник, на котором карман большой. И когда туристы угощают ее сладостями - можно просто подставлять карман передника и набрать этих сладостей побольше, для всех. Мне бы в голову не пришло. Век живи, век учись. Ребенок пообщался с туристами всего два дня и сразу извлек для себя полезнейший, по ее мнению, урок. Так потом в переднике и ходила, а мы объедались ее дарами.

Но, конечно же, чаще не мы радовали туристов своими «ляпами», а они нас своими. Чего стоит один только вопрос дамочки из моей группы. Рассказывая о монашестве, естественно, всегда говорили об обете безбрачия. И вот после такого рассказа дама подходит ко мне и очень громким голосом, чтоб вся группа слышала ее вопрос («во-первых, очень умный, а во-вторых, в изысканных выражениях»), изрекает: «Вот вы нам поведали про обет безбрачия, а как же тогда монахи поддерживали популяцию?». Поначалу мы все эти шедевры собирали, был даже заведен специальный журнал, потом надоело. А надоело потому, что перлы эти, как оказалось, повторяемы. Иногда в другой форме: «А как же тогда монахи размножались?». И ведь вопросы эти поступали после подробнейших и, поверьте, очень грамотных рассказов о форме и сути русского православного монашества. Эх, соотечественнички! «...»

Но я отвлёкся. В Гефсиманском скиту в те годы обитали не только мы. Нашу команду Черников поселил в церкви. Кстати, никогда в церкви Успения Богородицы Гефсиманского скита не содержали скот! Там жили люди. До 1967 года, до открытия турбазы, там размещались туберкулезные больные из Дома инвалидов, а с 1967-го - экскурсоводы-инструкторы. В бывшем домике настоятеля поселились тогда лесник с женой, тетужкой Агафьей. Добрейшей души была женщина. Она нам, особенно когда приезжали жены, а тем паче дети, ежедневно бесплатно давала литр-два парного козьего молока, лук, зеленый с огорода, картошечку подбрасывала и многое другое. Всегда безвозмездно. Мы, конечно, «отвечали»: сладостями, фруктами с теплоходов. В келейном корпусе, напротив церкви, размещена была служба турбазы, и среди нее два старичка, о которых забыть невозможно во всю жизнь. Жили там супруги дядя Саша и баба Дуня. Обоим им было тогда уже за семьдесят. Трое сыновей погибли на фронте. Дядя Саша воевал в партизанском отряде, был ранен в голову, почти ослеп. Родное гнездо, где-то на Псковщине, было разорено, вот они и оказались на Валааме. Он - как инвалид войны, она - как престарелая. Жили они дружно, пеклись друг о друге заботливо и даже трогательно. Но люди они были до чрезвычайности забавные. Несмотря на преклонный возраст, жизненных сил у этих старичков было хоть отбавляй. Они еще, что греха таить, и поддавали иногда по первому разряду.

Бывало, утром, после их «полного передимонокля» (любимейшее изречение бабы Дуни. «Баба Дуня, как дела?» - «Полный передимонокль», - значит, все в нор-

ме), так вот, после такого «монокля» встречаемся на улице: «Баба Дуня, как здоровье?». - Баба Дуня: «Шармант, уже стабилизировалась!» Из-за окошка дядя Саша: «И мне, ухвостка, грамму не оставила!». - «Тебе вредняк, попей кваску, я пошла трудиться на благо человечества».

Или сидит у распахнутого окошка (платок повязанверху бантиком), подперев щеку ладошкой, смотрит с улыбочкой на возвращающуюся с экскурсии группу: «Товарищи уважаемые туристы, ну, как вам наши экскурсоводы?» Туристы выражают свои эмоции. Баба Дуня: «Чего говорить, парни во (показывает большой палец), шармант, но зимогоры!...»

«Баба Дуня, ты что же, старая свекла, взяла нас и выдала?». - «Ребята, не лезьте в капусту, я за вас кому хошь зенки выцарапаю».

В подпитии носится по двору с топором за петухом: «Я тебе дам, окоянный прохвост, кур портить!» Поймала петуха, лишила жизни. Наутро варит его и приговаривает: «Ну что я наделала, старая свекла, кто мне будет кур портить?»

Или сидит на крыльце у себя, держит за бороду черную свою козу (коза эта есть даже на фотографии в каком-то из проспектов туристических) по прозвищу Цыганка и доверительно так с ней беседует: «Цыганка, скажи-ка мне, мил друг, кто же это тебя подоил? А? Нет, ты мне как на духу ответь, кто тебя подоил? Ежели Санька (это про мужа) я ему хвост живо надеру, «слепоте куриной», а ежели ребята - то пушай. Ты, главно, токо скажи: кто?»

На третьем, по-моему, курсе, мне нужно было сдавать зарубежную музыкальную литературу. Я повнез горю пластинок, проигрыватель и каждый вечер слушал. Прислушать нужно было очень много произведений: от Листа и до Шопена. Вечерами на скиту необыкновенная тишина, и музыка была слышна, хоть и не громкая, даже в келейном корпусе. И вот однажды во время такого «концерта» приходит баба Дуня и вдруг спрашивает: «Жаконя, а что это у тебя сейчас, вот только что было поставлено?». Я говорю: «Токката и fuga ре-минор Иоганна Себастьяна Баха». - «Ишь-ты, название-то какое, и не упомянешь. Ох, и умный ты. А знаешь, подари мне эту пластинку, я тебе земляники банку наберу». На том и сошлись.

Мог ли я догадываться, на какую пытку обрек себя и своих друзей. Начиная со следующего вечера - а у стариков тоже был какой-то старенький проигрыватель - они раз по 50, а то и больше проигрывали эту токкату. Да еще и «шарманку» свою древнюю врубали на полную мощь! По-моему, слышно было даже на ферме, за два километра. Никакие мольбы прекратить этот кошмар не возымели действия. Уж какие только пластинки я ей не предлагал. Все отвергалось. «Уж больно эта музика лепая». Они под нее даже пели «Когда имел златые горы» и любимую бабы Дуни «Хороша я, хороша, плохо я одета». Тот сезон мы кое-как выдержали, но, когда на следующий год пришли первым рейсом на остров и явились к себе на скит, нас встретила та же, громогласно исполняемая, музыка!!! Мою пластинку они, естественно, заездили дотла, так не поленились заказать кому-то привезти им из Сортавалы новую. О чем старики нам торжественно и объявили. Было от чего власть в отчаяние. Мы взмолились Михаилу Егоровичу, и он нас перевел на чердаки Воскресенского скита. С Гефсиманией мы распрощались надолго. В церкви стали жить туристы.

х х х

А еще жил и трудился у нас в музее Александр Павлович Харлашкин.

Сашка родился еще до войны, в 1938 году. Отец погиб на фронте. Мать партизанила в Карелии. После тяжелого ранения стала инвалидом и, как результат - оказалась в валаамском доме-интернате вместе с малолетним сыном. Саша окончил семь классов и пошел работать тут же, в доме инвалидов, дровоколом. А парень он был хоть куда и роста чуть выше среднего, и фигурой не атлетический, но жилистый, и силы физической необычной. Я помню, как он в возрасте уже далеко за пятьдесят одним махом раскалывал любую плаху.

В конце шестидесятых случилось несчастье. Он по пьянке нечаянно убил человека. Пятнадцать лет. Восемь отсидел. Вернулся на Валаам. А тут как раз и турбаза в расцвете, и музей организовали. На турбазу его не взяли на работу. Не знаю, почему. А в музей взяли. Но тоже дровоколом и дворником. Жил он в мансарде банного корпуса в Воскресенском скиту.

Дрова колот исправно, иногда для видимости помахивал метлой во дворе скита. Но занимался Саня главным образом бизнесом.

Тюрьма не сломала ни его физической, ни душевной силы. Он пришел таким же, каким и был. Только она добавила к его характеру изворотливости и находчивости. Конечно, пристрастила к чифирю, тройному одеколону и... к собакам. Да, да, не удивляйтесь. В лагерях зекам поросят держать запрещено, а есть хочется. Вот и держат собачек на убой. Откармливают, а потом режут, варят и едят.

Оклад же дворнику и на полставки дровоколу музей установил шестьдесят рублей. Не разгуляешься. Вот Харланя, «чтоб ни в чем себе не отказывать», и придумал бизнес.

Кстати, фраза «чтоб ни в чем себе не отказывать» в устах Саши Харлашкина стала своего рода афоризмом.

Однажды с похмелья он пришел к директору музея и откровенно попросил: «Владимир Александрович, помираю. Дай на опохмелку». Тот порылся в кармане, достал «железный» рубль, протянул дровоколу и с улыбкой изрек: «Вот тебе, Александр Палыч, рупь, иди на теплоход в бар и ни в чем себе не отказывай».

Бизнес же вот какой. На теплоходах в ресторанах оставался недоеденный хлеб. Саня уговорил шеф-поваров этот хлеб не выбрасывать в отходы. Накапливалось его целые мешки. Отдавали эти мешки ему бесплатно. Далее наш бизнесмен собирал по маршрутам пустые бутылки и сдавал их в барах на теплоходах за полцены. Мешки он таскал в поселок и обменивал их на молоко у владельцев коров. Молоко продавал нам — экскурсоводам. На вырученные от одного и другого «мероприятия» деньги покупал у рыбаков свежую рыбу. Рыбу солил, вялил, затем продавал ее туристам. А уже на вырученные деньги, на «махлас», как он говаривал, покупал тройной одеколон, курево и чай для чифиря. Ну, еще и собачку всегда держал на откорм. Одним словом, жил «кум королю и сват министру».

Времена менялись. Одеколон стал дорог и начал Саня потреблять «все, что булькат».

Выглядело это так. Идет однажды с теплохода с баллоном дезодоранта. Я возьми и поерничай: «Александр Палыч, ты, я вижу, в крутую гигиену ударился».

- Кака гигиена, щас пить буду.

- Как - эту дрянь?

- Ты ничего не понимаешь, Женюшка. Вот тут (показывает на верх баллона) протыкаем гвоздем, из его дух пойдут. Как дух выйдет, цеди в кружку, а потом заливай пивом. Оно сперва как закипит, запенится, тут пить нельзя - брюхо лопнет. А как успокоитцы - тогда пей, вкуснятина!

А однажды несет с теплохода целую коробку флакончиков туалетной воды. Я ему и говорю: «Саня, это же дрянь несусветная. Отравишься. Она вообще, может, на "древесном спирту"». Он мне: «Я счас на Ваньке испробую».

А.Харлашкин (справа) на берегу Б.Никоновской бухты. нач.90-х гг.

Был у него в лесхозе друг, лесник Ванька — маленького росточка краснорожий алкаш. И вот, наблюдаю. Харлашкин выдает Ваньке пять флакончиков и бутылку пива. Тот трясет флакончики в кружку, заливает пивом и с видимым отвращением эту холеру выпивает. Харланя в это время стоит в стороне от кореша и, облокотясь на перила причала и покуривая папироску, внимательно следит за приятелем. Тот отряхнулся, постоял с минуту, благостно заулыбался и с наслаждением закурил. Тогда Палыч обернулся ко мне: «Ну вот, видишь, у Ваньки прошло. Топерь пойду и я».

Потом, когда музей приказал «долго жить», его перевели в центральную усадьбу. Там он «завязал» с пьянством, долго болел и умер тихо и незаметно, так, что и обнаружили тело только через три дня после кончины.

Похоронили Саню также без затей в самом углу нижней части Игуменского кладбища. Металлическая табличка на кресте гласит: Александр Павлович Харлашкин. Дата рождения и смерти. И все. И нет человека, и нет следа его на земле, и память о нем не сохранится долго. Через какое-то время равнодушный прохожий взглянет недоумленно на табличку. «Кто такой, кем был, как прожил?» Бог весть. Вот и вся, казалось бы незатейливая, история. Но не для забавы я поведал все это. Была дарована человеку жизнь. А на что потрачена... И была ли в том вина несчастного Саши Харлашкина, что сложилась эта жизнь так, а не как-нибудь иначе? Это всего одна судьба из тысячи валаамских судеб, мой читатель...

x x x

В 1971 году произошло у нас ЧП. Признаюсь: единственный раз в жизни мы всей компанией сразу «надрались» перед экскурсией. Но, как ни странно, не были в этом впрямую повинны. А дело было так. В один из дней начала июня ожидали мы из Кижей теплоход «Т. Г. Шевченко». По расписанию он должен был прийти к 9 утра и в 14.00 отчалить на Ленинград. Пришли с утра, как положено, на причал. Погода в районе архипелага ясная, солнечная. Теплохода нет. Потянулись часы ожидания. Часов в 12 оставили на причале «смотрового» и ушли на Воскресенский скит. Радиосвязи у нас тогда с теплоходами не было. Созвониться с диспетчерскими службами на материке можно было тоже только мечтать. К 14 часам вновь явились на причал. Тишина. Посидели в молчании, покурили. Еле слышно плескалась Ладога в камнях у причала, прохладный ветерок с озера слегка шевелил листву кленов, в траве что-то пострекотывало, шуршало, возилось, муравьи тонкой струйкой неслышно топали через дорогу, покачивались на водной ряби чайки. Благогостным было состояние в природе и в нашем настроении. Олег встал, потянулся и, ни к кому вроде не обращаясь, стоя к нам спиной, пробормотал: «Не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?». Гена Куцера с живостью подхватил: «Руки зябнут, ноги зябнут, не пора ли нам дерябнуть?». Женька Лукашевский с прямой славянской тоже внес свою лепту: «А что, взалкаем, братие?». Все эти, с позволения сказать, предложения были направлены Равилу. Он тогда был у нас старшим. Равиль ехидно отмалчивался. Не удержался и я: «Не пьешь вина - засохнет ум, под старость ничего не вспомнишь». Наконец Раф не выдержал: «Ладно, черт с вами, все равно "Шевченко" стоит на Глухом озере». Это был пароль, сигнал к атаке! Ура! Мы рванули к «Анкасаари».

Тут нужно пояснить, что это был за пароль и что такое «Анкасаари». Глухое, или Лещовое, озеро - это неглубокое, длинной около полутора километров внутреннее озеро на острове, с Ладогой соединено каналом шириной 5 метров и глубиной в полметра. Сообщить, что теп-

лохода стоит на Глухом - значило объявить о том, что теплохода сегодня нет и не будет и, следовательно, все свободны. «Анкасаари» - так мы называли небольшое кафе на берегу, потому что буфетчицу звали Анна Ивановна, а «саари» по-фински - остров. Кафе это было островком гостеприимства и вкусности. Там подавали не только яичницу с ветчиной, но и жареного сига, и ряпушку, томленую в молоке по-карельски, и пироги с брусникой, да много чего еще. Водилось, конечно, и спиртное, причем в больших количествах.

Взяли яичницы с ветчиной, салатик, кофе и, конечно, «это самое». Предположили: раз теплохода не будет, то можно себе и позволить. Пировать надумали на природе. Расположились на травке, прямо перед кафе. Благо народу никого, никому глаза не мозолят. (Заезд на турбазу только завтра.) Начав это дело в «легком жанре», через час уже «гудели» напропалую. А еще через час от стихов и анекдотов перешли уже к «ты меня уважаешь?».

И тут - о, ужас! Из-за островов в бухту вошел «Шевченко» и протяжным гудком призвал нас на рабочую тропу. Такого кошмара мы не ожидали. Не сказать, чтоб мы особенно протрезвели от шока, но тем не менее встали. Раф приказал: «Жак, Олег, Фруктоза - за мной, остальным исчезнуть», - и мы довольно твердо направились к причалу. Ну, а дальнейшее уже в основном по рассказам очевидцев и из письменных жалоб туристов.

Вова Фруктов подвел группу к калитке скита, долго стоял молча, мучительно соображая, что же делать дальше, и, наконец, набравшись мужества, изрек (из жалобы туристов: «Он нам сказал: «Товарищи, я очень пьян, идите, пожалуйста, вон к тому экскурсоводу», - и ушел от нас. Но тот, которого он нам показал, оказался еще пьянее, он не смог прислониться к елке и упал в крапиву»). «Вот-рым» был Равиль, он потом поделился: «Думаю, дойду до большой елки напротив лестницы, на нее облокочусь спиной, главное - не шататься, и уж тогда что-нибудь да расскажу. Но елку я спиной не нашел и скатился кубарем под уклон, прямо в крапиву». Рижий - самый хитрый: смысл, оказывается, не доходя до причала, в кусты и там отсиживался, пока все не уйдут на экскурсии. Толпу в 160 человек пришлось вести мне одному. Волею природы я оказался крепче прочих. Экскурсию я провел. Но скандал был невообразим!

Через день на «Алтае» появился на острове директор бюро Леонид Михайлович Лейбошиц. Мы предстали на правее. За такое деяние тогда выгоняли с работы без разговоров, он бы нас и выставил до конца сезона. Но нас нечем было быстро заменить. А теплоходы ежедневно. Надо признать, что калялись мы истохо и совершенно искренно. Суд был краток: «Кто все-таки провел экскурсию?» - ответом ему было: «Жак!». «Так... тебе благодарность, остальным по строгому выговору. И если повторится...». Мы заверили, что «никогда и ни за что». И, действительно, подобного более не повторилось никогда. На досуге бывало, на работе - «табу».

Шли годы. Каждую навигацию, с начала мая до конца сентября, мы встречали группы туристов, водили их по острову, рассказывали о монастыре, показывали великие деяния монастыря: прекрасные храмы, ансамбли, лежавшие в руинах, погибающие сады, великолепные дороги, приходящие в негодность. Рассказывали много, потому что знали об этом много, но все это наше познание было формальным, умозрительным. Часто возникало неодолимое желание: хоть одним бы глазом, хоть на миг взглянуть на ту истинную монастырскую жизнь, что текла здесь веками. Мы знали, что где-то там, в Финляндии, существует Ново-Валаамский монастырь, что в нем

хранятся архивы, иконы, реликвии, библиотека. Но в те времена попасть в него было так же нереально, как слетать на Марс.

В сентябре 71-го года, в один из свободных дней (не было теплоходов) я забрел в одиночестве на скит Всех Святых. Стояла несравненная валаамская золотая осень. На небесах ни облачка, а они в это время года над архипелагом - чистый ультрамарин. Золото и пурпур над головой и под ногами. Такая тишь, что шелест листьев слышится за версту. В скиту торжественная умиротворенность. Белоснежные храм, келейные корпуса, стены, башни ярко освещены солнцем. Я вошел в разрушенный келейный корпус, сел на подоконник и, помню, глубоко задумался, пытаясь все-таки представить: каково же все это было? Но никакие видения той жизни не посетили мое воображение. И вдруг невольно, не знаю сам и как, я стал внимательно, критическим взглядом рассматривать келью. Рассматривать и размышлять: печка почти в порядке, лежанка целая, дверь вставить - пустяк, рамы целы - только застеклить, тут я сделаю полки для продуктов, кровать поставлю здесь, стол у окна. Дров до морозов наготовлю, сухостоя в лесу сколь угодно. «Все! Я остаюсь здесь на зиму!» Эта мысль так ошеломила меня, так взволновала, что я никак не мог постичь, как она ко мне пришла. В волнении я стал расхаживать по двору скита, зашел в храм, поднялся в верхнюю церковь, затем забрался на колокольню и не меньше часа, наверное, просидел там, уже приняв решение, уже смирившись с ним, бездумно смотрел на вершины деревьев, на скит, на горизонт. Спустившись вниз, вновь стал мерить двор шагами. Желание остаться на зиму сформулировалось окончательно: я хочу не просто перезимовать здесь, а, оставшись, написать книгу о Валааме. Вот ту самую книгу, которую я пишу сейчас. Мечта о ней пришла тогда, почти 30 лет назад и, как оказалось, стала неотвязной.

Мною овладела суета деятельности: необходимо привезти всевозможные материалы о Валааме, по памяти всего не напишешь, завести продукты, обустроиться - дел невпроворот. До конца навигации - уже всего месяц, надо все успеть! В это мгновение я забыл обо всем: об институте, о семье, о всех обязанностях, «висевших» на мне. Все ушло на Бог знает какой дальний план. Все стало несущественным. Та, «материковская», жизнь стала какой-то нереальной, почти не существующей. В этом было, право же, какое-то мистическое воздействие Валаама. Сейчас я вот думаю: вероятно, в таком душевном состоянии когда-то и решались на иночество, на отречение от мира.

Наслаждение одиночеством дано далеко не многим. Но только тот, кто умеет его ценить, поймет меня. Одиночество - великий советчик. В одиночестве все суетливое уходит прочь, в мыслях возникает простота и ясность, в намеченных решениях и поступках - логичность. Я с возрастом (это, наверное, еще связано и с моей работой - все время на людях) все более и более ценю одиночество, стремлюсь к нему и очень страдаю, когда не могу подолгу его обрести. Страдаю психологически, чувствую душевный дискомфорт. Вот почему так люблю, особенно в предосеннюю пору, ходить на Валааме в лес, за грибами. Да за чем угодно, лишь бы в одиночестве. Стоп! Я начинаю душевно раздваться. Это ни к чему, мой читатель!

Размышления мои тогдашние прервали голоса. Какая-то компания подходила к скиту со стороны Игуменских озер. Это, оказывается, были наши ребята. Как они меня тут вычислили, непонятно, но Юра Родионов протянул телеграмму: «С тебя, Жак, причитаются, телеграмма из Калинина, они тебе подтверждают преддипломную практику в их театре». Я взял телеграмму.

Действительно, это было даже не подтверждение, а приглашение на постановку преддипломного и дипломного спектаклей. Все. О чем я только что надумал, рухнуло. Я опять погружался (не без горького сожаления!) в мир «суеты сует», а замысел о книге остался замыслом еще на многие, многие годы.

Но я, право слово, наверное, счастливый человек. Я-таки увидел Новый Валаам. И увидел его еще до возрождения нашего, как его теперь иногда называют, особенно за границей, «Старо-Валаамского монастыря».

В 1979 году открыт был на Валааме филиал Петрозаводского краеведческого музея. В самом начале восьмидесятых он обрел статус самостоятельного Историко-архитектурного и природного музея-заповедника. И мы все, автоматически, стали его сотрудниками: экскурсоводами отдела научной пропаганды. Дом-интернат престарелых и инвалидов в 1984 году, по весне, передислоцировали на восточное побережье Ладоги в город Видлица. Выстроили там для него новые современные корпуса. Перевели его по той причине, что к этому времени вся территория архипелага указом Верховного Совета РСФСР была объявлена, наконец-то, природным, архитектурным и историческим заповедником. В музее были созданы отделы научной пропаганды, архитектурный, исторический, реставрационный, отдел фондов, отдел природы. Создана была, и довольно быстро, научная библиотека. Появились научные сотрудники, специалисты в разных областях необходимого знания. Музей теперь стал фигурой главной на Валааме. Правда, это практически никак не отразилось на жизни и быте ставшего уже «коренным» населения острова. А были это, в основном, семьи obsługi дома-интерната, ставшие к этому времени уже пенсионерами. Им, пожалуй, стало даже хуже. В музее для них рабочих мест было раз-два и обчелся. И все-таки дело пошло к лучшему.

Взяты были, теперь по-настоящему, под охрану государства бесценные валаамские храмы и ансамбли, началась реставрация, ремонт дорог, усиленный уход за садами и многое другое; хоть и с трудностями, медленно, но дело пошло к возрождению былых красот и достопримечательностей. Разработаны были новые туристические маршруты, туристов стали водить в Никольский скит, в центральную усадьбу, на Игуменское кладбище.

К концу восьмидесятых Валаам становится туристской Меккой. На настоящую реставрацию нужны огромные средства, ибо необходимы первоклассные материалы и первоклассные же специалисты. А как известно, удовольствие это дорогостоящее. Денег явно не хватало.

В 1987 году волею обстоятельств я стал заведующим отдела научной пропаганды. На мой вкус, назвать его нужно было поскромней: «экскурсионный отдел». И хоть он являлся единственным «кормильцем» музея (в отличие от всех остальных не был дотационным) и приносил немалые доходы, средств все равно не хватало. Все очевидней становилось, что, если не привлечь иностранных туристов, не начать зарабатывать валюту - реставрация затянется на десятилетия. До 1987 года иностранцев на остров не допускали ни под каким предлогом. Хотя уже и дом инвалидов исчез, но чиновники от культуры и идеологии все «стеснялись» показать иностранцам Валаам в таком виде, до какого довела его советская власть.

Зимой 1987–1988 годов мы с директором музея Володицей Высоцким (не вздрагивайте, читатель - с Владимиром Александровичем, а не Семеновичем), а затем с заступившим на его место Сергеем Клитиним насмерть бились в министерстве культуры Карелии и в обком партии за разрешение начать иностранный туризм. Наконец, получили его. Каких трудов это стоило - ни в сказке

сказать, ни пером описать. Нас предупредили, что все это под нашу личную ответственность и что если хоть где-нибудь в иностранной прессе появится хулительная на монастырские руины статья, нам несдобровать. Нас отправят, «куда Макар телят не гонял». Так и сказал министр культуры Стрелков.

Мы взялись за дело. К весне я подготовил когорту коллег к работе с иностранцами. «На языке» тогда никто не «фурычил», а экскурсия «под перевод» требует особых методик и умений. Все было сделано.

Первый теплоход с американцами мы принимали 2 июня 1988 года. Этот день с полным правом можно считать днем рождения иностранного туризма на Валааме. Без всякого хвастовства: самую тяжелую ношу я ввалил на себя (раз мне отвечать - мне и брать самое трудное). Я взял группу американских и всяких еще разных журналистов в 88 человек и повел их по большому маршруту через скит Всех Святых (12 километров). К этой же группе пристали все «министерские» и большая часть «кгбешников». Предпоследние с наслаждением ожидали от меня проколов, последние пошли на «догляд». Надежды предпоследних не оправдались.

В скиту Всех Святых произошел неожиданный для всех эпизод. Не эпизод даже, а оценка увиденного. Войдя в ворота скита, группа, как один человек, выдохнула: «Beautiful». Я возьми и спроси, что они имеют в виду? Ответ ошеломил даже меня: «Мы думали, что большевики здесь уничтожили все до основания, а оказывается, что-то осталось. И это прекрасно! Значит, у вас есть надежда на возрождение!». Вот это был номер! У замминистра аж челюсть отвисла. Правда, были и острые, как ножи, вопросы. Одна дамочка из Би-Би-Си подлетела ко мне с диктофоном: «Как же вы допустили все это?» И она театральным жестом указала на руины келейных корпусов. 88 человек, стоявших передо мной, мгновенно, как по команде, затаили дыхание. На мордашке переводчицы отразилось сострадание ко мне. Никто из них не знал, что на экскурсии мы всегда готовы ко всему и никогда не лезем за словом в карман. Ответ мой был прост и истин. Я спросил леди, знает ли она о недавней истории нашего государства и о том, что фашисты уничтожили такие шедевры русской культуры, как Петергоф, Царское Село, Павловск, что вся европейская часть нашей страны к 1945 году лежала в руинах? Мадам ответила утвер-

дительно. Тогда я добавил, что все это мы уже восстановили, а до Валаама просто не доходили руки, но восстановим, без сомнения, и это. И пригласил ее приехать на остров через 15 лет! Ответ был встречен овацией. (А она ведь, зараза, объявится в 2003 году, а у нас не все готово; что я ей тогда отвечать буду?) В общем, тогда «пронесло»: отзывы о Валааме появились на страницах иностранных газет и журналов самые восторженные.

И дело пошло. В 1988 году «косяком» пошел финский турист. Это был «ностальгический» туризм. Приезжали те финны и корелы, которые в довоенные годы жили на Карельском перешейке и на северо-западных берегах Ладоги. Многие из них в те годы бывали на Валааме, и более того - их отцы и деды ходили в монастырь на заработки и даже с семьями жили на острове в монастырском «рабочем» доме.

Но самым благодарственным был один из первых рейсов, когда Валаам посетили православные священнослужители. Были среди них те, кто в 30-е годы воспитывался в монастырском приюте на Воскресенском скиту, как, например, пресвитер Успенского собора в Хельсинки - Андрей Ильич Карпов, дьякон того же храма Михаил Семенович Крысин и другие. Для меня вся ценность общения с ними была еще и в том (хотя они прекрасные сами по себе люди), что передо мной были живые свидетели той самой жизни, о которой я так мучительно гадал и думал. В тот же год, год тысячелетия крещения Руси, прибыл на остров с визитом митрополит Ленинградский и Новгородский, в недалеком будущем Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Визит Владыки был знаменательнейшим событием того года. Как торжественно-празднично мы его встречали! В тот же день, так было запланировано, на остров прибыли Представитель Финской Православной церкви Архиепископ Иоханнес и с ним в числе прочих священнослужителей финской церкви настоятель Нововалаамского монастыря архимандрит Пантелеймон. Так как вся организация по приему таких гостей со стороны музея лежала на мне, познакомиться с Пантелеймоном труда не составляло. Это и решило все дело. Зимой того же года по приглашению финской писательницы Саары Финни и Пантелеймона я поехал в Финляндию.

<...>

Валаам, 1999г. - Санкт-Петербург, 2000г.

Е.Кузнецов на экскурсии.

С.Бусахин (слева) и А.Куршин (справа). Валаам, 80 - гг.

Сергей Бусахин и Анатолий Куршин

Сергей Васильевич Бусахин родился в 1946 году в г. Москве. С 1978 по 1983 гг. занимался живописью и рисунком в изостудии. Одновременно работал во Всесоюзном Научно-Исследовательском Институте Морского Рыбного Хозяйства и Океанографии (ВНИРО) сначала лаборантом, а потом младшим научным сотрудником. Многократно ходил в экспедиции по Мировому океану, где не оставлял творчество - писал окружающие виды и рисовал разноцветных океанических рыб.

Летом 1982 года в Крыму познакомился с ленинградским художником Анатолием Куршиным. В 1984 г. уволился из ВНИРО и поступил в Заочный Народный Университет Искусств на отделение станковой живописи и графики, который закончил в 1989 г. В 1985 году вместе с Анатолием Куршиным впервые приехал на Валаам. С 1986 по 2007 годы работал на Валааме экскурсоводом. С 1990 г. является членом Творческого Союза художников России и Международной Федерации художников.

Анатолий Васильевич Куршин (1947 – 2009) родился в городе Запорожье. В 1948 г. семья вернулась в Ленинград, в город, с которым будет связана вся дальнейшая жизнь художника. В 1965 г. А. Куршин поступил в Инженерно-Строительный институт (ныне СПбГАСУ) и после успешного окончания два года служил в армии в звании лейтенанта. В 1973 г. поступил на Архитектурный факультет Академии Художеств, который окончил в 1979 году. Затем А.Куршин несколько лет работал в институте «Лен-проект». Решающим в творческой судьбе художника оказался 1985 год, когда он очутился на острове Валаам. Он бросил все и устроился экскурсоводом, чтобы иметь возможность жить и творить в этом необыкновенном месте.

По окончании Валаамского периода творчества Анатолий Куршин продолжал путешествовать и создал целые циклы работ в Финляндии, Греции, на Кара-Даге (Крым). С 2000 г. являлся членом Союза художников России.

1. НА ВАЛААМЕ

Вы думаете, экскурсоводами рождаются? Как бы не так! Жизнь наша так хитро устроена, что шутя меняет ваши планы и желания. Вот так произошло и со мной.

Ничего не подозревая о таком коварстве, я спокойно плавал по Индийскому океану на научно-поисковом судне «Профессор Месяцев», наслаждаясь морскими видами, рисовал выловленных экзотических рыб для научных статей и окружающие меня пейзажи.

Вдруг, однажды ко мне подходит научный сотрудник и, широко расставив ноги на качающейся палубе, начинает рассказывать про Карелию, от которой он «просто балдеет» и куда каждый год отправляется в отпуск с палаткой и удочками и, несмотря на «омерзительных» комаров получает неизъяснимое удовольствие и успокоение, и, если я захочу, то после окончания экспедиции мы можем вместе отправиться на рыбалку в это райское место. Я с радостью согласился на столь заманчивое предложение, но хитро устроенная жизнь устроила всё по-другому.

В 1982 году судьба свела меня с потрясающим художником Анатолием Куршиным. Произошло это в Крыму в поселке Курортном, куда я приехал на этюды. Помню, как я с этюдником на плече захожу в маленький цветущий дворик с намерением снять комнату для жилья и вдруг слышу насмешливый, чуть хрипловатый голос: «Во! Конкурент приехал!». Оглядываясь и вижу на дорожке, ведущей в сарай, худенького паренька в серой клетчатой курточке, драных, запачканных краской джинсах и резиновых запыленных кроссовках. На клапане нагрудного кармана поблескивала овальная серебряная иконка Казанской Божьей Матери, прищипленная английской булавкой. - Почему конкурент? - удивляюсь я. - А потому, что я тоже художник - весело ответил паренек. - Ты пиво-то пьёшь? - И на мой утвердительный ответ пригласил меня после того, как устроюсь с жильём, к себе в сарай.

Устроившись в таком же сарае, я поспешил к своему новому знакомому в гости. Из сарая валил сизымы клубами дым и, подхваченный тёплым морским ветерком, уносился прочь. Я с тревожным чувством переступил порог и едва различил в дыму фигуру художника. Он лежал на железной скрипучей кровати и с наслаждением курил дешевые местные сигареты под названием «Ватра». - Ну как, всё нормально? - всё так же весело, словно к старому знакомому, обратился он ко мне. Но не успел я ему ответить, как лицо его позеленело, и он стремительно выбежал во двор и исчез, хлопнув калиткой и оставив меня в полном недоумении.

Когда дым рассеялся, я принялся с любопытством рассматривать его жилище. Комната была маленькая с тусклым оконцем, кровать, стол, стул. В углу находилось несколько чемоданов и несметное количество пузырьков с льняным маслом и разбавителем. Около кровати стоял разложенный этюдник с приклепанными этюдами, которые он, видимо, написал сегодня. На столе тоже лежали этюды, написанные на небольших картонках. Я стал подносить их к свету и рассматривать. Этюды мне очень понравились. Ничего подобного я ещё не видел.

Через некоторое время вернулся порозовевший художник: «Уже вот так три дня мучаюсь. Всё в сортир бегаю. Только пивом и спасаюсь. Три дня назад меня пригласили в гости и угостили местными мидиями. После всё и началось. Ну их к чёрту!» - успел выговорить художник и тут же побежал назад.

Потом мы сидели на его кровати, пили пиво и разговаривали об искусстве. Он то и дело доставал из-под кровати всё новые этюды и ставил их передо мной... То, какие чувства я испытывал тогда, наверное, испытывал открыватель гробницы Тутанхамона. Я увидел новое живое, пульсирующее, неистовое или тихое море и написано оно было абсолютно по-новому, со своим видением, словно художник прилетел с другой планеты и принялся писать незнакомую ему природу. До этого случая я считал, что настоящее море можно увидеть только на картинах нашего гениального живописца Айвазовского. Марины современных художников оставляли меня равнодушным. Современные морские пейзажи казались мне застывшими и безжизненными и, кроме скуки, больше ничего не вызывали.

Вот с того далёкого лета 1982 года началась наша дружба, прервавшаяся после его безвременной кончины в декабре 2009 года.

Когда Толя был ещё подростком, папа заметил его способности к рисованию и отвёл в изостудию, где он получил первые навыки в рисунке и живописи. С этого времени Толя не расставался с этюдником. Летом его родители снимали дачу под Лугой. Места живописные. Когда-то здесь работал ещё один наш гений - Иван Иванович Шишкин. Покорённый удивительной красотой местного ландшафта, Толя пристрастился к пейзажу и в последующем ему отдавал предпочтение. После окончания средней школы Толя поступил в Инженерно-строительный институт, а после его окончания - в Академию художеств имени И.Е. Репина, которую он успешно закончил в 1979 году.

Однажды мы сидели в квартире его тестя Михаила Федоровича, рассуждали как всегда об искусстве и строили планы новой поездки в Крым. Вдруг Михаил Фёдорович перебивает нас и говорит: «Что вы всё в Крым, да в Крым красоту ездите искать, когда у нас под боком Карелия имеется, а на острове Валааме мой друг экскурсоводом работает. Я ему скажу, и он вас там устроит на какое-то время. Вот уж где красотыща бесподобная! Сами увидите, если согласитесь поехать туда». Что нам оставалось? Мы согласились и летом 1985 с каким-то первобытным восторгом носились по острову Валааму, писали бесконечные этюды удивительной и доселе незнакомой нам «красотищи». Уходили мы рано утром и возвращались в сумерках, как правило после заката, уставшие, но переполненные новыми впечатлениями и восторгом.

На Валааме находился небольшой посёлок на базе некогда существовавшего здесь мужского монастыря, покинутого монахами ещё в 1939 году. В посёлке обитало около пятисот человек. В основном это были бывшие работники дома-интерната инвалидов войны. В 1984 году инвалидов отправили в другой интернат, а жители остались. В это время здесь уже существовал Валаамский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, который принимал в туристический сезон большое количество туристов и организовывал экскурсии по острову. Экскурсоводы приезжали на туристический сезон в основном из Ленинграда и жили в Красном (Воскресенском) скиту на берегу Большой Никоновской бухты. Помимо скитских построек здесь находилось много деревянных домиков, сохранившихся ещё со времён существовавшей турбазы. В один из таких домиков нас с Толей и поселили.

Однажды, на Монастырской дороге мы повстречались с экскурсоводом Анатолием Милютиним. Он вёл группу туристов. Милютин признавал в живописи только земляные краски и особенно - английскую красную. Нашу живопись он в грош не ставил, так как мы больше любили яркие кадмии, кобальты и ультрамарины. Поэтому, увидев нас, он радостно завопил: «Хватит мазней заниматься да краски переводить! Лучше начинайте экскурсии водить! Самая отличная работа!», - он широко расставил руки и повернулся к туристам - как бы ища поддержки. Туристы радостно загалдели.

Тогда мы не придали его словам значения, но не задолго до отъезда с острова вспомнили об этой встрече и решили за зиму подготовить экскурсию, чтобы на следующее лето уже весь туристический сезон провести на Валааме, водя экскурсии и рисуя так полюбившиеся нам виды острова.

Так получилось, что на следующий год я приехал на Валаам раньше Толи. Он преподавал рисование в школе, а учебный год ещё не закончился (было начало мая), и его не отпустили. Мне-то было проще. Я подрабатывал грузчиком в булочной и меня отпустили сразу же как только я подал заявление об уходе. На Валааме в это время было ещё холодно. По Ладожскому озеру плавали льдины и оттуда, несмотря на тёплое солнце, тянуло как из холодильника.

Меня поселили в келью Воскресенского скита вместе с двумя новичками-экскурсоводами. Мы постоянно топили печь, и поэтому у нас было тепло. Мои сожители спали на полу на матрацах, а в свободное от экскурсий время занимались йогой и питались растительной пищей, запивая её почему-то парным молоком.

Вскоре в их «секту» вступила экскурсовод Нонна - для разнообразия и приобщения к некому духовному таинству. Однако Нонна оказалась и духовно, и физически не приспособлена для такой замысловатой жизни, поэтому «сектанты» поручили ей готовить им еду и ходить в поселковый магазин, располагавшийся в шести километрах от Воскресенского скита, за продуктами. Нонне и это оказалось не под силу. Короче, йог из неё не получался. Видя её сектантские мучения, я стал помогать ей, но через некоторое время почувствовал, что силы начали покидать меня: от многокилометровых экскурсий и постоянных походов в магазин. На живопись уже не хватало ни сил, ни времени. Я стал чувствовать, что моя творческая энергия стала постепенно улетучиваться. У Нонны тоже что-то стало улетучиваться, и мы, не сговариваясь, в один из дождливых дней прекратили свою бурную деятельность по доставке продовольствия из столь отдаленного района.

Вскоре Нонна восстановила свои силы и отводила душу в народных песнопениях и купании в холодных ладожских водах. Я вновь стал ходить на этюды после экскурсий и с нетерпением ждал приезда моего друга.

Наступил июнь, а Толи всё не было. Он продолжал учить детей рисованию, а я водил туристов по каменистым тропам Валаама. Мне стала нравиться моя новая работа, и общение с туристами доставляло удовольствие. Но надо было быть постоянно начеку, так как за любым деревом мог таиться методист и подслушивать о чём ты с таким воодушевлением рассказываешь туристам, и, если он услышит, что ты расхваливаешь православную церковь и не проводишь антирелигиозную пропаганду, то вечером, на собрании тебе на первый раз сделают строгое внушение, а потом могут и попросить покинуть остров.

В первых числах июня я впервые побывал на Святом острове, на котором по преданию Валаамского монастыря, в 15 веке жил святой Александр Свирский. Он жил в пещере и зимой, и летом. Питался скудной пищей. Ходил в рубище и молился Богу. Так он прожил несколько лет, пока ему не явилась Святая Троица. После чего он покинул этот остров и обосновался на реке Свирь, где, создав мужской монастырь во имя Святой Троицы, стал его настоятелем. Там и был похоронен. В этом монастыре и по сей день покоятся его святые нетленные мощи.

Совершить эту поездку мне предложил Саша Эйдуз. Он уже давно жил на Валааме вместе со своей семьёй, водил экскурсии и имел маленькую белую яхту, которую в дальнейшем я изобразил на одной из своих картин. Я с радостью согласился, и мы отправились в путь вечером после экскурсии.

Яхта стремительно неслась вперёд. Весело тарыхтел движок «Ветерок». Нам навстречу двигались зелёные острова и холодные ладожские воды. Чайки летали над водой и пронзительно кричали. Я молчал и любовался этой первозданной красотой. Саша стоял у штурвала с непроницаемым лицом и смотрел вперёд. Впереди показался Святой остров.

Мы подошли к старой развалившейся пристани и по трухлявым брёвнам и скользким камням выбрались на берег, а затем по заросшей тропинке поднялись на вершину острова, поросшую вековыми соснами и елями. Тропинка вывела нас к потемневшей от времени деревянной церкви. Рядом с церковью я заметил открытую могилу с каменным крестом. «Эту могилу сам святой Александр Свирский изрыл, - назидательно проговорил Саша, - давай спустимся вниз. Я тебе его пещеру покажу. Он её тоже собственными руками создал». Иду за Сашей и думаю: «Ничего себе изрыл. Тут же камень везде. Выдолбил - это вернее».

Мы спустились вниз по истлевшим ступенькам и подошли к пещере, над которой высился старинный деревянный крест. Пещера оказалась узкая и низкая. Я с трудом в неё пробрался, согнувшись «в три погибели», только в конце смог распрямиться. В пещере было темно и сыро. Я, ничего не увидев, выполз на свет божий. Снаружи я внимательно осмотрел пещеру и понял, что святой Александр воспользовался громадной трещиной в скале, загородив её кое-где каменной кладкой и закрыв её таким образом от холодных ладожских ветров. Но как он жил в ней зимой - это осталось для меня загадкой.

Недалеко от пещеры Саша принялся разводить костёр, а я раскрыл этюдник и написал этюд пещеры. Надвигались сумерки и, пока совсем не стемнело, я решил осмотреть остров, который оказался небольшим, и я обошёл его минут за тридцать.

Когда я вернулся, костёр уже пылал вовсю. Мы испекли картошку и заварили чай. После ужина легли у костра. Саша быстро заснул, а я ещё долго лежал на спине - смотрел на звёзды и размышлял о бренности нашего бытия. Так в размышлениях и под треск костра я заснул. Саша разбудил меня в пять часов утра. Через пятнадцать минут мы уже были на яхте, и Саша заводил двигатель. Экскурсия начиналась в половине девятого.

В конце июня на Валаам приехал Толя Куршин с кучей тяжелых чемоданов, коробок и холстов. Это был его нормальный багаж - куда бы он ни приезжал. Я очень обрадовался появлению моего друга, и мы в этот же день переехали с ним в один из туристических домиков - раньше здесь летом жили туристы - за Монашеским садом. В саду отцветали яблони. Белые зонтики купыря

источали одуряющий аромат. Среди купыря желтела сурепка, тянула к солнцу свои фиолетовые цветы лесная герань, голубели фиалки, кое-где проглядывала звездчатка. Вся эта цветочная красота цвела и благоухала под пение зябликов и дроздов, под кукование кукушек и под барабанную дробь дятлов. В это время года на Валааме довольно тепло, но в летнем домике Толя замерзал. Пришлось доставать обогреватели. Только на третьем обогревателе Толя успокоился и на ночь ставил их около своей кровати, и таким образом спал всю ночь с блаженной улыбкой на устах. Так начиналась наша интенсивная творческая жизнь на Валааме.

Комната наша была небольшая со скучным интерьером, который состоял из двух железных скрипучих кроватей, двух потрёпанных в боях стульев с драными и засаленными сидениями и стола у небольшого окна. Но зато была веранда, где во время дождя можно было писать картины и этюды. С нашим вселением, комната была сразу же украшена холстами, которые мы развесили по стенам, пузырьками с разбавителем и льняным маслом. Везде валялись свинцовые тюбики с красками и кисти. В углу притаился картон для этюдов. Всё это мы должны использовать в течение полугода, до конца октября, пока будем водить экскурсии.

Немного погодя мы узнали радостную для нас, художников, новость, что свою экскурсию можно было передать другому экскурсоводу, жаждавшему заработать. Мы к этой уловке прибегали довольно часто, и, бывало, по два-три дня занимались только живописью. С раннего утра и до темноты бродили по Валааму с этюдниками и холстами и писали: скалы, озера, лесные чащи, старые часовни и скиты.

Сегодня, через двадцать пять лет, я с восторгом вспоминаю это время - время невероятной свободы и счастья. Мы любили писать этюды на Скалистом берегу, Коневских озерах, местности Кукко, а если времени было мало, то ходили на Царскую тропу, которая спускалась к очень живописной Малой Никоновской бухте, в которой писали закаты до самой темноты.

15 августа на Валааме было создано творческое объединение под названием: «Художники-друзья Валаама». Самое активное участие в его создании приняла искусствовед и заведующая фондами Валаамского музея Лариса Николаевна Печёрина. Другого такого человека, который бы так беззаветно любил живопись, я ещё не встречал. Лариса Николаевна много сил потратила на собрание несметного количества картин работавших на Валааме живописцев.

Все художники, которые находились в это время на Валааме, собрались вечером в выставочном зале, располагавшимся на первом этаже Зимней гостиницы. Мы избрали членов правления и утвердили устав общества. Председателем нашего объединения избрали Альберта Четверикова - художника из Армавира. Кстати, это ему пришла в голову мысль создать на Валааме объединение художников. Как говорится: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Всё произошло из-за неустроенности быта приезжающих на Валаам художников. Вот и в этом году Четверикову и несколькими другим художникам не дали помещения, и они ютились в комнатухе сердобольной Ларисы Николаевны Печёриной, которая уже неоднократно таким образом спасала многих живописцев, влекомых в столь живописное место.

Собравшись нас пятнадцать художников, а список уже был составлен на пятьдесят человек, куда были включены и те художники, чьи картины были ранее приобретены

музеем. В этот список вошли такие известные художники, как Смирнов-Русецкий, Стронк, Гоголев и другие. Был зачитан устав и, за небольшим исправлением, его приняли единогласно. Обсудили географию передвижных выставок, которые должны будут проходить не только на Валааме и в Сортавала, но и в Москве, Ленинграде, Петрозаводске.

Мы сидели в выставочном зале уже два с половиной часа, все утомились и то и дело поглядывали в окно. Наконец председатель правления предложил сдать вступительные членские взносы - по шесть рублей с каждого художника, после чего мы все вышли на солнечную лужайку перед Зимней гостиницей фотографироваться. Игорь Георгиевский - прекрасный фотограф, работавший тогда в Валаамском музее - сделал снимок, после чего все разошлись по своим делам.

Мы с Толей поспешили на Воскресенский скит, чтобы, по приходу в наше жилище, схватить этюдники и отправиться на гору Элеон, возвышавшуюся над Гефсиманским скитом, где, забыв о столь историческом событии, писали этюды до темноты.

Наша живописная и экскурсоводческая жизнь на Валааме вошла в свое привычное русло: мы водили экскурсии, писали картины и этюды, продолжая жить в деревянном домишке за садом. За тонкой перегородкой поселился старейший экскурсовод, который начал водить экскурсии на Валааме ещё в шестидесятых годах. Звали его Евгений Кузнецов, но он просил называть себя Жакком. Так мы его и звали. По специальности он был театральным режиссёром, однако, безмерно влюблённый в Валаам, забросил свою театральную деятельность и все сезоны - с мая по октябрь - водил экскурсии по Валааму, завораживая туристов своими знаниями по истории острова. Зимой же многие часы проводил в библиотеках Ленинграда в поисках новых исторических сведений об этом удивительном острове. Его экскурсии всегда пользовались большим успехом у туристов и, как правило, заканчивались аплодисментами очарованных слушателей. Он умел объединять вокруг себя творческих людей, и вечером у него часто собиралась шумная компания экскурсоводов: веселье, смех, песни доносились из его комнаты часто далеко за полночь.

У Толи были стальные нервы. Стоило ему только опустить голову на подушку, как через несколько минут слышался храп, и можно было палить из пушек, петь песни, орать во всю глотку, он спал как младенец. Иногда «младенец» просыпался на рассвете и с этюдником убегал на рассветную мглу, чтобы продолжить или начать новую картину. Возвращался минут за сорок до начала экскурсии. Пил кофе или чай и возмущался: «Никто меня не понимает! Меня должны освободить от всех экскурсий и платить мне деньги только за то что я здесь пишу шедевры. А что важнее шедевры или какие-то экскурсии?». Но, закончив с трапезой, успокаивался и, таинственно улыбаясь, отправлялся к пристани Большой Никоновской бухты, где формировались экскурсии. Он был прирождённый экскурсовод. Рассказывал легко и увлекательно. Туристы его очень любили и, несмотря на его стремительные передвижения между остановками, безропотно бежали за ним.

Однажды после очередных громких песнопений Жак позвал нас к себе и предложил нам вступить в созданную им «Коммуну экскурсоводов». «Вы же художники, - начал Жак, - и вам некогда готовить себе нормальную еду, а если вы вступите в нашу «коммуну», то и питаться будете хорошо. У нас умеют готовить». После чего они с Толей закурили и усталились друг на друга. Я не хотел вступать

в «коммуну», но Толя, докурив сигарету, опрометчиво согласился. «А что для этого нужно сделать?» - спросил я повеселевшего Жака. - «Ничего особенного. Сдайте в общий котёл продукты, которые у вас есть и немного денег на первое время». Мы так и сделали.

На следующий день, уставшие, но довольные, в предвкушении хорошего обеда, мы возвратились с этюдов домой, разложили этюды для просушки, помыли кисти и, приведя себя в порядок, пошли в «коммуну» обедать. Дежурившая по кухне экскурсовод, увидев наши довольные физиономии, удивилась и сварливо спросила: «А вы что, тоже у нас кормитесь? У нас и без вас слишком много народу столуется. Кроме того, уже всё съели и про вас мне никто не докладывал». Толя даже задохнулся от несправедливости, но затем, придя в себя, заорал: «Ах, не доложили тебе, гадина такая! Да знаешь ли ты, кукуруза недоеденная, что вы мои личные продукты питания используете? Давай мне немедленно жрать, или я за себя не отвечаю!». - «Кукурузы у нас никакой нет, даже недоеденной,- перепугалась гадина-экскурсовод,- ладно, не кричите, я посмотрю, что там осталось».

В это время вошёл Жак с раздутым животом и, сытно отрыгивая, удивлённо уставился на нас, потом, словно что-то припоминая, задушевно проворковал: «А мы думали, что вы сегодня есть не будете, а вы - вона как, тоже сегодня питаться удумали». - «Что значит "удумали"!» - Снова завопил Толя. - «Я же в коммуну свои кровные продукты питания выделил, да такие, какие вы отродясь не видели! Без меня вы бы на одной перловке сидели!» - «Идите кушать, я кое-что наскребла, только кукурузы у нас нет» - нервно проговорила гадина - экскурсовод.

Вскоре мы покинули «коммуну»... Однажды, открыв коробку, в которой у нас хранились продукты питания, и обнаружив в ней только оберточную бумагу, Толя не смог сдержать своего негодования и в сердцах произнёс: «Плевал я на такую коммуну»!

Перед приездом жены Зои Толя начинал суетиться и пропадал на пленере и однажды под вечер ввалился в комнату. С грохотом опустил на пол этюдник и торжественно проговорил: «Я весь день на Коневских озерах этюды делал. Ничего не ел, курил только. Кто из современных художников способен на это? Никто!» - и, победоносно взглянув на меня, добавил: «Я сегодня очередной рекорд установил. Написал двадцать семь этюдов!». На мой удивлённый возглас ответил: «Скоро Зойка приезжает. Я же должен перед ней чем-то отчитаться. Когда придет, увидит, что я здесь не водку пил, а делом занимался».

Вечерами к нам часто заглядывали экскурсоводы. Внимательно разглядывали наши картины, висевшие на стенах комнаты. Потом Толя, крихтя, лез под кровать и, доставая оттуда этюды, под одобрительные возгласы гостей демонстрировал их с упоением и восторгом, называя каждый этюд гениальным. Гости соглашались с независимым мнением художника и называли его Леонардо к неопишуемой радости художника. В дальнейшем его часто называли сокращённым именем Лео. После демонстрации нашего творчества начинались длинные, утомительные разговоры, как правило, касавшиеся туристов и экскурсий. В конце концов, Толя не выдерживал, ложился на кровать и через несколько минут начинал храпеть и то и дело подергивать ногой в рваном стоптанном ботинке. Гости потихонечку расходились, и наступала тишина, нарушаемая только храпом уснувшего художника.

Вскоре приехала Зоя и сразу же навела у нас порядок. Все вымыла и убрала. Привезла с собой тяжёлые сумки, набитые разнообразными съестными припасами и

очень вовремя. Уже неделю мы сидели на одной каше. Толя был на седьмом небе. Ходил по Воскресенскому скиту с умиротворённым лицом, всем своим видом демонстрируя райскую семейную жизнь. Зоя-подвижница, настоящая жена художника, любившая своего непредсказуемого мужа, несмотря на все его выкрутасы. Познакомилась она с Толей в деревне Красные Горы, под Лугой, покорённая его романтическим образом художника в громадном берете, из-под которого выбивались золотистые кудри, с этюдником и холстами подмышкой, бодро спешащего рано утром на этюды. Вскоре они поженились, и у них родился сын. Они называли его Денисом. Это было поразительно: Толя внешне был чрезвычайно похож на Рембрандта - это многие отмечали, Зоя - на Саскию, а Денис - на Титуса. Мистика!

На Валааме холода наступают довольно рано. Уже в начале сентября начинают дуть пронзительные северные ветра и, даже если светит солнце, ветер уносит тепло и продувает насквозь, руки стынут и писать этюды на воздухе становится всё трудней. Зато исчезают вездесущие комары, только лосиные блохи носятся, подхваченные ветром, и путаются в волосах.

Экскурсовод Милютин бродит одиноко по скиту. Замахиывается от скуки на местного дворового пса Тимофея. Тот прижимает уши и рычит в ответ. Погрозив ему пальцем, Милютин направляется к нам и без стука вваливается в нашу комнату: «Ну что, конъюнктурщики, - начинает он с порога, - всё мажете. Не вижу английской красной в вашей палитре, а значит вы и не художники вовсе! Вот у тебя что тут представлено?» - Подходит он к незаконченной Толиной работе. - «Ничего непонятно. Пестрота какая-то и английскую красную игнорируешь, а без неё настоящую картину ни за что не напишешь. А на этой

художники среди экскурсоводов Т.Виленчик (слева) и Г.Павловой (справа)

картине у тебя только лебедей не хватает. Что-то вы ребята не в ту степь повернули».

Толя побелел и, сжав кулаки, уже готов был броситься на любителя английской красной, но я удержал его. «Слушай, Милютин, ты отличный экскурсовод и здорово разбираешься в живописи, - отвлекая я Милютину на себя, - и может быть, благодаря тебе мы решили приехать в столь удивительное место. И мы тебе за это благодарны, но сам-то ты этой английской красной что-нибудь написал или только критикой занимаешься?». Милютин удивлённо смотрит на меня: «Я написал здесь две гениальные картины, но затем, поняв, что передать на холсте столь божественную красоту я даже с помощью английской красной не смогу, я их безжалостно уничтожил и больше за живопись не брался. Понятно вам, мои молодые и легкомысленные друзья, что я имею в виду?» - Так он говорил, считая себя гениальным художником на века вечные. Толя, тоже считая себя гением, не выдержал такого наглого покушения на свой внутренний мир и, назидательно хмыкнув, вышел покурить на свежий воздух, а мы продолжили разговор о живописи и о «глубоком смысле» английской красной в любом гениальном произведении искусства...

Все хотят быть гениями. Это меня начинает раздражать. Неужели так уж плохо быть простым художником, наслаждаться живописью и получать удовольствие от своего труда. Так и поступали старые мастера, а гении они или нет - скажет будущее.

С начала сентября многие экскурсоводы, и мы с Толей в том числе переходим на усиленное питание местными грибами. Осенью грибов на Валааме так много, что не составляет никакого труда за тридцать минут собрать полную корзину. Но мы с Толей ждём дождливую погоду и только тогда отправляемся за грибами, а солнечные дни

бережём для живописи, так как через полтора месяца заканчивается туристический сезон. Времени на живопись остаётся не так уж много. Экскурсоводы чередуют грибные набег с вечерними посиделками у костра. Уставшие, после экскурсий мы собираемся у костра на берегу Малой Никоновской бухты в конце Царской тропы. Готовим шашлыки из грибов. Потрескивают дрова, пахнет дымом и грибами. Постепенно угасает закат. Темнеет Ладога. Успокоившиеся чайки, рассевшиеся на берегу Порфирьевского острова, едва виднеются в сгустившихся сумерках. Тишина... Веселье в полном разгаре: шутки, анекдоты, песни под гитару. Жак в центре внимания. Он и ведёт себя как бывалый артист: выразительно читает стихи, рассказывает о своих встречах с друзьями артистами и о смешных ситуациях, которые с ними происходили. По его рассказам можно подумать, что он знаком со всеми знаменитыми артистами, и все они - его хорошие друзья. Наконец нестройными голосами мы поём русские народные песни... и так продолжается до двух-трёх ночи.

Как-то я случайно наткнулся на репродукции рисунков Микеланджело. Видимо, Толя привёз с собой. Он был увлечён итальянскими художниками эпохи Возрождения, и их имена не сходили у него с языка. Рисунки были великолепны, но, на мой взгляд, было в них что-то такое, что действовало мне на нервы, не вызывали чувства восторга и трепета, не открывал я широко глаза и не вопил в чувственном исступлении. «Что же это со мной происходит? - думал я. - Я ведь понимаю их гениальность, но душа моя молчит». Эта моя чёрствость к рисункам гениального художника настолько встревожила меня, что я стал ещё более внимательно их рассматривать: голые тела, мышцы, пластика, экспрессия, фантастические ракурсы. «Какой художник не хотел бы владеть таким совершенством? Но, то ли обилие мускулов,

то ли скупулёзная передача анатомии человеческого тела, словно из атласа по анатомии для начинающих художников, уничтожили некую тайну недосказанности или некую особенность манеры художника, присущей только ему одному. Однако попасть под влияние таких творений очень легко, особенно художникам с тонкой нервной системой. Тем, кто пишет и рисует «нервами», такое им просто не под силу, что часто выводит их из равновесия и приводит к разочарованию в своих творческих силах. Наверное, много молодых художников было подавлено этой несокрушимой силой, этими монстрами в искусстве, не ведая того, что искусству чуждо заимствование и тем более холодный расчёт. Поэзия, музыка, рисунок, живопись - суть прекрасного, совершенствования души, неразрывная цепь, которая объединяет людей, открывая в них глубинные неведомые им чувства». Так я сидел и думал в полутёмном нашем помещении за Монашеским садом... Внезапно Толя перестал храпеть и вскочил на ноги. На часах - половина первого ночи. Я дал ему некоторое время прийти в себя, попить чайку, а потом высказал ему свои мысли по поводу рисунков Микеланджело. Такое моё легкомыслие привело его в ярость: «как я посмел посягнуть на его кумира! Мы поругались. «Говно твой Ван-Гог! Я с ним ещё в школьные годы разобрался!» - возопил Толя и лёг спать... Мир был восстановлен утром.

Конец сентября. Нам надо готовиться к экспресс-выставке, которую предложила нам сделать Лариса Николаевна, но мы даже не чешемся, как школьники всё оставляем на потом, тем более сегодня солнечный день и, из-за шторма на Ладоге, теплоход «Мария Ульянова» с туристами на борту застрял в Свири. Экскурсия откладывается на неопределённое время, поэтому, не долго

думая, мы побежали на этюды на Иосифатову долину, где обнаружили небольшой водопадик и писали его, радуясь свободе.

В пять часов вечера мы уже стояли на пристани Большой Никоновской бухты и принимали швартовые. После экскурсии мы начали оформлять свои работы для экспресс-выставки, тем более, что уже завтра мы должны отнести оформленные картины и этюды в Зимнюю гостиницу, где находился выставочный зал. Работали почти всю ночь.

Выставка открылась, но, внимательно рассмотрев пятьдесят своих работ, я был крайне разочарован. Сразу же выступили все ошибки и недочёты. Многие работы показались мне скучными и невыразительными - не то, что я хотел. Дома я ничего этого я не замечал. Впрочем, подобное со мной случалось и на других выставках, в которых я принимал участие.

Толя же выглядел спокойным и, по-моему, даже гордился тем, что он произвёл на свет божий. Я был рад за него. Он обладал чрезвычайно редким даром для художника - чувством любви к своим произведениям. Он был классный художник и имел на это право. На Валааме он стал писать на тёмных грунтах и все его картины погрузились в таинственный сумрак, который то и дело пронизывали ослепительные солнечные лучи. В них была какая-то неземная красота, словно они были созданы из хрусталя. Урони их, и они рассыпятся на мелкие осколки. Картины его завораживали, притягивали к себе, на них хотелось смотреть и смотреть неотрывно.

Ветер свирепствует и пытается сорвать с петель нашу дверь. В комнате довольно прохладно, и даже не спасают три обогревателя. Толя ушёл к Жаку греться и смотреть телевизор. Я не пошёл, слишком много времени он

В поселковом магазине. Помещение Успенской церкви. кон.80-х - нач. 90-х гг. XXв.

отбирает, поэтому я сижу и пишу дневник. Эта привычка появилась у меня в семидесятых годах, когда я плавал по Индийскому океану и побывал в раю - на Сейшельских островах. Попытка описать эту неземную красоту и заставила меня взяться за перо... Ветер воет за окном, и его внезапные порывы сотрясают наше ветхое жилище. Я отрываюсь от дневника и смотрю в тёмное окно и вспоминаю тропики. Хорошо бы сейчас в них оказаться. Там всегда тепло, а зима похожа на лето: солнце, море, белоснежные песчаные пляжи, пальмы и стройные креолки... Порадовав себя воспоминаниями, я встаю и выхожу в зябкую темноту. Осенний сад шумит. Небо затянуто тучами. На Ладоге шторм. Дождь забарабанил по крыше. В темноте светятся только одно наше окно. Все экскурсоводы, кроме нас с Толей, переехали из летних домиков в каменный келейный корпус, где старинные монашеские печки и толстые кирпичные стены. Мы же переезжать не собираемся. Нам и здесь хорошо. На веранде устроился дворовый пёс Тимофей. Мы его подкармливаем, и вечером он приходит к нам ночевать.

«А что же случилось, - спросите вы, - с нашими "йогами", которые так бодро начали валаамскую жизнь? Может быть они уже над землёй парят в свободное от экскурсий время?» - То же, что и с другими доморощенными любителями заграничной духовности. Они как-то не заметно перестали истязать свои тела нелепыми позами и наполнять свои желудки смесью растительной пищи с парным молоком и перешли на мясные продукты и водочно-коньячные напитки. Как-то к ним приехал их собрат и, осудив их новый образ жизни, сразу же подошёл к скитскому колодцу и, выпив колодезной воды, сказал: «Я здесь есть ничего не буду, только эту воду буду пить. Она очень энергетична. Не вода, а сплошная энергия». Я с уважением посмотрел на столь чувствительного искателя духовности и ушёл на экскурсию. Однако на другой день, к моему разочарованию, я застал его с невероятным аппетитом поглощающим жареные грибы, а в дальнейшем он присоединился к своим собратьям и твёрдо перешёл на мясо-водочно-коньячную диету. Потом я поинтересовался у него: «Почему ты оставил столь энергетический напиток, как колодезная вода?» Он ответил мне очень просто: «Осень на дворе и очень холодно и от воды мне стало не хорошо, и, кроме того, не лучшим образом отразилось на качестве моих духовных упражнений». Больше я ничего его не спрашивал, хотя меня так и подмывало узнать: как новая диета повлияла на его духовные искания, но, заметив его довольное лицо, мне всё стало ясно.

На кровати безмятежно спит Толя. Он как всегда храпит и подергивает ногой. Ему, наверное, снится, как он стремительно шагает на этюды или бежит без оглядки, спасаясь от змеи, которых он боялся как огня. Сегодня, измотанный двухдневным празднованием дня рождения Жака, которое все два дня заканчивалось в два часа ночи, Толя рухнул на скрипучую кровать в десять часов вечера, что для нашего здешнего режима является детским временем. Но я его понимал и не осуждал за столь легкомысленное поведение, так как и сам ели держался на ногах после такого затяжного «марафона». Особенно доконали нашего гения русские народные песни, которые мы вопили до иступления под руководством именинника. Даже йоги, после употребления новой диеты, не выдержали и присоединили свои голоса к общему хору. Утром Толя молчал и сосредоточенно смотрел в тусклое окно на пожелтевший осенний сад. Потом он налил себе кофе и только после этого стал приходить в себя и с любовью поглядывать на свои картины. Теплоходов сегодня не

было, но отправиться со мной на этюды отказался, так как любясь своими шедеврами, решил, что может их сделать ещё совершеннее, поэтому лёг на кровать для «лучшего обдумывания» и тут же заснул. На этюды я пошёл один.

День был солнечным и безветренным. Наслаждаясь окружающим меня ландшафтом, с необыкновенной радостью в душе иду себе не спеша по Монастырской дороге и, не доходя до Глухого озера, встречаю семерых вооружённых двустолками мужиков со зверскими физиономиями. Необыкновенная радость сразу как-то испарилась, и что-то неприятное закралось в душу. «Проходите быстрее, - говорят они мне, - мы тут лосей стреляем, а вы нам мешаете. Идите вон до той машины, там вам скажут, куда дальше двигаться». У машины прятался небритый субъект и, неестественно выпучив на меня водянистые глаза, беззвучно шевелил губами. Я подхожу к нему и спрашиваю: «Меня к вам направили, чтобы инструкцию получить на дальнейшее моё передвижение, но вы беззвучно шевелите губами, и я ничего не понимаю». Субъект сделал злые глаза и зашептал: «Сейчас же в лес уходи! Ты что не понимаешь? Я же в засаде нахожусь, а ты меня лосю выдаёшь!». Я свернул с дороги в лес и по бурелому стал продираться, сам не зная куда. Вскоре меня остановил широкий ручей, и я стал искать переход, ругая охотников последними словами. «Как легко можно испортить человеку настроение - думал я - И лосей жалко. Таких красивых животных убивают». Наконец я продрался к двум старым замшелым брёвнам, перекинутым через ручей, и только стал его переходить, как вдруг зазвучали выстрелы, и громадный красавец лось с вытаращенными от ужаса глазами в нескольких метрах от меня словно взлетел над ручьём и умчался в лесную чащу. Естественно, я испугался и едва удержался на скользких брёвнах, но ремень этюдника внезапно соскользнул с плеча, и этюдник, плюхнувшись в воду, поплыл себе вслед за убежавшим лосем. Я выловил этюдник и вскоре вышел на берег Глухого озера, где под оружейную палубу писал этюды и жалел бедных лосей.

На следующий день мясо убитых животных, к величайшей радости местных жителей, продавали в поселковом магазине. С продуктами тогда на Валааме было плохо - одни консервы, а здесь такая радость подоспела. Регулировать численность лосей на Валааме рекомендовали учёные, которые утверждали, что таким образом они спасают сосны, подрост которых сладострастно поедают не в меру расплодившиеся лоси.

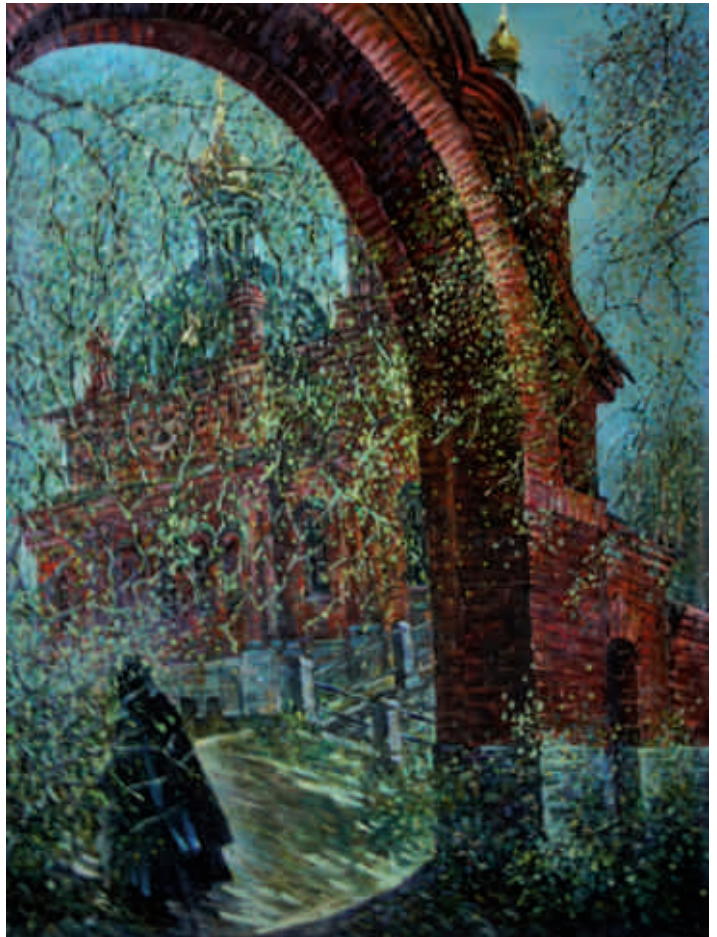
Скоро мы с Толей покинем Валаам. Завтра заканчивается наша экспресс-выставка, на которой побывало довольно много зрителей, благодаря экскурсоводам, проводившим экскурсии в Центральной усадьбе и заволакивавшим туристов в выставочный зал. Туристы с удовольствием писали свои впечатления о наших картинах в книгу отзывов. Несмотря на то, что большинство положительных отзывов касались Толиных работ, Толя последние дни ходил мрачный и беспрерывно курил. Холодно. Живопись у Толи не идёт - «краски стынют», и он возлагает большие надежды на Ленинград, где дома, в тепле и уюте, под боком у любящей жены Зои, он будет дописывать незаконченные работы.

Вечер. Я выхожу на веранду. Смотрю в небеса, где мерцают звёзды. Луна - громадная, похожая на яйцо, светится, словно изнутри, розовато-жёлтым цветом. Тёмно-фиолетовый лес и голубоватая трава с серебристо-сиреневой изморозью. Эх! Написать бы эту красоту! Жаль, только нет времени. Может быть дома, по памяти, но так не получится. Завтра мы покидаем Валаам до следующего года, и мне не спится, да и Толе тоже. Он ярос-

тно укладывает свои вещи в четыре громадных чемодана. Уже упакованы несколько картонных коробок и связано более пятидесяти холстов...Мы, конечно, вернёмся на Валаам. Мы ещё неоднократно будем возвращаться сюда и напишем много картин. Такого творческого подъёма у нас больше нигде не будет. Я возвращаюсь в нашу скудно освещённую комнату. Толя закончил укладку вещей и довольный сидит за столом и пьёт кофе. «Толя, спать не будешь,-

говорю я ему,- а завтра у нас тяжёлый день». И с внутренним содроганием смотрю на Толину поклажу. «Не переживай, Бусахин, - смеётся Толя - Я не такой нервный как ты. Если не засну, то на теплоходе выплыву». Толя допивает кофе и закуривает. «Пойдём лучше на веранду,- говорю я ему, - там покурим, да на Луну полюбуемся. Я такой красивой Луны ещё не видел». Мы выходим на веранду и молча смотрим на ночное небесное светило.

19 мая 2011 года

на стр. 80-81:
Валаамские пейзажи
А. Куршина
(кон.80-х - нач. 90-х гг.),
холст, масло.
фото на стр. xx: портрет А. Куршина
(автор А. Дружков)

2. МЕСТНОСТЬ КУККО

С утра зарядил нудный дождь. Толя ушёл на экскурсию, а я остался в нашем летнем домике за Монашеским садом, чтобы закончить картину, которую пишу уже неделю. На ней я изобразил эллинги - старые полуразвалившиеся сараи для лодок. Они принадлежат местным валаамским жителям и расположились в старом монастырском доке. В девятнадцатом веке, ещё при игумене Дамаскине, монахи ремонтировали здесь свои рыболовные суда. Среди сараев и лодок белеет миниатюрная яхта Саши Эйдуса, на которой недели две назад мы вдвоём с Сашей ездили на Святой остров. Сейчас яхта стоит на приколе и очень живописно смотрится среди потемневших от времени эллингов.

Я пишу картину под шум летнего дождя, а меня в это время мучает вопрос: «Что же такое живопись?». Больше десяти лет занимаюсь живописью, но так и не ответил себе на этот, казалось бы, простой вопрос. Прекрасно знаю, что существуют определённые законы, без которых писать картины можно, но не стоит, потому что получится мазня, и никогда не станешь хорошим живописцем: компоновка, тон, полутон, цветовая гармония, передний план, дальний план, перспектива и прочее. Однако когда начинаешь писать, все эти знания мгновенно улетучиваются и остаются одни чувства. Вот они-то и начинают управлять твоими действиями. Ты полностью подчиняешься им, и они затягивают тебя в некие до этого неведомые тебе глубины подсознания. Кажется, что пейзаж, который ты пишешь, начинает втягиваться в тебя, а затем через кисть и краски фантастическим образом переходит на холст. При этом испытываешь потрясающее состояние, может быть сравнимое с полётом космонавта в космическом пространстве. Короче, счастлив тот, кто занимается живописью. Для начинающих живописцев процесс прост: сначала делаешь подмалёвок - грубую основу будущего пейзажа. Мой друг Толя иногда творит такие подмалёвки, что на этом бы и закончить можно. В раму вставляй и картина готова, однако он этого никогда не делает, а пыхтит над картиной, пока не закончит её, потому что он - художник от бога. Если подмалёвок получится, получится и картина. Здесь присутствует некая тайна, доступная только талантливым живописцам. Заканчивается очередной сеанс живописи. Голова идёт кругом. Всё кажется зыбким и колеблющимся, словно через воду на мир смотришь.

Вот и сейчас я пишу белую яхту Саши Эйдуса. Она белеет, словно чайка среди серости и развалин... Я оторвался от картины, когда открылась входная дверь, и в комнату вошёл мокрый от дождя Толя. Он встряхнул зонт, и брызги разлетелись по всей комнате. Полюбовавшись на результат своего действия, он раскрыл зонт и поставил его сушиться. Папку с фотографиями, которые мы демонстрируем туристам, когда рассказываем историю острова, бросил на кровать и стал переодеваться.

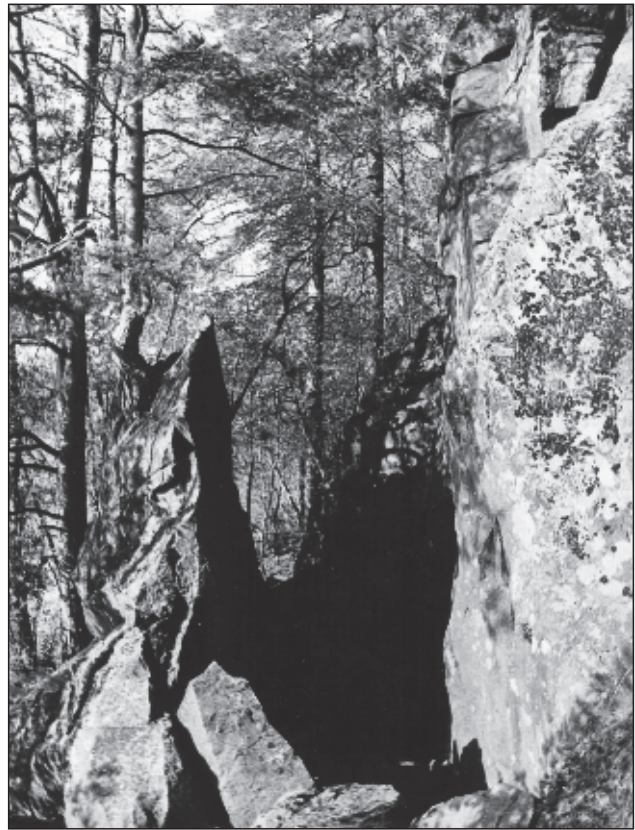
- Ну как прошла экскурсия? Никто не потерялся в дремучих валаамских лесах?

- С чего бы это? - Толя выглядел уставшим и недоевшим.

- С чего бы, - шутя передразнил я его, - знаю как ты носишься между остановками. Под конец экскурсии твои туристы выглядят так, словно кросс по пересечённой местности совершали.

Толя смеётся:

- Ничего! Пусть тела свои протрясут. Не на курорт приехали пузо на солнце греть. - Потом, помолчав,

Местность Кукко. фото В.Окунева. 1980-е гг.

добавил. - Даже ни одного этюда не купили. Зойка приедет - чем я перед ней отчитываться буду?

- Зато мы с тобой, словно космонавты в космосе летаем, - попытался я утешить моего друга.

- Какие ещё космонавты? Я смотрю ты совсем ку-ку, Бусахин. Кончай мазать. Пора обедать.

Я засыпал макароны в кипящую воду, и вскоре мы сели обедать. На обед я приготовил наше дежурное блюдо - макароны с тушёной и чай. Мы часто так питались. На Валааме с продуктами было тяжело. Но мы думаем только о живописи, и всё остальное для нас кажется второстепенным, поэтому едим, что имеется в наличии. После обеда Толя завалился на скрипучую железную кровать, а я сел писать дневник. Вскоре Толя заснул, закинув руки за голову и выставив дырявые подошвы своих ботинок. Я смотрел на моего спящего друга и думал: «Странно жизнь наша земная устроена. Талантливейший художник в дырявых ботинках на маленьком острове спит на ржавой железной кровати после простейшего дешёвого обеда и при этом доволен жизнью. На свою одежду не обращает никакого внимания и, как правило, донашивает то, что остаётся от его быстро растущих молодых родственников». Что касается живописи, то я у него многому научился и продолжаю это делать. Толя пишет легко, словно всё знает заранее и видит картину от начала и до конца. Экскурсоводы к нам часто заходят и, восхищаясь его работами, называют его Лео - уменьшительное от Леонардо. После такого сравнения с великим художником моего друга охватила мания величия, но она ему шла и придавала его лицу замысловатое выражение. Он подходил к осколку зеркала, которое в дальнейшем у нас выпросила его почтительница, любовно смотрел на свое отражение, и восторженно произносил: «Ну и сотворил же господь

такую красоту!» Вволю налюбовавшись на своё отражение, Толя выносил этюдник на веранду и весь уходил в своё творчество.

В прошлом году мы впервые приехали на Валаам. Толя на две недели опередил меня, так как я должен был закончить заказную картину. Картина оказалась сложной для меня, и я с ней закопался. Помню, Толя прислал мне тогда с Валаама восторженное письмо. Вот отрывок из него: «...Для живописной возмужалости срочно собирайся на Валаам...Приглашаю тебя в Рай, где никого нет, кроме царственной природы и вдохновения. Я весь в работе. Пока делаю этюды. "Обнаглел" до того, что сам лес пишу словно море, а ведь оно несколько посложнее. Но окружающая обстановка действует неотразимо и сообщает мне напор и жажду к действию. Сплю на раскладушке - не раздеваясь- холодно по ночам, но я всё стойко переносу. Чего и тебе желаю. Я буду на Валааме до 11 июля. Приезжай, Серёжа, очень жду, поработаем вместе, как в Крыму, пощады не жди, режим сумасшедший - весь в работе - очень много надо успеть». Это вдохновенное послание моего друга подстегнуло меня, и уже через несколько дней я был на Валааме... и действительно оказался в Раю. Мы работали, как проклятые, словно хлебнули какого-то наркотического напитка - с утра до вечера, до изнеможения. И чувство восторга перед этой красотой настолько переполняло нас, что, даже ложась спать после утомительного дня, мы ещё

долго не могли заснуть и услаждали себя длительными разговорами о живописи и наших любимых художниках. В одну из таких ночей мы и договорились, что в следующем году проведём здесь весь туристический сезон, но для этого нам необходимо будет подготовить валаамские экскурсии и стать, таким образом, экскурсоводами - это позволит нам находиться на Валааме с мая по октябрь и, в свободное от экскурсий время, заниматься нашим любимым творчеством...

Наконец мне надоело писать дневник, и я принялся с увлечением рассматривать альбом с репродукциями картин моего любимого художника Алексея Кондратьевича Саврасова. Дождь продолжал барабанить по жестяной крыше. Толя спал, тихо посапывая и причмокивая во сне. Всё казалось мне чем-то не реальным и плоским: и наше жилище, и спящий Толя, и картины Саврасова, и вся эта валаамская природа, а я словно бы являлся участником какого-то вселенского эксперимента. Я с удивлением принялся рассматривать наше уютное жилище: по стенам висят наши недописанные картины и чистые холсты. Этюdniки посреди комнаты стоят раскрытые с начатыми картинами. У окна - два стола: на обеденном столе - электроплитка, кастрюли, миски и кружки - всё это в живописном беспорядке, второй стол завален картоном, тюбиками с краской и кистями. Это Толин рабочий уголок. Здесь он режет грунтованный картон для этюдов, наклеивает картонки на ватман и кнопками

С.Бусахин. Местность Кукко. картон, масло, 2005г.

прикрепляет их к этюднику, чтобы в дальнейшем заполнить картонки валаамскими видами. Под обеденным столом в картонной коробке хранятся продукты - в основном крупы и макароны. Под рабочим - Толины чемоданы. Рядом с нашими железными скрипучими кроватями ветхие тумбочки и два замызганных стула. Вот и вся наша валаамская обстановка.

В этом году получилось наоборот: я приехал почти на два месяца раньше Толи и, когда он наконец появился на острове, у меня за плечами было около 60 экскурсий. Толя тогда почти не ходил писать, а сидел в нашем летнем домике и зубрил текст экскурсии. Но всё обошлось, и он стал прекрасным экскурсоводом.

Вдруг Толя всхрипнул и вскочил с кровати, словно ему пружина внезапно воткнулась в бок - он всегда так просыпается и сразу же закуривает - вот и в этот раз он не изменяет своей привычке - закуривает свою крепкую и вонючую «Приму» и, мурлыча себе под нос какой-то весёлый мотивчик, выходит на веранду, где тут же вступает в спор с нашей соседкой Анной по поводу йоговской позы «Лотос» и самоуглублении и их пользы для человеческого организма. Анна фанатично увлекалась йогой и сыроедением и поэтому больше ни о чём говорить не могла, и мы, как её ближайшие соседи, чаще всех подвергались её проповедям о здоровом образе жизни.

- Если я сяду в позу лотос, то я уже не встану, да ещё и ноги выверну, а кто за меня гениальные этюды писать будет? Вот сигарета меня не только успокаивает, но и настраивает на живопись,- после этих слов Толя с наслаждением затягивается и выпускает дым в Монашеский сад.

- Тренироваться надо,- словно не слыша Толиной философии - говорит Анна - Я тоже не сразу эту позу осилила. Но когда мне удалось это сделать, я смогла так сосредоточиться, что чуть в нирвану не улетела.

- Вот этого мне и не надо! Мне и тут хорошо и улетать никуда не собираюсь, тем более, что летать боюсь. Вот сейчас докурю сигарету и пойду творить - это получше какой-то нирваны.

- Бусахин, а ты как относишься к позе лотос?- Толя возвращается с веранды.

- А никак. У меня комплекция для этой позы не подходит. Да и время терять не хочется. Я тебе даже больше скажу: наша живопись куда более самоуглублённая, чем все эти позы, да и нирваны у нас не меньше. Давай-ка лучше чайку попьем.

Мы самоуглублённо пьем чай с валаамским хлебом, после чего Толя с этюдником уходит на веранду дописывать этюд-повторение, так как несколько дней назад идентичный этюд у него купила богатая туристка из Прибалтики. Подобная практика у него стала входить в привычку. Тогда я напрямую сказал ему, что если так пойдёт и дальше, то в конце концов он может превратиться в ремесленника. Я думал, что Толя обидится на меня за эти слова, но, к моему удивлению, он только рассмеялся: «Какая разница кто я - ремесленник или художник. Главное - что в сухом остатке остаётся. Тем более скоро Зойка приезжает. Она должна видеть, что мою живопись ценят, раз за этюды такие деньги платят». Действительно, богатая туристка заплатила за этот этюд пятьдесят рублей.

Чтобы заработать такие деньги, нам надо было провести не менее пяти многокилометровых экскурсий. А когда я работал грузчиком в булочной сутки через троё, чтобы у меня было больше времени для живописи и, чтобы не зависеть от покупателей - это равнялось половине моей месячной зарплаты. Когда я устроился на эту ломовую работу, то я даже и не предполагал, насколько

она тяжела. Днём приходилось разгружать до шести машин с хлебом и кондитерскими изделиями, а в остальное время следить за прилавком и заполнять его хлебом. Ночью почти не спал, так как тоже разгружал не меньшее количество машин. Когда же утром я возвращался домой, то у меня была только одна мысль в голове: «завалиться спать», что я первое время и делал, но таким образом у меня пропадал целый день. Просыпаясь во второй половине дня, занимаясь живописью я уже не мог, так как у меня болели все мышцы тела. Единственное, что мне удавалось - это лежать на диване и тупо смотреть телевизор. В конце концов, мне это надоело, и я нашёл выход из этой тупой ситуации, вернее, мне его невольно подсказал один рабочий с какого-то близко расположенного завода, на котором он каждый день таскал металлические чушки по сорок килограммов веса. Он приходил в нашу булочную за хлебом, причём от него постоянно разило водочным перегаром. Я однажды не выдержал и сказал ему: «Что же ты, мил человек, так неразумно спиртными напитками себя угнетаешь? При таком жизненном раскладе ты долго не протянешь». - «А мне иначе нельзя,- бодро ответил он мне,- мне водка силы прибавляет, потому и сорока килограммовые чушки таскаю до конца смены довольно непринуждённо». Меня эти бодрые слова заинтересовали и утром, после работы я зашёл в винный магазин и купил бутылку десертного вина «Градиешти». Дома за завтраком я хлопнул две трети стакана этого чудесного напитка без всякой надежды на положительный результат, но прошло минут пять и... о чудо! Усталость как рукой сняло. Я схватил этюдник и на весь день ушёл писать этюды на Язуз. С этого дня я так и делал вплоть до ухода из булочной, так как более чем на двадцать лет связал свою жизнь с Валаамом.

В лесу было тихо и сумрачно. Мы с Толей продирались сквозь лесную чащу. Пахло мхом, лишайником и грибами. Ветви столетних елей то и дело хлестали нас по лицу, словно возмущались нашим наглым вторжением в этот древний застывший мир, словно мы нарушили медленно текущее время и своими пустыми разговорами ничтожных сущностей разрушали хрустальную тишину божественной природы. Мы, конечно же, так не думали, мы были молоды и беспечны. Это было наше второе лето на Валааме, и он действовал на нас как наркотик, он поглощал нас целиком. Мы как будто попали на другую планету и испытывали чувства первопроходцев и никак не могли насытиться этой незнакомой нам и потрясающей красотой. Причём Валаам всё время виделся нам разным. Стоило солнцу немного переместиться или появиться туче и всё на глазах менялось: появлялись вдруг, неведь откуда поляны, камни, сосны, которые раньше мы просто не замечали. Вереск из красновато-коричневого превращался в фиолетовый или розовато-голубой. Лишайник начинал фосфоресцировать таинственным зеленоватым светом. Лесная герань тоже меняла свой цвет от ярко-фиолетового до бледно-розового. Всё это кружилось, мелькало и растворялось перед нашими глазами, откуда-то доносились голоса, появлялись чьи-то лица, пахло можжевельником и сиренью, куковала кукушка, и белка, прыгая с ветки на ветку, сердито стрекотала, то и дело настороженно поглядывая на нас сверху.

- Толя, вот мы идём с тобой беспечно, любясь красотой окружающей нас природы, пугаем своим присутствием белок и не думаем о том, что может быть этим же путём шёл сам Шишкин на Местность Кукко. Он тоже тогда был неизвестным художником.

Я любил разговаривать во время ходьбы. Толя же всегда шёл молча, словно обдумывал предстоящую работу над этюдами, и моя болтовня, по всей вероятности, казалась ему не более чем дуновением северного ветра или треском сухих веток под ногами. Вот и в этот раз он мне ничего не ответил, а только сосредоточенно курил, то и дело отгоняя надоедливых комаров, а я продолжил: - Ведь, по сути дела, написав картину «Местность Кукко» как дипломную работу, он стал известен, получив золотую медаль и звание художника первой степени...

- Я смотрю, Бусахин, ты тоже мечтаешь высоко взлететь,- внезапно прервал мой монолог Толя,- пиши, знай, да ни о чём не думай. Если тебе суждена слава, то она сама к тебе придёт.- Толя насмешливо посмотрел на меня и затаился, выпустив ядовитый дым и распугав комаров, тучей звеневших над нами.

- Да я не об этом. У меня и в мыслях таких иллюзий нет. Ты же знаешь, что я очень люблю живопись и мне в этой жизни больше ничего не надо... Хотя, чем чёрт не шутит: может и нас с тобой «Местность Кукко» прославит,- смеюсь я.- Вот ты на меня сейчас смотришь насмешливо, но ты же сам мечтаешь прославиться.

- Что мне эта слава,- нахмурился Толя,- мне главное, чтобы мои картины покупали и давали за них нормальные деньги. Вот что мне надо. Я очень ценю свою живопись и не собираюсь отдавать её за копейки. Это мой капитал на будущее.

- Я с тобой согласен. Каждый настоящий художник должен ценить свою работу, но всё же без известности автора никто платить за них больших денег не будет. Тем более в нашей стране нет настоящего рынка картин, как, например, на Западе и неизвестно когда этот рынок у нас появится. Кроме того мы с тобой не члены Союза Художников и нам даже заказы не светят. Мы, можно сказать, подпольные художники и рассчитывать можем только на подпольную продажу своих картин, а это деньги более чем скромные.

- Ну, Бусахин, с тобой поговоришь, так после жить не хочется. Может, мне прикажешь на завод пойти и каким-нибудь токарем заделаться на радость тебе и нашему государству?

- Как раз меня-то это не очень обрадует, да и чтобы стать хорошим токарем тоже надо талант иметь. Я знаю, чай, два года на заводе в молодости отработал.

- Да ты у нас на все руки мастер!- весело завопил Толя.- Надо было тебе на заводе остаться. Сейчас бы каким-нибудь начальником был.

- Судьба, Толяныч! Тогда бы мы с тобой не встретились и не стали бы друзьями.

- И то верно. Вот, зараза! - Толя не заметил, как его ботинок погрузился в болотную жижу.- Давай остановимся, а то у меня полный ботинок воды.

Толя, чертыхаясь, опускает этюдник и холсты на влажный мох и садится на ствол поваленного дерева. Вылив из ботинка грязную воду и отжав шерстяной носок, Толя закурил новую сигарету и сердито уставился в лесные заросли. Я решил развеселить пригорюнившегося художника.

- Тебе нравится живопись Шишкина? - спросил я в лоб Толю. - Или ты к ней уже привык и потому не воспринимаешь?

- Конечно, нравится, - бодро ответил Толя.- Мне вообще все художники, работавшие до двадцатого века, нравятся, а всё, что настраивали после семнадцатого года, я терпеть не могу.

- Ты слишком строг, мой друг - говорю я ему тоже бодро

и примирительно,- а мы- то с тобой кем являемся? Мы не художники что ли? Да и таких, как мы с тобой в нашей стране довольно много. Вот к нам Гриша Чайников то и дело заходит, Суриковский заканчивает, хороший художник. Замечательные портреты пишет.

- Ну, мы не в счёт. Мы только начинаем выползать из этого мрака.- Толя бросил окуроч в болотную жижу.- По крайней мере, я для этого все силы приложу.

- Вот это да!- Я с уважением посмотрел на своего друга.- Надо же какие высокие мысли в твоей голове гуляют! Уважаю!

- Ты ещё многого обо мне не знаешь,- усмехается Толя. Надевает подмоченный ботинок, и мы идём дальше.

С тех пор, когда «Местность Кукко» писал Шишкин, она почти не изменилась. Справа - изрезанные трещинами красноватые скалы, слева - Внутреннее озеро. Два треугольных камня всё так же, как на картине нашего прославленного художника, возвышаются над травой, а у одного из них растёт старая берёза с тем же изгибом, только на картине она совсем молодая и тонкая, а сейчас смотрит на нас с высоты своих ста пятидесяти лет и радуется, что вот дожила до тех лет, когда её вновь изображают художники. Мы расположились рядом, как раз под надписью, сделанной на жести кем-то из местных краеведов, что на этом месте Иван Иванович Шишкин писал свою выпускную картину «Местность Кукко», и, выдавив краски на палитры, погрузились в творческий процесс. Толя писал всегда с сигаретой в руках. Вот и сейчас он курил не переставая, и дым от его «Примы» синеватым облачком устремлялся к шишкинской берёзе и, окружив её, через мгновение растворялся в воздушной среде.

Вдруг я заметил, как из-под ближайшего к нам треугольного камня, рядом с которым росла та самая шишкинская берёза, выползла здоровенная гадюка и, извиваясь, поползла в противоположную от нас сторону.

- Толя, смотри гадюка куда-то устремилась! - заорал я восторженно, забыв о том, что мой друг до ужаса боится этих пресмыкающихся.

Толя ойкнул и испуганно замер с кистью в руках, а заметив «ужасное создание», обречённо воскликнул: - Вот гадина! Что ты будешь делать, и здесь она. Куда не пойдёшь - всюду ползает. Кыш! Кыш! Пошла отсюда!- Толя не на шутку разошёлся. Принялся интенсивно махать руками и чуть не опрокинул этюдник с начатым подмалёвком.

- Толя, успокойся,- смеюсь я,- она, как только увидела тебя, сама перепугалась до смерти и смотри, как улётывает. Только её и видели.

- Тебе, Бусахин, всё смешно. Вот укусит тебя эта гадина, тогда посмотрим, как ты будешь смеяться. Надо будет Зойке сказать: пусть мне срочно мои офицерские сапоги присылает, а то я вряд ли здесь с этими гадами смогу написать шедевры. (После окончания строительного института, Толю на год призвали служить в армию лейтенантом в строительные войска. Там он и получил офицерские сапоги).

Змея уползла. Толя успокоился и только иногда выглядывал из-за холста и тревожно смотрел на то место, где недавно ползала «гадина».

Вечером к нам зашла бывшая певица Анита, уже много лет работавшая на Валааме экскурсоводом. Она обладала сильным красивой тональности певческим голосом, однако, когда начинала говорить скороговоркой, тонко повизгивая, в это невозможно было поверить. Она нас опекала, считая талантливыми художниками, поэтому часто заходила к нам посмотреть наши новые картины и поговорить об искусстве. В этот раз она прита-

щила с собой замызганную кастрюлю с грибным супом, на которую Толя посмотрел весьма подозрительно (что касается еды, то здесь он был достаточно привередлив), и гору паровых ватрушек с варёными яйцами. Пока мы ужинали - Толя, морщась, всё же немного похлебал грибной суп - Анита восторженно смотрела на нас, то и дело выкрикивая:

- Вы, мальчики, гениальные! У вас большое будущее! Я это точно знаю. - Потом, немного успокоившись, принялась рассказывать, как один турист из её группы напился и стал к ней приставать и, если бы не другие туристы, которые принялись стыдить пьяного «ловеласа», то не известно, чем бы дело кончилось.

Толя радовался: то ли восторженным похвалам Аниты, то ли свежим паровым ватрушкам и варёным яйцам, поедая их со зверским аппетитом:

- А ловелас-то куда потом подевался? - насмешливо спросил Толя. - Может, оставил тебе свой телефон, и ты с радостью его взяла?

- Вот ещё! - возмутилась Анита. - Я пьяных терпеть не могу! - и засмеялась с таинственным выражением на лице.

В июле вместо тридцати экскурсоводов, как предполагалось ранее, приехало сорок семь, и это оказалось нам на руку. Мы с радостью отдавали им свои экскурсии и целыми днями занимались только живописью.

Толя привёз в этот раз много работ, начатых ещё в прошлом году. Развесил их по стенам нашей «кельи». Подмалёвки написаны в тёмных тонах, и поэтому у нас сейчас царит таинственный полумрак. Кроме того он увлёкся изображением лунных ночей, почти монохромных, но очень эффектных, что придавало нашему жилью ещё более мистический характер, и восторгу экскурсоводов не было предела.

Через два дня я ушёл на экскурсию, а когда вернулся, то, к своему удивлению, увидел у нашего жилища толпу экскурсоводов. Они что-то шумно обсуждали. Подойдя ближе, я заметил на веранде странного парня, показавшегося мне знакомым. У него было сильно опухшее лицо с заплывшими глазами, а из обеих ноздрей бесформенного носа торчали белые клочки ваты. Не успел я узнать, что здесь случилось, как опухший парень развёл руки в стороны и, обращая ко мне, горестно произнёс:

- Видишь, что с гением сделали?

- Толя, это ты что ли? Боже мой, ты так изменился, что я тебя не узнал. Что с тобой произошло?

Толя не успел мне ответить, как подошла Нонна и всё рассказала. Пришли два пьяных местных парня и давай материться, таким образом пытаюсь познакомиться с девушками-экскурсоводами. Первой такого напора не выдержала Нонна. Она почему-то подошла к нашему гению, который в это время на веранде был полностью поглощён творческим процессом над одной из своих картин, и гневно произнесла:

- Толя, разве ты не слышишь, как матерятся эти два уroda. Скажи им, чтобы они этого не делали!

Толя удивлённо посмотрел на сердитую Нонну и, всё ещё находясь в творческой эйфории, подошёл к парапету веранды и грозно сказал в пустоту:

- Эй, вы, хватит тут орать. Вы мне работать мешаете. Идите себе куда шли. - И, подойдя к этюднику, продолжил работу. Я даже думаю, что он всё это проделал почти бессознательно, и действительности для него в этот момент не существовало.

Они лезли на веранду, как два медведя. Толя их не видел. Он о них ничего не знал и очнулся, когда медвежьи удары посыпались на него со всех сторон. «Они застали меня врасплох, - рассказывал мне потом Толя, - я

о.Валаам, Воскресенский скит, кон.80-х - нач.90-х гг. А.Куршин на этюдах

же не мог им ответить, мне надо было картину спасать. Боялся, как бы эти идиоты её не испортили».

Увидев это злостное нападение, первой завизжала Нонна и бросилась защищать нашего гения. На её визг выбежала из своей комнаты Анна, забыв йог и их учение, она, в свою очередь тоже завизжала так тонко, почти на ультразвуке, и, выставив вперёд кулачки, принялась ими тыкать в медвежи физиономии. Не выдержав ультразвукового нападения и яростной атаки двух женщин, неудавшиеся ухажёры ретировались и позорно бежали прочь. Вскоре появился участковый милиционер - молодой парень с длинным носом - и составил акт о злостном нападении и нанесении побоев, вызвавших «многочисленные травмы лица и носа потерпевшего». Толя подписал этот акт, и участковый уехал в посёлок.

Протрезвев, приятели узнали, что дело приобретает серьёзный оборот и им грозит не только судебное разбирательство, но и реальный срок за буйное рукоприкладство, поэтому они решили уговорить Толю забрать своё заявление. Они без стука ввалились в нашу келью. Ничего не подозревая, мы занимались своими делами. Я был поглощён новой картиной, на которой были изображены стога сена в лучах заходящего солнца. Этот чудесный вид я обнаружил рядом с Монастырской дорогой, в километрах трёх от нашего жилища, и после экскурсий устремлялся туда, чтобы хотя бы полчаса поработать на месте, ибо солнце быстро садилось, и наступала темнота. Толя же в это время дописывал этюды, которые у него бойко раскупали туристы.

Увидев незваных гостей и подумав, что они пришли с недобрыми намерениями, я вскочил и встал перед ними, но, к моему удивлению, один из них бухнулся перед Толей на колени и стал просить у него прощения, а также забрать свое заявление у участкового, который оформляет уже документы в сортавальский суд, а ему судиться никак нельзя, так как он готовится к свадьбе, и его невеста плачет горькими слезами, думая, что его посадят в тюрьму на несколько лет. Его товарищ, крепко сбитый с крючковатым носом, угрюмо стоял сзади, глядел всё время в пол и молчал. Видно было, что ему крайне неприятна была эта театральная сцена. Его мучила гордыня, и весь его вид говорил, что он не собирается просить прощения, а пришёл сюда только ради своего друга. Однако, глядя на кающегося грешника, я так расчувствовался, что всей своей душой мысленно стал просить Толю, чтобы он простил этих несмышлёных парней и отпустил их с миром. Но, к моему удивлению, Толя молчал и даже не смотрел в их сторону, продолжая писать этюд. Я молчал, понимая, что неудачно сказанное слово может всё испортить и всё сейчас зависит только от него. И вдруг я услышал: «Нет!». Меня словно оглушили, и я стоял, уставившись на Толю, и не верил своим ушам. Как покрасневший от напряжения парень его ни уговаривал, по комнате всё продолжало летать категоричное «НЕТ». Признаюсь, я был неприятно поражен Толиным отказом и не ожидал от него такой жесткости. Когда они ушли, так и не добившись от Толи прощения, я сам стал уговаривать его простить молодых ребят и не портить им дальнейшую жизнь, но накупившийся Толя продолжал стоять на своём, и все мои слова падали, словно в пустоту. Я не смог повлиять на упрямый характер моего друга. Но всё случилось так, как и должно было случиться...

Через несколько дней Толе пришла повестка в сортавальский суд, куда он как потерпевшая сторона должен был явиться. А для того, чтобы попасть в Сортавалу,

Толе надо было встать в половине четвёртого утра, пройти шесть километров в полной темноте по Монастырской дороге до Монастырской пристани, от которой в пять часов утра отходил катер. Так что на этот никому не нужный суд попасть было не так уж просто. Он встал. Я его разбудил - он меня ещё вечером попросил об этом. Я завёл будильник на половину четвёртого утра и проснулся под его неумолимый треск. Толя его не слышал и спал сном младенца, завернувшись в одеяло и окружённый тремя включёнными обогревателями. Спал он всегда крепко, но вставал легко, словно и не спал вовсе. Вот и сейчас он вскочил бодрый и энергичный, закурил сигарету и стал собираться, а я в это время включил электрический чайник в розетку и приготовил нехитрый завтрак. За окном была непроглядная темень, и ко всему прочему шёл нескончаемый дождь. Толя пил кофе, а я предпринял последнюю попытку отговорить его от этой, на мой взгляд, безрассудной затеи идти на суд, да ещё по такой отвратительной погоде:

- Ну куда ты сейчас пойдёшь в такую ужасную погоду? Видишь, что за окном делается. Дождь хлещет, как из ведра и темнота такая, что ты и дороги-то не увидишь. Не дай бог свалишься в какую-нибудь придорожную канаву, и фонарь тебе не поможет. Оставайся, Толяныч! У нас сегодня свободный день и давай лучше сходим на Местность Кукко, а то уже давно там не были.

- Ещё чего!- прервал меня Толя.- Я не хочу их прощать. Пусть ответят за то, что они с гением сделали - Толя повторил эту фразу, однако, как мне показалось, не очень уверенно, да и на лице его в этот момент выразилось некоторое сомнение, но длилось это не более секунды, после чего лицо его вновь приняло всё то же каменное выражение. Он взял свой старый потрёпанный зонтик, зажег фонарь, горевший тусклым светом, открыл дверь и шагнул в холодную и мокрую темноту.

Как только за ним закрылась дверь, дождь припустился ещё сильнее и превратился в настоящий тропический ливень. «Он не дойдёт до пристани,- подумал я,- и скоро вернётся назад. Уж больно зонтик у него хлипкий, и фонарь тускло светит, не рассчитаны данные реквизиты на такие погодные катаклизмы, кроме всего прочего темнота просто египетская. Вернётся. Обязательно вернётся». Так и произошло. Минут через двадцать дверь с треском распахнулась, и в комнату ввалился насквозь промокший Толяныч. Ругаясь на чём свет стоит, он принялся стаскивать с себя мокрую одежду, разбрызгивая по всей комнате капли ночного валаамского дождя.

- К чёрту этот суд! Чуть шею себе не сломал. Не пойду никуда. Пусть что хотят- то и делают. Включай чайник, а то я насквозь промок и замёрз, как собака.

- Ну, слава Богу! - радостно воскликнул я, включая чайник.- Надеюсь, мы скоро забудем это как страшный сон. Ещё не хватало нам художникам тратить своё драгоценное время на всякую ерунду.- После этих легкомысленных слов, внезапно сорвавшихся у меня с языка, я смущённо взглянул на Толю, но тот, словно не слышал, а сердито стягивал с себя мокрую одежду.- Так что, пойдём завтра на Местность Кукко картины дописывать, а то я смотрю, они у нас уже космической пылью покрылись? Сюжет-то больно знаменитый. Жаль его в забвении держать.

- Чего ты радуешься, Бусахин? Вот мы их прощаем, а они это воспринимают как должное и наглеют ещё больше. Дальше ещё хуже может быть.

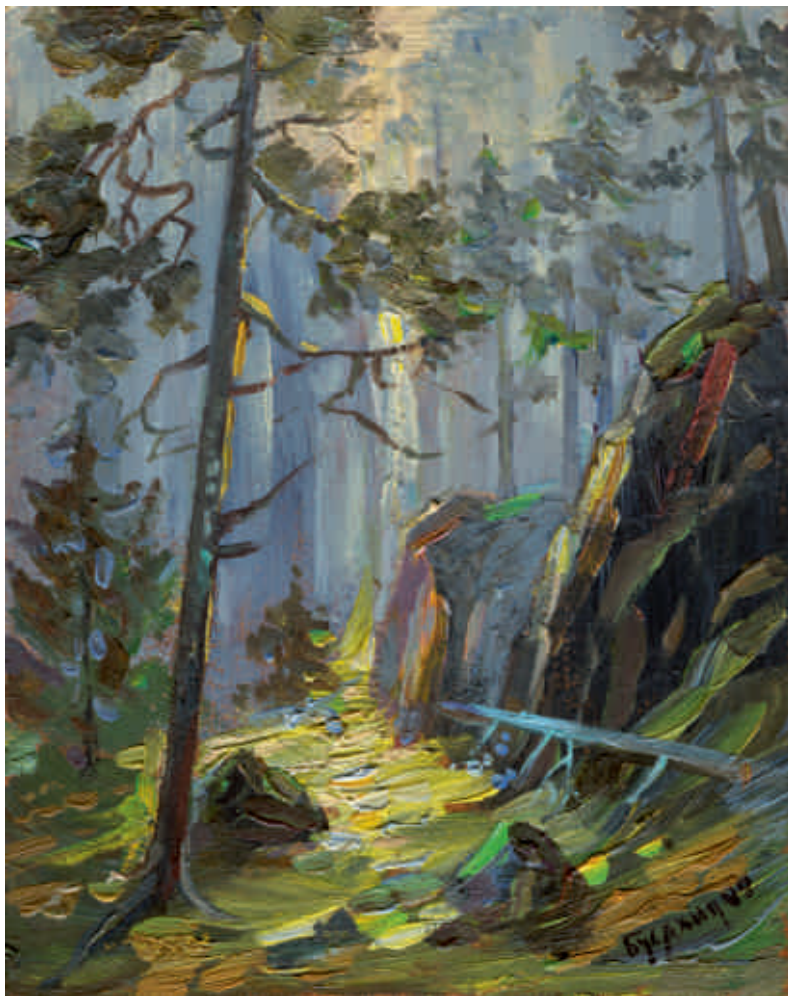
- А может и не будет. Тем более парень жениться собрался. Семейная жизнь многих ребят серьезнее делает. Воспитание семьёй получается.

- Наивный ты, как я погляжу,- Толя с удовольствием пил горячий кофе. Лицо его размякло, покраснело и выражало благодушное настроение.- Больше не хочу о них думать. На Местность Кукко предлагаешь сходить? Давай сходим. Я и сам хотел это сделать.- Толя принялся внимательно разглядывать свою незаконченную картину.- Я там ещё этюды поделаю, да и картину продвину немного.

Когда на следующий год мы весной приехали на Валаам, то узнали от местных жителей, что с ребятами, которые избили Толю, случилось несчастье. Прошедшей зимой они на бульдозере, возвращаясь домой, решили сократить себе путь и ехать не по Монастырской дороге, а напрямик, через замёрзшее Внутреннее озеро, что укорачивает расстояние до посёлка на два километра. Они так и сделали. Лёд не выдержал, треснул, и бульдозер ушёл на дно. Спасся только один и именно тот, кто просил прощения, а другого так и не нашли. Когда бульдозер вытаскивали из воды, то оторвали у него ковш, а сам бульдозер так и остался на дне озера. Этот ржавый ковш многие годы торчал из воды у самого берега Монашеской купальни. Вдали виднелся маленький островок, а на нём, словно белый мазок,- памятник, поставленный родителями погибшего парня.

Толя «продвигал» свою картину «Местность Кукко» ещё несколько лет. Каждый раз, привозя её на Валаам, он пытался завершить этот многолетний труд. Перепахивал краской все деревья на Местности Кукко, окружавшие его на расстоянии вытянутой руки (я уверен, что и сегодня там можно их обнаружить), но картина, словно заколдованная, всё не давалась ему. Когда же он закончил её и показал мне, то Местности Кукко я на ней не увидел, хотя картина произвела на меня сильное впечатление. Я увидел нечто лёгкое, воздушное, насквозь пронизанное каким-то неземным светом. Мощные скалы, которые у Шишкина играли главную роль, на Толиной картине совершенно утратили свою значимость, приобрели невесомость, словно этот неземной свет рассыпал их на отдельные молекулы, создавая иллюзию потустороннего мира.

P.S. Наша земная жизнь так скоротечна, что иногда начинает кружиться голова от мелькания дней, недель и лет. Сегодня, вспоминая прошлые годы, свою молодость, наполненную до краёв действием, чувствами и мечтами, я внутренне спокоен и счастлив. Отдать такому святому месту, как Валаам, более двадцати лет своей жизни и около тридцати лет дружить с таким замечательным художником, как Анатолий Куршин - это чего-то стоит. Память моя оставляет мне такие выпуклые, почти осязаемые образы, что у меня нет сил хранить их внутри себя. С какой-то лёгкой радостью я освобождаю их. Я даю им новую жизнь, и они снова окружают меня, заставляя переживать, но уже на каком-то другом уровне, мою прошедшую жизнь. Много я переоцениваю и часто не в свою пользу, словно нахожусь в храме на исповеди. Моё несовершенство растворяется в них, а я иду дальше, и только иногда сердце моё сожмётся от внезапно возникшего воспоминания, а моя неуверенность вдруг заставляет замедлить шаг. Я останавливаюсь и растеряно смотрю по сторонам, смотрю вперёд и... ничего не вижу. Ничего!... Туман... Я кричу, но голоса своего не слышу. Я кого-то зову, а кого и сам не знаю. Никто не откликается на мой зов. Я один. Мне становится не по себе, и я иду дальше и дальше... и вскоре только туман клубится вокруг.

1	3
2	4

художник Сергей Бусахин:

1. «Утро в Валаамском лесу»

2000г., орг., масло, 10х12,5см

2. Художник А. Куршин на этюдах.

1995г., холст, масло, 50х52см

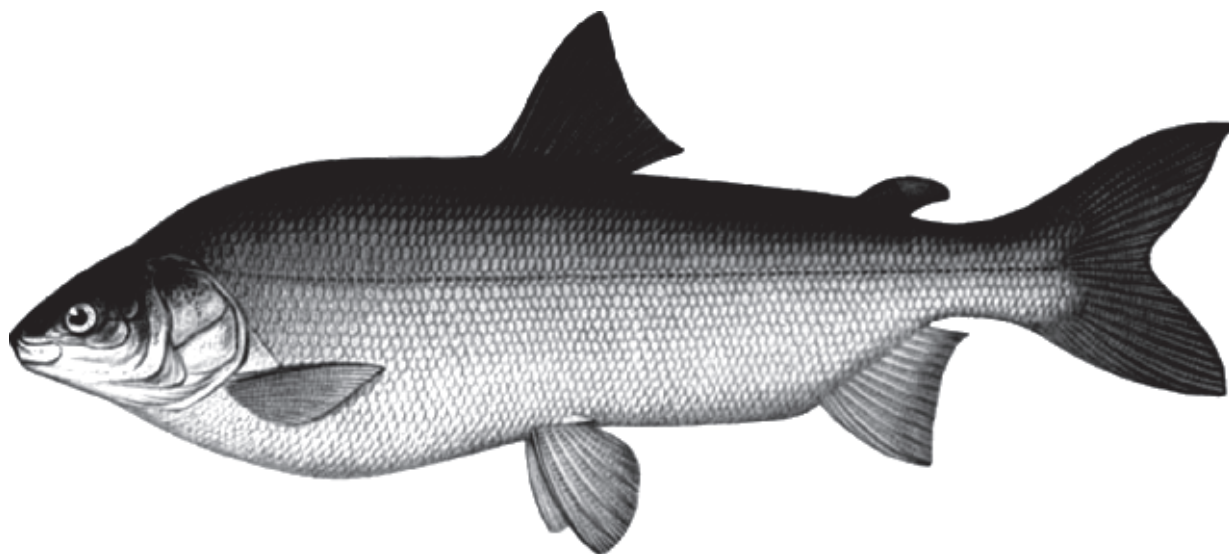
3. Братское кладбище

1986г., холст, масло, 29х39см

4. «Валаамская жизнь».

1993г., холст, масло, 18,7х21см

Coregonus widegreni (сиг Валаамка)

Кто только не водится в самом большом озере Европы! Какие только виды живых существ не населяют Ладогу: и тюлени и рыбы, и лягушки и птицы, и русалки и даже страшное чудовище «ладожское Несси», говорят, там прописано. Что ж верить или нет – вопрос индивидуальный. Но в одном сомнений не остаётся – самая вкусная рыба, наделённая всевозможными витаминными богатствами, живёт у нас, на Ладоге. Имя ей – сиг Валаамка.

Это особый вид сегов, обитающий в северной части Ладожского озера, преимущественно около Валаамского архипелага. Распознать его довольно-таки просто. Семейство: лососевые, род: сего. Длина около 40 см, максимальный вес 0,7-1,3 кг. Особые приметы – характерный зоб, который появляется при вытаскивании рыбы на поверхность. Дело в том, что валаамка живёт на большой глубине – от 50 м. Оказавшись на поверхности, газы, наполняющие плавательный пузырь и находившиеся под давлением значительно столба воды, расширяются, раздуваются и сильно выпячивают брюхо рыбы позади грудных плавников, создавая впечатление зобатости. Если рыбу вовремя не проткнуть – разлетится на две половинки, только его и видели. Голова у сига небольшая, очень утончённая, особенно ближе к удлинённому носу. Валаамка имеет большое количество жаберных тычинок (26-31), тёмный цвет туловища и плавников и серебристые глаза.

Зоолог Карл Фёдорович Кесслер предполагает, что зобатый сиг произошёл от лудожного вследствие пребывания на огромной глубине. Местами валаамка успела обособиться от своего собрата и стать вполне самостоятельным видом. Название же лудого

рыба приобрела из-за того, что выходит на нерест на луду, что есть каменистые или крупнопесчаные подводные гряды.

Образ жизни валаамского сига и его ловля ещё мало изучены. Рыба ведёт полупроходной образ жизни, таится от глаз людских у самого дна и лишь изредка показывается на более мелких местах. Питается сиг в основном рачками, насекомыми, мелкими раковинками, небольшими рыбками или их икрой. Половозрелости достигает в возрасте пяти лет. Нерестится валаамка довольно поздно – в конце ноября, начале декабря. Молодые сегожки выклевываются через 25-30 дней и первое время своей жизни держатся на поверхности воды и питаются зоопланктоном. Таких мальков в народе зовут мойкучей или мойкушей, а как только они достигают 6 вершков, тут же обретают возможность носить гордое звание полусига. Впрочем, растут эти рыбины медленно. В возрасте пяти лет валаамка достигает 36-40 см в длину, а в массе всего-то 0,6-0,7 кг.

Несмотря на небольшие размеры, ценится сиг валаамка очень высоко. Всё благодаря его вкусовым качествам. Помимо традиционных жиров и белков в его нежном мясе содержатся такие важные вещества как молибден, хлор, никель, фтор, цинк и хром. Калорийность 88 ккал на 100 г. Сиг хоть и является близким родственником лосося, но его мясо белого цвета. В связи с тем, что рыба обитает в холодных и северных водах, она отличается высокой жирностью. Но, в отличие от животного жира, рыбий не только не вреден, но даже полезен для человека, так как без особого труда перерабатывается и теми, у кого проблемы с желудочно-кишечным трактом. Помимо того, в жире сига большое количество витаминов, необходимых

для полноценной работы человеческого организма. К примеру, витамин А, способствует хорошему зрению, а витамин D, несет ответственность за крепкие кости. Так что пейте, дети рыбий жир - будете здоровы!

По праву многие жители Приладожья считают зобатого самой лучшей рыбой Ладоги. С давних пор на сига организован промысел. Согласно опросу, проведённому финским правительством в 1934 году в 2117 домашних хозяйствах, ежегодно добывалось порядка 344 000 кг белого валаамского сига. Рыночная же стоимость этой деликатесной рыбы составляла 7,6 марок за кг.

Сейчас, по словам рыбака с немалым стажем, вылов сига запрещён. Ещё до недавнего времени населению можно было приобрести лицензию и ловить рыбу большую и маленькую, за исключением ценных видов – лосося и форели. Теперь лов может быть только незаконным, что есть браконьерство. Но, если разобраться, водоёмы и их содержимое по-прежнему принадлежат народу. Как могут люди красть у самих себя? Рыбаки готовы платить деньги и соблюдать все (ну или почти все) условия лицензии, а государство не готово к такому повороту событий. - Но ведь ловят же, всё равно? – спрашиваю я по секрету рыбака со стажем

- Ловят, а куда деваться. Когда лицензию выдавали на сига, сети ставили, скажем, не 70 м, как положено, а 200-300 м. Зато ценили то, что имели. Во время нереста валаамку почти никто не ловил. Да и сложно это зимой – морозы, шторма или лёд не замёрзнет. Не каждый год есть такая возможность, и Ладога – озеро очень коварное. Больше ловили, когда сиг на жировку (кормёжку) выходил. Это летом происходит, в июле-августе он появляется на банке (луде), на глубине 50 м, да там и попадает в сети как миленький. Первого своего я случайно поймал на глубине где-то метров семь, на одной из банок. Он крупный был – 4,2кг. Мы тогда чернушку (чёрного сига) ловили, которая в массе своей не большая, да и на вкус пресная. Я его когда пластовал по хребту на две полочки, то жир стекал даже по лезвию ножа. А на просвет посмотрел – так почти прозрачный, видно всё насквозь, как при рентгене.

Рыбаки, грибники, охотники своих мест не раскрывают, но всё же, рыбак со стажем поведал мне, где в нашем районе можно поймать валаамского кряжистого сига. На удочку даже не пробуйте – лески не хватит. А вот сетями – самое оно. Из названия следует, что большое количество сигов рядом с Валаамским архипелагом обитает, но и в шхерах они тоже попадают. Ловить его надобно на банке, глубиной 80 м, между островами Большим Байонным и Мунотсаари, ближе к Хийденсельге. Рассказывают, дескать, есть какая-то секретная старая финская карта, 2х2 м, на которой изображён наш район Приладожский вместе с островами, а на воде нарисованы все места обитания разнообразных рыб, в том числе и сига. Правда это или нет – судить не берусь, лучше поделюсь рецептом приготовления этого вкусного обитателя Ладоги.

«Сиг по-старофински»

Нам понадобится:

- сиг - 1.5кг
- соль - 150г
- сахар - 1 ст. л.
- молотый перец - 2 ч. л.
- укроп.

Берём рыбу и нежно её потрошим, не счищая чешуи, только обмывая от слизи. После водных процедур - обтирания насухо льняным полотенцем. Теперь делим зобатого надвое вдоль хребта, вынимаем кости, но кожу, соединяющую обе половинки рыбы, не разрываем. На блюде с голубой каёмочкой да ровным доньшком насыпаем крупной соли и кладем на него распластанного сига чешуйчатой стороной вниз. Обращённую к нам сторону рыбы засыпаем солью, сахаром, дробленным белым перцем и большим количеством нарезанного свежего укропа (но это по желанию). Сверху кладем его собрата в точно такой же позе. Чешуйчатую сторону опять засыпаем крупной солью и укропом, а вот от пряностей уже отказываемся. Поверх рыбы необходимо положить легкий груз, чтобы он фиксировал её в неподвижном положении, но сок при этом не выжимал. Убираем подальше от сигов котлов и домочадцев и оставляем так на несколько часов.

Вуаля! Вкусная и ароматная рыба готова!

Кулинар, помни! Жарить сига валаамку – кощунство! Можно с него уху варить, но лучше засолить или закоптить, зафаршировать или сделать кулебяки. Очень полезная рыбка получается!

Светлана Махохей

на фото современный житель пос. Валаам с уловом сига

Геннадий Добров

Геннадий Михайлович Добров, Народный художник и Заслуженный деятель искусств РФ (1937-2011), приезжал на Валаам в 1974г. по совету А.Е.Кибрика рисовать инвалидов войны. На основании созданных тогда работ его принимают в Союз художников. Впоследствии начатая на Валааме тема претворяется в серию рисунков «Автографы войны». Благодаря вдове художника, Людмиле Добровой, мы публикуем воспоминания мастера о посещении острова летом 74г. «Ночные летописи», фрагмент которых предлагается к публикации, появились при трагических обстоятельствах в жизни художника. К началу 2006 года он практически ослеп. Потерял возможность работать на холсте, рисовать на бумаге, писать ручкой, самостоятельно передвигаться по улице. По свидетельству Л.Добровой, «это было невыносимо мучительно для его деятельной натуры. И тогда пришла мысль о записи воспоминаний на диктофон, как единственной возможности как-то реализовывать себя... Рассказывая, он переживал и плакал, иногда посмеивался, иногда, вспоминая что-то, напевал... Сам он называл эту работу «Ночные летописи». Общая их продолжительность 163 часа, это повесть о всей его жизни. Расшифровывая её теперь, я слышу его родной голос, проникаю его мыслями, чувствую его волнения, переживания. Он по-прежнему рядом со мной... В распечатанном неотредактированном варианте «ночных летописей» я пытаюсь максимально приблизиться к его речи, передать интонации, оттенки настроения. Этим объясняются многочисленные нарушения грамматических, стилистических и прочих правил правописания»

на фото: Геннадий Добров на Валааме, 1974г.

□ ◀ ▶ 29 января 2006 г. (ночь 26-я - файл 046 - 00.35.00 час)

Долго ли, коротко - наступило тёплое время, и я поехал в Ленинград. Поехал. Прямо на вокзал. Доехал, взял билет. Но я уже знал заранее, что там нельзя сидеть, что нельзя там оставаться. И чтобы не вызывать подозрения, я взял билет туда и обратно. Ладожское озеро было тихое такое в это время года. Плыли мы посредине, прямо курсом на этот остров. Но нужно было преодолеть целый день, вечер, ночь. И только рано утром, ещё только я просыпался, а уже этот теплоход подходил к Валааму. Уже видны были и камни огромные в окно, тут вода была в крутые берега, там леса, ели высокие. И церквушки, церквушки, деревянные церквушки все были....

...Я хотел поскорее увидеть инвалидов войны.

Пришёл к директору этого дома-интерната. А от Союза художников мне Ингрид Николаевна дала просьбу такую директору дома-интерната, чтобы он меня приютил, чтоб я мог кушать в столовой. И чтобы дали мне место, где спать там, бельё... Ну, в общем, поселили меня в келье бывшей. И директор прошёл со мной по комнатам, коридорам, по монастырской гостинице, в которой жили инвалиды... А что такое инвалиды войны? Это люди, которые после войны остались без жилья, без семьи, без

денег. Без рук, без ног... там без глаз, с дырками в голове (ну, это говорю, как...). У всех там свои были болезни. Они были на улице и остались... Первое время они нищенствовали, потому что не могли заработать денег и просили милостыню.. И наводняли рынки, наводняли вокзалы, наводняли различные, там, пристани. Ну, в общем, где только можно было найти людей, которые бы им могли помогать как-то прожить.

Потом вышло постановление - собрать всех инвалидов и создать им условия для проживания, для такого коллективного проживания в определённых местах. Вот для Севера, Северо-запада - это был Валаамский остров, Валаамский монастырь. Туда после войны было отправлено полторы тысячи инвалидов. Создали им условия, наладили питание, пригласили врачей туда. Но всё это делалось ещё при Сталине. Были там и врачи, медсёстры, повара там..., различные сапожники. Устраивали там даже танцы, танцплощадка была. Играло там радио по вечерам. Но это вначале.

Когда же я приехал - танцплощадка была, но там уже никто не танцевал. Инвалиды большею частью (они ведь недолго живут) помирали. Кто-то уехал. Кто-то женился, или, там, замуж вышли (там же женщин было много). И как бы уже оставались такие люди, которым вообще некуда было идти. Или они куда-то уходили, не ужились там где-то, вернулись обратно. Такие вот были люди. Как

бы одинокие и абсолютно уверенные в том, что нигде ничего им в другом месте лучше не будет.

Я сразу пошёл рисовать. Пришёл в первую палату, которую мне Иван Иванович Королёв, директор, показал. И иду по палате. Смотрю - с 2-х сторон койки. Палата большая. И тут койки - проход, здесь койки. С правой стороны окна, там - глухая стена, тут двери. И лежат эти инвалиды. И такая тишина, так тихо... А за окном - лето в разгаре, это июнь месяц (начало июня). Сирень цветёт, окна открыты. Солнце тут льётся. Я иду, иду, до конца почти дошёл. Смотрю - сидит молодой ещё мужчина, совсем-совсем молодой. Он опёрся на столик, который перед ним, подушки тут у него. И голова у него - я смотрю - она пробита навывлет пулей. Пуля была... Это не то, что маленькое такое отверстие, а она как-то разбила череп. Как будто удар был каким-то обухом по голове с одной стороны, потом такой же обух... вмяло этот череп с другой стороны. То есть две такие дыры были... Ну, затянутые кожей там... Всё-таки это было видно, что насквозь. Или какой патрон большой прошёл, какой-то противотанковый, или ещё что... В общем, навывлет. В общем, он жил с этими двумя дырками на самом видном месте.

Ну, я тоже сел, начал его рисовать. Это был мой первый портрет инвалида войны. Звали его Саша Подосёнов. Когда я начал его рисовать, вдруг пришла какая-то женщина, села рядом. Это была, оказывается, его мать, которая приехала из Сортавала на «омике» («о-мик» - это такой паровозик маленький)...

В общем, это все люди были как бы местные. Ну, не то, что они родились там, прямо в Сортавала. Нет, они были из каких-то окрестных мест, ну, каких-то деревень. Ну, в общем, как бы они откуда были призваны в армию, где тут дрались в этих местах, здесь же их ранило. И здесь же они, в этих краях своих родных, и доживали свой век, вот в этих вот палатах. И тем самым, что это были их родные места, где они не были чужими людьми, привезёнными сюда откуда-то. Что именно здесь, где-то тут, в соседних деревнях, у них были, может быть, даже родственники, которые по каким-то причинам их не брали к себе жить - это ещё больше как бы успокаивало их. Потому что они знали, что это их родная земля, родная. Что вот тут вот недалеко ихний дом, тут ихние родители, может быть, там, ихние родственники, может, дети... В общем, это чувство, конечно, оно удивительное. Удивительное. Когда с этим чувством человек живёт, он совершенно ничего другого не хочет. Не хочет даже никуда... Как часто бывает - я уеду, я не могу тут жить, это невозможно тут жить, это... Вот жизнь где-нибудь, там, в Париже, где-нибудь там ещё во Франции, в Италии - вот там люди живут! Там солнце, там... там настоящая жизнь. А тут разве можно жить в этой России? (Так часто бывает, можно услышать такие разговоры в Москве).

Эти же люди никуда, никуда совершенно не стремились. И было такое спокойствие у них, которое невольно делало и меня спокойным. Я тоже так проникался их состоянием, что так же был совершенно спокоен, как и они. И я работал очень так медленно. Я не торопился. Я этому Саше сказал: «Саша, можно я тебя дня три порисую?» Он говорит: «Пожалуйста, пожалуйста, рисуйте. Я всё равно никуда не тороплюсь. Я так вот сижу, - говорит, - целый день. А потом меня мать укладывает на подушку. И я сплю ночь. А днём опять сижу».

Поэтому я так обрадовался, говорю: «Ну, хорошо, Саш, на сегодня хватит, завтра продолжим». Он говорит: «Хорошо, хорошо».

После этого я шёл обедать. Им приносили - инвалидам. Кто мог ходить - ходили в столовую. А кто не мог - им приносили санитарки. Санитарки тоже все были тихие, спокойные. Люди кушали. Готовили очень хорошо. Ну, может быть, потому что это был остров и что не было необходимости куда-то тащить, куда-то воровать там, кого-то кормить... Санитарки тут же жили, в этом 2-х этажном здании таком - каре - посередине которого стоял собор (Преображенский, по-моему), огромный собор. И там на первых этажах жили семейные инвалиды, их дети бегали там... Сами они выходили на лавочку, сидели. Им носили домой, или они сами приходили. А столовая была тут же рядом. Кормили очень хорошо, очень хорошо...

Там у них был сад при мне, я видел, но я туда не ходил в этот сад, огорожен был. Яблони росли, яблоки большие были. Так что инвалидам доставалось всё - и рыба из озера, и яблоки, и ягода, и молоко, и масло - ну всё это было здесь своё.

Кроме того, была там котельная. А в этой котельной на 1-м этаже была баня. Вода, свежая, в эту баню подавалась прямо из монастырской бухты каким-то водопроводом. Какие-то машины там стояли, которые качали эту воду прямо из бухты. Расстояние большое, и, главное, высоко всё это, на скалах стояла эта баня. И я в первую же неделю пошёл в эту баню.

Когда я туда пришёл... Ну, во первых, там женская была баня, а потом мужская, как бы в один день. И в общем-то... Так было интересно - тут женщины выходили, а мужчины входили. Ну, я-то был с мужчинами. И когда я вошёл, первое, что меня поразило, это то, что инвалиды сидят и моют свои костыли. Намыливают их и потом мочалкой их трут. Оттирают, ну там, видимо, чтобы не потные были, может быть, там уже грязные были, засаленные. Вот они их там оттирали... И они их так оттирали, как будто это были их собственные ноги. Потом из тазика их обливали...

Ой... А когда они друг друга мыли - и один без ног, и другой там с одной ногой... вот так. Спины тёрли друг другу, это удивительно. Удивительно было такое братство. Я никогда там не видел, не слышал драк между инвалидами войны.

Но на втором и на третьем этажах уже было ко времени моего пребывания... Туда стали привозить инвалидов из тюрем, из колоний. Но это были совсем другие инвалиды. Это были инвалиды, только внешне похожие на инвалидов войны. Так же не было, например, ног у них. Или одна нога там... Но это были требовательные такие, скандальные люди, которые стучали там кулаками, костылями своими, доказывали. Или писали требования такие, письма в Министерство, в Москву. Просили передать эти письма...

Инвалиды же войны ничего не требовали, ничего не просили, никуда не писали. Они были всем довольны. Всем довольны. И главное, что около каждой кровати стояла тумбочка. И на тумбочке... Или на тумбочке, или на самой кровати, такой какой-нибудь простыне, которая привязывалась к дужке, к спинке кровати - были приколоты ордена и медали, у каждого. И я говорю: «А у вас какие-то вещи тут есть? Ну, шкафы там какие-нибудь?» А они говорят: «А какие вещи?» Я говорю: «Ну, как? Ну, у каждого же человека есть какие-нибудь вещи свои». А мне говорят: «Ну вот наши ордена, вот это наши вещи. И нам других вещей не нужно. Остальное всё есть у нас». А вот эти ордена, это, говорят, то, ради чего мы воевали. Ради чего другие погибали. То есть, это как бы осталась память об этом. Вот...

А у тюремщиков ничего вообще не было. Никаких орденов, ничего не было. Но зато была какая-то такая хватка. Они даже разоряли семьи инвалидов войны.

То есть – ну, что такое инвалид войны? Он уже неполноценный там, скажем, мужчина, да? Вот... А женщины там у них были ещё вполне «в соку». И когда этот инвалид тюремный, или лагерный, начинал приставать к жене инвалида войны – те не выдерживали и иногда убегали с ними. Бросали своих мужей и убегали на материк вместе с этим... Такой случай был, когда я рисовал Виктора Попкова, инвалида войны. Я рисовал у него дома, там же недалеко, отдельная гостиница, монастырская гостиница. Жил в семье. Но дети у него уже были в Сортавале, там учились, а он был с женой один.

И вот инвалид из тюрьмы с одной ногой, с протезом, с ремнём наискосок через всё тело, стал ухаживать за женой этого Виктора Попкова. Нагло видя, что эта жена, что муж тут, что он тоже инвалид – ничего... Просто вот ему нужна была женщина. А той тоже наверно... Может быть, Виктор этот был больной, я уж не знаю. Но факт тот, что она с ним... Пока я его рисовал, она пропала. (Потом, говорят, где-то там её видели, уже на материке, там в Сортавале, или в Ленинграде, они там куда-то на поезд садились). В общем – убежали. И Виктор этот так переживал, бедный. Видно, он любил свою жену. А она вот так... с этим инвалидом убежала. И долго они... Пока я там жил – всё их не было. Потом, под конец, вдруг появились обратно. Видно там ничего им не светило – куда они убежали. И в конце концов они вернулись обратно. Жена вернулась к этому Виктору. А он так... Простил её.

Пока я там рисовал ещё одного инвалида – Амбаров такой. Этот Амбаров тоже жил отдельно, была у него комната. Не знаю, как он там жил, он был наполовину слепой... Наверно, у него всё-таки кто-то был, только я сейчас не помню, была ли у него там женщина, или он один жил...

Фрагмент группового фото на турбазе в Воскресенском скиту, 60-е гг. Слева направо: Амбаров Александр, обеспечиваемый (проживал с супругой на Гефсиманском скиту); Михалкович Евгений Борисович, обеспечиваемый, (фотограф, «первый бизнесмен» – продавал туристам видовые фотографии острова); обеспечиваемая, проживавшая на Воскресенском скиту. (фото предоставила Г.Сафронова. Комментарии с её слов – «Сердоболь»)

Я его спрашиваю: «А почему у вас такое лицо, всё изрыто какими-то оспами?» А он говорит: «Это не оспы, это следы пороха». – «Как пороха?» – Ну, так, говорит, следы пороха, следы разрядов, которые тут рвались рядом со мной, около моего лица. Поэтому впились глубоко в тело. Вот эти следы, вот этих дробин (в общем, каких-то частей пороховых). Их невозможно уже оттуда вытащить. Они такими отметинами из щёк, из лба, из носа – везде... Вокруг рта, вокруг губ. Кроме того, что он весь в шрамах был, ещё и эти вот отметины этого пороха – тёмно синие, синие. И глаза у него одного не было. Но он был такой весёлый, такой жизнерадостный, всё время улыбался.

Я говорю: «А почему вы всё время улыбаетесь?» – Он говорит: «Так как же мне не улыбаться? Я ведь 4 раза был похоронен под землёй». – Я говорю: «А где же это?» – Да вот, говорит, было такое место во время блокады Ленинграда «Невская Дубровка», это недалеко от Ленинграда, на Неве. Там проходила линия обороны Ленинграда (он в кольце был). И вот мы, говорит, держали эту оборону. А немцы, как назло, всё время её обстреливали, как снаряд бросят – и подымалась вверх такая куча земли сразу, и потом всё сыпалось, и засыпало землёй нас, говорит. Потом мы начинали откапываться, а командир кричит: «Амбаров, ты живой?» – Я откапываюсь тоже и кричу: «Живой!» – Ну, говорит, молодец.

И так, – говорит, – раза четыре меня... Заживо из-под земли вылезал, как из могилы. Такие, говорит, были бои, и всё-таки мы Дубровку эту, узкое такое место в обороне, мы, говорит, её охраняли, и так не пропустили немцев. Как они не бомбили, как не обстреливали, народу, говорит, там много погибло, и вот так... Поэтому, говорит, я так доволен, что я живой...

Вот так вот... Не нужно думать, что все бои на фронте были с такими угрюмыми мрачными лицами, как будто бы там похороны были. Нет. Люди шутили, как в обычное время. Улыбались, шутили, подкалывали друг друга анекдотами, всякими рассказами, шутками, прибаутками – веселее было воевать...

Выяснилось одно обстоятельство сразу же во время моих рисунков... Я их делал большого размера, в натуральную величину лица, или, может быть, даже больше немножко. Сила карандаша и бумага были... Бумага была такого слабого качества, она была такая тонкая. А карандаши вообще были... Эти советские карандаши были слишком твёрдые для того, чтобы я мог взять черноту такую... пиджака, например, или каких-нибудь там предметов одежды. Долго приходилось рисовать, чтобы набрать вот эту вот достаточно нужную плотность на листе. В общем, я мучился.

Однажды мне говорят – вот есть Серафима Николаевна, женщина. Она была радисткой на фронте, и как-то её там ранило. Войска ушли вперёд, она осталась в болоте. Потом это болото стало мёрзнуть к утру, она не могла там пошевелиться. В общем, она вмерзла, вмерзла в эту воду. Ну, идущие следом части обнаружили её, вырубили её из этого льда, в медсанбат привезли. Начали её там оттирать, начали там оттаивать, приводить в себя. Но дело всё кончилось тем, что ноги у неё перестали слушаться. Ноги ей не обрзали, у неё остались ноги. Но только она ими не могла шевелить, не могла ходить, они у неё были как обуза. И я ей говорю: «Серафима Николаевна, а не лучше бы было вам их отрезать, чтоб потом кататься на коляске?» А она говорит: «У меня есть коляска, только она 3-х колёсная». Я также, говорит, могу двигаться и повороты делать, и ездить, и тормозить, и всё... Там у меня сзади, говорит, такой есть железный

ящик, куда можно класть инструменты и продукты, всё...

Ну вот, я её начал рисовать. Начал рисовать... Порисовали мы немножко. Потом прихожу, смотрю - а у них... полаты... Какое-то такое разорение кругом: валяются простыни, подушки тут, одеяла. Я говорю: «Серафима Николаевна, в чём дело?» Она говорит: «Гена, сегодня рисовать не будем». - Я говорю: «Почему?» - «Да сегодня банный день у нас. Я хотела вымыться, и ещё чтоб у нас осталось время, чтобы ты рисовал. Но запила, говорят, эта наша нянечка, не пришла. И мы остаёмся немытыми. Все палаты, уже как бы их помыли и сменили бельё. А мы немытые, и бельё нам никто не менял».

И все женщины тоже сидят на своих кроватях и повторяют то, что она говорит. А я так настроился рисовать. Ну, я ей говорю: «Серафима Николаевна, а я вам не могу помочь?» - Она так смутилась, говорит: «Гена, ну как ты нам поможешь? Ведь мы женщины.» - Я говорю: «Серафима Николаевна, а вы что, стесняетесь?» - Она говорит: «Ну, конечно. Ну мы же неподвижные женщины, нас же нужно перекладывать, нас нужно везти в ванную, класть в неё, вытаскивать из ванной, везти обратно, потом класть на кровать ... Конечно, мы стесняемся.» - Я говорю: «Серафима Николаевна, есть две профессии в мире, где не нужно стесняться. Это врачей в больнице и художников, которые рисуют людей в своей мастерской. Вы знаете, сколько прекрасных сделано картин, где нарисованы совершенно обнажённые девушки в виде Венер, в виде Богинь. И ничего, никто ещё не пострадал от того, что их художники рисовали.» - Она говорит: «Ну, мы не знаем, я не знаю... Если вы помогли бы, было бы очень хорошо. Потому что мы совершенно не представляем, когда эта нянечка придёт. А если даже она придёт, там уже вода кончится в ванной, и мы опять останемся немытые ещё до следующей недели.»

Я говорю: «Ну, давайте тогда начнём. Давайте хоть с вас начнём. Вот. Садитесь на свою коляску, и я вас отвезу в ванную». - Она говорит: «Хорошо, ты отвези нас в ванную, а в ванной, там есть женщины, которые моют нас. И они нас помогут, и ты потом только привезёшь обратно».

Ну, вот так мы и сделали. Я ей помог залезть на коляску (она тучная такая была, трудно ей так было двигаться). Но всё-таки я ей помог, залезла она на свою эту 3-х колёсную коляску. Я её покати. Она впереди рулит одной рукой, чтобы не врезаться в стену. И мы по коридору, по длинному коридору поехали. Я сзади иду, толкаю эту её коляску. И она говорит: «Вот сюда, сюда, Гена, налево». Заходим - а там такой кафельный пол, душ, ванны стоят, и женщины там в этих ваннах. А другие в халатах их моют по очереди, этих женщин. И вот, значит, Серафиму Николаевну тоже привёз. Она говорит: «Ну, ладно, вот теперь женщины помогут».

Я подождал в коридоре. Потом она кричит: «Гена! Заходи». Я зашёл, она уже сидит на коляске - чистая, помытая, полотенце у неё на голове. Ну, поехали обратно.

Потом другую женщину. Так я всех этих женщин перевозил в ванную комнату. Их там мыли, я потом их обратно привозил. Они так остались довольны, такие были счастливые, что вот их помыли. И потом я успел в этот день ещё её порисовать. На коляске я её рисовал.

Но на выставку потом, когда я приехал в Москву, я не стал подавать этот рисунок. Мне всё казалось, что что - то не то. И потом, лет через шесть, я ещё раз её поехал рисовать, но уже в Петрозаводск, по просьбе журнала «ХХ век и мир», где захотели напечатать мои рисунки. Это я потом расскажу...

Но тем не менее, вот мы с ней подружились, с этой

Серафимой Николаевной. Она так рассказывала о своей жизни... Родилась в какой-то деревне, здесь же воевала. Здесь же в болоте... её ранило. И тут же она и жила. Она говорит: «После войны здесь так много было девчат, так много ребят было, такие все молодые, такие хорошие. И, конечно, все влюблялись. И у меня, тоже был муж. Он был с одной рукой, инвалид войны. Но этой одной рукой он так умел управляться - и тротуары делал, и столы, и стулья делал для всех инвалидов. Дали нам комнатку, и так мы радостно жили, так дружно... Хороший такой парень был. Потом,... что-то случилось, и он заболел и умер».

Я так стою, её слушаю, она сидит. А сзади неё на стене около окна на гвоздике висит венок из бумажных цветов. Я спрашиваю: «Серафима Николаевна, а что это у вас за венок?» - Она отвечает: «Гена, это несколько лет назад, говорит, когда он умер, я заказала венок. А он, похоронен в Сортавале, на кладбище там на городском. А это, надо плыть через всё озеро, да там ещё километров семь идти по шоссе до этого кладбища. А как мне? Я же на тележке... Всегда просила директора, Ивана Ивановича Королёва, чтобы он как-то меня туда переправил и чтобы я могла хотя бы добраться до этого кладбища, да как-то... (ну, это всё прожекты такие...), и венок этот повесить на столбик, где он похоронен. Потому что там никакого венка, конечно, ему никто не приготовил. Но, видно, так он и будет до моей смерти тут висеть. Я предположил: «Серафима Николаевна, а давайте мы с вами съездим на это кладбище». - Она говорит: «Я не верю, я не могу даже представить, что это может быть. Но если бы мы могли, - это было бы такое для меня счастье. Больше ничего мне не нужно, только положить вот ему на могилу этот венок...»

Пошёл к директору. Говорю: «Так и так, я хочу Серафиму Николаевну свозить в Сортавала, на кладбище». Он говорит: «Ты иди... тут у нас есть пограничник. Это погранзона там, туда так не пускают. Иди, если он тебе разрешит, то тогда пожалуйста».

Пошёл к пограничнику: так и так, женщина, уже лет 10 не может на кладбище съездить, не может похоронить. Говорит, пока венка нет, это ещё не могила. - Он: «Ну, хорошо, давай, желаю удачи».

И вот я прихожу к этой Серафиме Николаевне:

- Завтра мы после завтрака поедем. Как раз пароходик придёт, этот «Омик». И к этому времени туда подъедем к пристани (а это надо было под гору ехать. Это всё на горе было, а пароходик уже там, внизу).

Она так обрадовалась.

Утром я пришёл за ней, и мы так бодро поехали. Я её покати. Но с горы - пришлось мне её придерживать, потому что, если бы я её отпустил, она бы разбилась. Там очень крутая гора была. Колёса у неё на тележке большие такие, велосипедные, громадные. Приехали. Садится там народ, и мы тоже. Закатил я её на палубу. И поплыли.

В Сортавале я её так же выкатил на мостки такие, деревянные. Всё шатается, но ничего, проехали. Выехали на шоссе. Я говорю: «Туда? В эту сторону?» - Да, туда, я знаю». (Когда были похороны, она там была один раз).

Ну, вот и поехали. Едем... Сортавала кончилась. Потом поля начались, луга. Дальше леса пошли. Шоссе хорошее, асфальтированное. И вот мы едем, едем, я её всё толкаю. Она говорит: «Гена, устал?»

- Да нет, Серафима Николаевна, ничего я не устал, поедем.

И так, ехали, почти не отдыхали. Направо свернули.

Уже дорога песчаная пошла. Потом кладбище. Подъехали мы к одной могиле, эта могила была вся потресканная. Земля расступилась какими-то большими ямами, такими трещинами огромными, высохла эта корка земли глинистая. Я смотрю - так боком стоит деревянный столбик с красной звёздочкой наверху. Это вот её муж. Ну, я хотел поправить этот столбик немножко, но она говорит: «Гена, иди, посмотри там кладбище. Я хочу одна посидеть».

Ну, я пошёл вдоль кладбища, посмотрел на другие могилки. Правда, у всех веночки висят. Она тут одна стояла, её коляска. Серафима Николаевна сидела там, пригорюнившись, смотрела на этот столбик, на эту могилку, вспоминала о своём муже. Так прошло, наверно, минут тридцать.

Потом я иду обратно. Она говорит: «Ну, ладно, Ген, повесь веночек, поедem обратно...»

Вот так мы с ней побывали на кладбище, так она простилась ещё раз со своим мужем. Я думаю, что больше уже никогда она на кладбище не смогла попасть.

Обратный путь был уже более знакомым и более лёгким. Вернулись мы. В общем, всё было хорошо.

А когда весть прошла среди инвалидов, что вот художник появился, да он ещё помогает здесь - и на кладбище свёз, и в бане купает женщин... то вдруг один парень, тоже с парализованными ногами... говорит: «Можно вас попросить? Я вот тоже на коляске. Можем мы съездить, вот, в сторону пристани? А там за пристанью, там ещё дорога есть наверх. И когда туда поднимаешься, то там дорога уже... А, нет никакой дороги, а просто откос такой каменистый, и там наверху лес. И мне сказали, что там есть муравьиная куча большая. А вот есть такое поверье (мне сказала родственница из деревни, которая приезжала), что если сесть на эту кучу голым задом, и если посидеть и потерпеть, а муравьи чтобы искушали, искушали тебя до крови всего, весь зад, - то ноги могут начать ходить. Повезите меня на эту кучу, я хочу там посидеть. Люди только смеются надо мной. И, конечно, никто мне не хочет помочь. Вы мне можете помочь?»

Я говорю: «Ну, давайте, съездим». У него коляска такая же, как у Серафимы Николаевны. Я тоже его толкаю, и как он объяснил, приехали наверх. Потом ещё там выше дорога, но уже надо было его тащить на спине...

И вот потащил его на этот верх. Тащу, а сам - где руками хватаюсь за ветки, где как. В общем, с большим трудом я его туда затащил. Он говорит: «Теперь вот надо эту кучу найти». Вот, ищем - он на мне сверху, я смотрю, где эта куча. И вдруг я вижу под сосной - огромная муравьиная куча действительно. Он говорит: «Ну, вот сюда поставьте меня, сейчас штаны сниму. Снял, значит, штаны там, трусики свои и сел на эту кучу. Я говорю: ну, ладно, сиди. Я похожу тут, посмотрю».

Хожу, смотрю.... Сзади там, откуда мы шли, крутой берег, дорога идёт в лес, на другой конец острова. А тут - монастырская бухта. (Мы подъехали в место, где она уже заканчивается). Там кого только нету - и яхты стоят (это из Ленинграда кто-то приехал на паруснике, отдыхают там...) и кораблики, и лодки. И с другой стороны тоже яхты какие-то стоят.... И скалы, скалы, сосны. И наверху - шпильки деревянных церквей. ...пустых. Ну, я так смотрел, смотрел на эту бухту, на озеро. Потом вернулся.

- Ну, как, живой?

- Живой.

Такой довольный... Поехали обратно. Я его привёз, посадил в палату. И вот он сидел, и всё ждал результата. Но, как и следовало ожидать, никакого результата от этого не было.

Мне всё хотелось попасть на Никольский скит, так он назывался, в отделение, где были психически больные инвалиды войны. И я несколько раз подходил...

Но мне Иван Иванович, директор, предупреждал: «Туда нельзя, туда тебе нельзя». - Я говорю: «Почему нельзя, Иван Иванович?» - А он: «Потому что там психически больные. Ты ведь рисуешь инвалидов войны? А они не инвалиды войны, они просто больные».

Ну, я думаю: разве психически больные не могут быть инвалидами войны?

30 января 2006г. (ночь 27-я - файл 047 – 00.00.00 час)

Моя жизнь на Валааме в течение полутора месяцев была необыкновенно насыщена. С утра я рисовал инвалидов войны (такие, в общем, поясные портреты). Я был так спокоен. Я, конечно, был овеян прежде всего огромным авторитетом Кибрика, что он когда-то, побывал на Валааме и близко соприкоснулся с инвалидами... Но, я думаю, что он всё же соприкасался с ними как туристы, которые с теплохода.

Теплоход каждый день приходил на Валаам, но оставался он не в монастырской бухте, а у Красного скита, это километров за семь от центральной части Валаама, где был собор, магазин, кладбище недалеко, монастырская гостиница 3-х этажная, администрация там же находилась...

И километров через семь туристы подходили уже к большому собору, который был пустой. Пустой внутри. Там хранилось мясо для жителей интерната. И когда его открывали, то не для того, чтоб заходить туда молиться, а для того, чтоб нарубить мяса на обед. И вот я, когда входил просто посмотреть, то я видел туши. Огромные туши - коровы, бычьи. Такие, как на картине Рембрандта. Ободранные туши висели на крючьях. Тут был большой пень, и такой же большой топор. Вот эти туши здесь рубили, потом их клали в баки такие, тащили на кухню, резали, варили и кормили инвалидов...

Как-то гуляя вечером уже в темноте, я забрёл на маленький палисадничек. Тут был магазин рядом винный. Всё уже было закрыто, но... слышу - голоса откуда-то раздаются. Смотрю - стоит памятник Ленину на пьедестале, небольшой. Ну, как обычно, с протянутой рукой там, призывающей к революции. И пьяная женщина там, в темноте как-то у этого основания памятника что-то... ворочается как-то там, ёрзает. И вдруг, я слышу, она говорит: «Владимир Ильич, Владимир Ильич. Встаньте, посмотрите, что тут делается, что тут делается. Вы только посмотрите, до чего мы дошли, до чего мы все опустились. Что же будет дальше, Владимир Ильич?» (Это она как бы в темноте обращается к этому памятнику). Это крик души был, это... Я просто остановился, поражённый. Боже мой, как же у неё - святое в жизни был вот этот Ленин, который вообще жил-то на заре революции, когда ещё, может быть, не было такого церковного разорения по всей России (это было позднее, в 30-е годы)... Но здесь, вот это вот было...

Дорога подходила с пристани прямо к воротам 2-х этажного такого здания, опоясывающего собор, с аркой посередине, въезд был в эту арку. А над аркой был крест. И вот этот крест, я смотрю, валяется внизу. Валяется вниз в грязь. Ну, я поднял этот крест, почистил. Пошёл на почту и послал его Люсе в Москву посылкой. Так что этот крест до сих пор висит у меня над кроватью на Ленинградском проспекте там...

В другом месте, на другом кладбище я нашёл сбитое распятие. Тоже на разорённом кладбище. Такое металлическое распятие без руки. И вот я, как-то дома, уже в Москве, приделал это распятие к кресту, а недостающую руку вылепил из пластилина. Потом всё покрасил. И вот оно висит у меня на стене уже много лет.

Если перейти двор монастырский, то с другой стороны будет проход на бывшее кладбище. На нём остались одни куски разбитых надгробий. Я ещё ходил и собирал эти куски, складывал их, и как бы пытался сложить вместе. Пытался одни отбитые части соединить с другими, которые были ещё в земле. Как-то прикладывал, смотрел, где подходят... И потом я выстроил эти надгробия такими рядами, как они и были раньше. И так чистил я их, оттирал от грязи, от пыли. Ну, в общем, несмотря на то, что прошли десятилетия, они были как будто бы вчера...

А по краям этого монастырского кладбища проходили белые стены каменные, как бы они окаймляли его. И там, где стены соединялись между собой под углами, были выстроены такие башенки. А на этих башенках были вырезаны большие фигуры парящих ангелов. Ну, одной ногой этот ангел касался шара такого металлического на крыше этой башенки. Другая нога была откинута уже в воздух. В руках у этих ангелов были трубы металлические, большие трубы. Весь он был, этот ангел, чёрный, и трубы были тоже чёрные, заржавевшие. А над этим ангелом в небо взмывали крылья жестяные. И вот так вот по краям, по четырём углам, были вот эти фигуры ангелов скорбные, которые парили. И трубы у них были повернутые вниз... Они возвещали какую-то Песнь Славы этим людям умершим, могилы которых тут же были. Грустно было на всё это смотреть, очень грустно...

Ну, как бы то ни было, я всё пытался попасть в Никольский скит. Несколько раз я подходил туда, и даже ходил с одной женщиной, которая зажигала на этом ските стоящий огромный бакен, дающий парходам огонёчек такой издали, и они на этой водной глади озера могли различать вход в монастырскую бухту, куда им нужно было держать курс, если они хотели попасть на Валаам. Таким образом, я постепенно уже имел представление, что там находится. Там было психиатрическое отделение этого дома-интерната, где сидели, вернее нельзя сказать, что они сидели за решёткой, - просто жили больные люди.

И вот однажды Иван Иванович (это директор) Королёв (он говорил: «Я - король, а Валаам - моё королевство»), вот этот Иван Иванович поехал в Петрозаводск к своей сестре, которая работала там в Министерстве социального обеспечения. И таким образом, как его родственница, она и помогала ему во всём, чтобы этот Валаам жил своей безбедной жизнью. И одновременно она оберегала Ивана Ивановича от недоброжелательных писем, которые люди писали, всё-таки как-то передавали на волю с жалобами на порядки, которые царили на Валааме.

И вот, когда он уехал дня на четыре на материк, то я пошёл посмотреть уже скит, в надежде, что я пройду туда, и меня никто не остановит. Так и получилось.

Но на этих сумасшедших было так смешно смотреть. Когда я подходил к мосту на понтонах (через заливчик, который отделял большой остров от этого маленького островка), то туда подъехала повозка... Лошадь её тащила, повозку, а на ней было написано: «хлеб». И вот я смотрю - с острова отделились две фигуры с носилками и подошли к этой повозке. Открыли ящик на телеге и начали выгружать хлеб для больных. Наложили много

этого хлеба. А эти сумасшедшие, значит, стоят, смотрят. Потом им говорят: «Ну, берите и несите». И вот один из них взялся за деревянные ручки и хотел тащить этот ящик с хлебом в свою сторону. А другой точно так же встал к нему спиной, взялся за ручки и стал тащить её в свою сторону. И таким образом, они стояли на месте и никак не могли понять, почему это они не двигаются. Потому что один тянул этот короб тяжёлый изо всех сил в свою сторону, а другой точно также изо всех сил тянул его в другую сторону. И каждый был уверен, что вот сейчас они пойдут, нужно немножко только напрячься. Потом всё-таки они остановились, посмотрели друг на друга и догадались, что нужно идти гуськом, друг за другом. После этого они пошли.

Я последовал через мост за ними. Смотрю - на самом мосту стоит сумасшедший и держит в руках большой такой, большой крест, но лёгкий, деревянный. И вот, он этим крестом по воде бьёт. Ударит - крест погружается в воду. Потом он его вытаскивает, подымает вверх и опять со всей силы бьёт по воде. А другой сумасшедший зашёл на середину этой протоки, и ещё один крест, побольше, воткнул в воду, в дно. И он там, в этой протоке, стоит. Вода идёт, а он возвышается над этой водой. Вот так они снимали кресты, которые были на церкви. И так вот они с ними обращались - то ими рыбу ловили, то, значит, устанавливали посредине... Они были полные хозяева этой открытой церкви.

Я подошёл к ним. Некоторые сумасшедшие сидели у дверей на корточках и грелись на солнце. А стены все были исписаны, искарябаны - то «Толик», то «Вася», то «Иван»... - такими были исцарапаны надписями. Дверь как-то наполовину сломана была. Я зашёл внутрь. А внутри первое, что бросалось в глаза... Напротив двери был большой иконостас. И там только на самом верху были несколько прекрасно написанных икон (будто их недавно написали свежей краской), они их не могли достать, это очень высоко было. А то, что пониже - всё было выломано и разбито. И вместо икон были такие провалы в этом иконостасе. Всё было выдрано. Не знаю, куда они эти иконы дели, может быть побросали в Ладогу. Ну, всё остальное - ничего не было. Только вот оставались эти две там, три большие иконы во весь рост святых. Они со свитками в руке, в такой молящейся позе стояли так, рядами.

А вид оттуда был такой чудесный. Вид на озеро, вид на небольшие острова...

Но я вот именно застал такой момент, который, может быть, никогда, никогда за всю историю этой церкви раньше не был и никогда больше не повторится. Потому что после того, как я уехал с этого острова Валаам, прошло буквально несколько лет, и духовная жизнь постепенно (постепенно всё это было) стала медленно, медленно возвращаться. Но это, конечно, шло от перемены в Москве, от перемены в правительстве. Ну, я имею в виду, от перемены отношения к церковной жизни. Сначала, просто энтузиасты стали приезжать. Стали приезжать бригады реставраторов... Это были не монахи, это простые были светские реставраторы древнерусской живописи. Во, они приходили в эти церкви, замазывали дыры, про которые я говорил, цементом, штукатурили как-то эти места, порубленные топорами, молотками, или расстрелянные фрески. Потом подбирали цвета, краски, как-то реставрировали...

Но следом за ними, за этими реставраторами, стали приезжать и монашки. Но они ещё жили вместе с инвалидами, вперемешку... Это были какие-то новые люди.

Я одну такую видел девушку, красоты необыкновенной, тихую такую, скромную. Ей дали келью. В этом же точно этаже, где была и моя келья (я рисовал и ночевал там). И вот мы познакомились, я к ней стал приходить. И она мне говорит: «Гена, вот у меня есть книги о Валааме, книги о монахах, которые тут раньше жили. Хочешь почитать? Вот смотри, какие там гравюры. Вот, смотри, как эти люди выглядели, как они тут жили». И, в общем, она была как бы первая такая ласточка той будущей жизни, которая потом стала возрождать, возрождать постепенно эти места к возвращению к их прежним хозяевам, то есть монахам. А пока... Пока она одна была. Потом к ней приехала подруга. И они... Однажды я пришёл в этот собор, всё по-прежнему было открыто так, и тут же инвалиды жили. Но они зашли в этот собор, и я смотрю - они начали подметать. В отличие от всех прежних людей, которые разоряли и рушили всё, эти девушки своими такими худыми, вообще, изящными руками стали там вытаскивать оттуда бутылочки с краской, какие-то там колёса огромные, шестерёнки... Не знаю, что уж они там делали на этих шестерёнках. Но вот как-то выкатывали там - во двор.

Сначала очищали и потом расчистили паперть. Паперть была вся разбита, вся разбита. Такие ступеньки были... Ну всё было прямо кусками, какими-то, даже не скажешь, что тут были ступеньки. Девушки сначала начали мыть эти камни, с мылом. Это смотреть... просто было невозможно без слёз. Они моют эти камни с мылом, водой. Там ничего не было - ни икон, ничего. И вот пойдут, нарвут цветов... А цвело всё вокруг, травы были такие огромные. И они нарвут, и в баночки цветы эти поставят.... И так они были довольны, что хоть какое-то место есть чистое, где можно колени преклонить, где можно помолиться...

По мере того, как я осматривал Никольский скит, я пришёл в бывшую... Ну, это бывшая была монастырская гостиница, маленькая такая. И вот вижу: везде больные - в палатах лежат, на койках сидят....

Зашёл в одну (это раньше были кельи) палату. Смотрю - сидит старик с длинной бородой и с маленькими ножками скрещенными. Сидит в этой позе, и ручки у него какие-то худенькие, такие высохшие все. И огромные глаза. И читает книжку какую-то. Я спрашиваю: «Откуда у вас книжки здесь?» - А он отвечает: «Это мои книжки. Когда меня забирали, то я попросил, чтобы мои книжки тоже привезли вместе со мной вот на этот остров. И у меня целая библиотека здесь. Вот видите, сколько у меня книг».

Я смотрю - на окнах книги, под кроватью книги. Везде какие-то полки у него, и там книги прямо большими такими томами стоят, и отдельные книги. И он мне говорит: «Вот я вам подарю (его звали Юра Писарев)... книгу о логосе. (Логос - это такое философское понятие). Вот, прочитайте, очень интересно, тут такие философские споры идут - что такое логос, и как его понимать, как его чувствовать, как его применять в жизни...»

Я, конечно, не был философом, я скорее практик, наблюдатель такой, но эти вот философские понятия... я не то что отвергаю, я их не отвергаю, просто не углубляюсь в них никогда.... Ну, а я так тогда думал: что если уж я в религиозные догмы не углубляюсь, если уж я о церковной жизни, можно сказать, ничего не знаю, что уж говорить тогда о философии. Когда там веками отработались взгляды, один другому противоречащие, один другого авторитетнее. В общем, мне это скорее напоминало схоластику, какое-то умствование просто. Но тем

не менее, вот Юра Писарев подарил мне эту книгу, и она у меня где-то лежит, в моей большой библиотеке, на Ленинградском проспекте до сих пор. Этот Юра сразу стал просить меня передать письма на волю. Вот, говорит, я вам дам несколько писем. Когда вы поедете, то передайте их там в Москве тому-то, тому-то, моим друзьям. Но я не рассчитывал на то, что буду почтальоном... Я не был никогда ни правозащитником, ни таким уже каким-то общественным деятелем. Но раз он попросил, я говорю: «Ну ладно, хорошо, передам». А сам на него смотрю - он, в общем, не очень старый был. Но такие глаза огромные - это просто... Не оторвёшься от него, это такой он был красивый. В своей этой необыкновенной бедности, в своём положении (вот в этом сумасшедшем доме) человека беспомощного...

Ноги у него были какие-то детские, ... Они совершенно его не держали, он не мог ходить, он просто сидел. А если ему куда-то надо было, то он только при помощи рук передвигался так, подтягивал эти ноги. У него не было коляски... Я спрашиваю: «Юра, а как ты гуляешь?» - Он говорит: «Я никогда не гуляю, не гулял уже давно, несколько лет». - А я ему: «Давай, я возьму лодку...(там можно было, где наша гостиница, - был причал, и там лодки)...приплыву к тебе на лодке. Потом я тебя подниму, посажу, и мы с тобой поплаваем на этой лодке вокруг острова. Я буду грести, ты будешь сидеть, смотреть...»

Так мы и сделали. Я взял лодку, подплыл туда. Вынес этого Юру на руках. Он лёгкий такой был, правда, за меня держался, за шею, так крепко. Боялся, что уроню. Но я говорю: «Ты не бойся, я тебя не уроню». И вот я его принёс на эту лодку, посадил. И он так руками держался за борта, и кричит: «Ой-ой-ой, а вдруг я упаду в воду, а вдруг я упаду!».... Я говорю: «Да Юра, не бойся. Никуда ты не упадёшь. Сиди спокойно, не качай лодку»...И так я его вокруг острова Никольского провёз в одну сторону, в другую, потом ещё... В общем, покатались мы с ним... Но я чувствую, что от этого свежего воздуха, от этого дыхания воды (а воздух действительно был совсем другой, чем в палатах - там какой-то спёртый воздух, наполовину пропахнувший мочой, какими-то запахами затхлыми), как у него всё светлеет, и глаза такие голубые стали... Я спрашиваю: «Юра, а что у тебя борода испачкана зелёной краской?» - А он говорит: «Не знаю, у нас краски никакой нет. Наверно, это плесень, плесень у меня на бороде образовалась от того, что я..., от такой постоянной жизни в замкнутой комнате полутёмной...»

Ну, вот, привёз я его обратно, посадил снова на кровать. А сам пошёл дальше осматривать комнаты. Захожу ещё в одну комнату, смотрю - лежит человек. Без рук, без ног. Но лежит на чистой кровати, укрытый чистым одеяльцем таким маленьким, простынью. И подушка у него, всё очень чисто. И он только на меня смотрит, смотрит... Вижу - это молодой, как бы... молодой солдат, ну как вот, бывают новобранцы. Но потом смотрю - нет, это уж не такой и молодой, это он просто... Как бы у него лицо застыло в том состоянии, когда вот его контузило. И с тех пор оно не стареет, как бы такое... И смотрит на меня, ничего не может сказать. А мне потом сказали нянечки: «Да, - его так привезли ещё в 49-м году откуда-то. И он ничего не говорит, он контужен. И документов никаких при нём не было. И его история болезни чистая, ничего там не написано - кто он, откуда, кто его родители, где он служил, в каких войсках... Только подобрали его где-то там, на поле боя...»

Ну, я сейчас же побежал обратно к себе. Взял доску свою, взял бумагу, карандаш и прибежал обратно. И сел

тут напротив него, и стал его рисовать. А он, как лежал в одном положении, так и лежит. Как смотрел на меня первый раз, так и смотрит таким же взглядом ясным, таким чистым, таким проникновенным. И я его очень быстро и совершенно легко нарисовал. Потому что я его почувствовал, как будто бы это какой-то мой брат, как будто это какой-то мой родственник, как будто это человек настолько мне близкий, родной, что я просто так вот зажал зубами свои губы, чтобы они не кривились от боли и чтобы глаза ещё не застилали слёзы, я старался, так вот...

Ну, знаете, рисование это особый вид искусства. Здесь даже когда захочешь плакать, то не всегда можно заплакать. Потому что одновременно движется рука. Одновременно наблюдаешь за пропорциями. Одновременно наблюдаешь там за поворотами формы, за тем, как располагаются пятна на рисунке (свет, тени). В общем, мысль отвлекается от этой необыкновенной жалости, которую, может быть, художник испытывает, глядя на свою натуру. Но у меня вот так было, и я его нарисовал... Но там рисовать-то было нечего: на подушке лежит голова. Голова, и всё. А всё остальное было закрыто такой простынью, как-то подвёрнуто было там... И ног-то у него не было, и рук. В общем, он как-то закутан так лежал, как какая-то кукла, как ребёнок маленький.

И вот, когда я этот сделал рисунок, я отнёс его к себе. И вдруг, приехал Королёв, директор дома интерната. Конечно, ему тут же доложили, что вот тут был художник, и кого он рисовал (я его называл «Неизвестный солдат») - нарисовал неизвестного солдата... Королёв был в ярости. Он велел меня позвать к себе. Я прихожу. Он говорит: «А кто вам разрешал туда идти, на этот остров?»

- Ну, мне просто любопытно... (Но, в общем, я больше молчал).

Он тут начал кричать, и говорит: «Знаете что, лучше вам уехать. Лучше вам уехать, больше не надо ничего и никого рисовать. Уезжайте, уезжайте. Раз вы меня не послушали, я вам не разрешал туда ходить. И так уже достаточно, вы тут полтора месяца. Достаточно. Уезжайте. Больше я вам не разрешаю рисовать, ничего». - Я говорю: «Ну, ладно, хорошо. Я узнаю, когда пароход...» (Узнал - через два дня будет пароход). - Ну вот, через два дня - всё. Всё-всё-всё...

Таким образом, я сделал там четыре рисунка, да и то из них... Нет, я там сделал пять рисунков, вместе с Серафимой Николаевной. Но я тот рисунок не показывал никогда.

Потом, ещё один там начинал делать рисунок одного гармониста, который всегда играл на крылечке, а другие инвалиды там пытались танцевать. Но он был до того неусидчивый. Я его хотел нарисовать, мне казалось, что я смогу хороший рисунок сделать. Но куда там... Он минуты не сидел. Кроме того, голуби со всей округи к нему слетались. Садились ему и на плечи, и на руки, и на гармонь. А он так улыбался, и значит, весь был окружён этими голубями, играл... Он был на коляске... И такой весёлый... Но совершенно, совершенно он не мог ни позировать, ничего, всё время крутился. Так что я порисовал немножко и бросил.

Он мне рассказывал: «Я здесь с самого основания этого дома. Тут... было весело раньше. Столько было ребят хороших... Это были такие отчаянные, такие, ребята были. Это сейчас... Ну, что сейчас? Сравнения никакого нет... Это поколение уже ушло. Это всё были солдаты, которые ходили в рукопашные бои с немцами, дрались, смелые, отчаянные... А потом, когда они лишились возможности двигаться, вот... То они и тут, и в этой жизни какие-то отчаянные поступки совершали. Вот сидим мы раз во двореке около этого... собора, а там колокольня огромная (я потом лазил на эту колокольню).

И мы, говорит, думаем: «Как? Как это он так мог? Без рук, без ног и забрался на самую вершину этой колокольни (там такая обзорная галерея, такая маленькая, и колокол висит). И он забрался туда как-то на подоконник на этот и кричит оттуда: «Ребята! Вот он я!» А мы играем в домино, и все... на него туда облепились, смотрим вверх. И вдруг он оттолкнулся и летит вниз с этой высоты... И упал...прямо к нашим ногам. И разбился насмерть. Так ... умирали раньше мои товарищи...

Мне оставалось мало времени уже пребывать на Валааме. Я думаю: «Возьму-ка я лодку, и ещё одного инвалида Володю, которого укусил энцефалитный клещ в этих лесах Валаамских». У него голова склонилась вперёд и подбородком упёрлась прямо в грудь. И как бы его согнуло вот так вот, под прямым углом. Так что он видел только землю перед собой. Вот так он ходил, в таком виде. Так он хороший был парень. У него даже была жена и дети маленькие. Но разогнуться он не мог. Я прошу: «Володя, ты мне покажешь, как тут..., куда мне плыть, я хочу вокруг острова проплыть, потому что я скоро уезжаю». - Он говорит: «Ну, давай. Бери лодку...»

И вот я взял лодку, сел на вёсла. И мы из монастырской бухты выгребли налево и стали вдоль острова пробираться...

Плыли всё дальше, дальше. Проплывали всё неизвестные места, неизвестные берега. То деревья подходили к самой воде. То большие валуны преграждали дорогу. Ну, в общем, мы двигались. Медленно, но двигались вдоль берегов. Потом всё стало темнеть, темнеть. Мы всё плывём... Я говорю: «Володя, ну а долго ещё нам плыть?» - А он в ответ: «Да это только начало, это нам ещё сколько...» - Я говорю: «А что теперь делать? Где мы будем ночевать?» - Он говорит: «Я не знаю. Обратно тоже далеко плыть. Давай тут найдём, может быть, избушка какая-нибудь есть...»

Ну, вот мы дальше, дальше гребём. Уже темно, совсем темно. И вдруг я вижу, что действительно протока там есть какая-то между большим островом и маленьким. И на этом большом острове действительно стоит какая-то избушка пустая. Я говорю: «Володь, давай уж дальше сегодня не поплывём, ночуем в этой избушке». Ну, затащили лодку..., чтобы её не унесло, привязали и пошли в эту избушку. Уже темно было. А в избушке ничего не было. Только топчан там был деревянный, ещё один там топчан, окошечко маленькое и дверь. И всё. А холодно уже так стало...

Лежу, лежу. Бессонница. Не спится совершенно. Я и так, и так. И на один бок. И на спину. И на другой бок. И протянусь. И согнусь. Ну, никак не мог уснуть. Тогда я думаю - выйду на улицу. Встал и пошёл. Открываю дверь, вышел. И вижу: корабль надо мной инопланетянский. Боже мой! Этого не может быть!.. Я никогда не верил ни кораблям никаким, ни всем этим фантазиям, ничему... И вдруг я вижу на небе металлические серебристые круги и лампы там. Лампы красные, синие, зелёные какие-то, вперемежку так. И этот корабль стоит над озером и как будто на четырёх ногах. Это четыре таких прожектора больших светят в воду. А ощущение такое, что как будто бы это подпорки какие-то. Я так смотрю, рот раскрыл, думаю: «Боже мой! Что же это такое? Что это вообще может быть такое? Что это... Неужели всё это правда, все эти вот рассказы об инопланетянах, что их многие видели...» Я кинулся, в избушку: «Володя! Володя! Вставай скорей! Вставай скорей! Иди сюда смотреть!...»

И он пока там пытался проснуться, встать... Я выскочил и смотрю - этот корабль лучи убрал и потихоньку, потихоньку начинает удаляться. Я кричу: «Володя! Володя! Иди скорей!...» А этот корабль потом всё быстрее, быстрее - и вот он уже пропал. Но без шума, без шума моторов, без звуков. Всё это как-то беззвучно.

Ну, наконец, Володя вышел. Я говорю: «Володя, ты ничего не видел?» - «Нет, ничего не видел». - Я говорю: «Это, конечно, кому сказать - ни за что не поверят...»

И так я и не спал до утра. Потом мы чуть свет сели в лодку и поплыли дальше. Так мы и плыли целый день. Проплыли всю западную оконечность острова и попали в большую протоку... Большую, с сильным течением. И я уже хотел плыть вдоль берега, а Володя говорит: «А вот видишь вон на правой стороне остров? Хочешь посмотреть? Там есть могила и пещера, в которой жил Александр Свирский...»

Ну, я тогда, направил лодку против течения. Нас сносило, сносило ... Но всё-таки я выправил. И пристали мы как раз к тому месту, где была пещера...

Мы подошли к келье святого. Я смотрю - дверь только одна деревянная. А вся келья как-то вот сложена из естественного расположения камней. Над ней большая такая скала, тоже сложена из таких вот больших огромных плоских камней, которые падали, падали вниз. Потому что под низом была какая-то глинистая основа. И вот они падали вниз и образовали такой шатёр: большие камни упали, потом сверху на них другие, потом они как бы образовали такой свод. И потом остальные там нагромодились... Естественная пещера такая, только, конечно, для монаха. И вот он в этой келье небольшой там жил. Сверху он приделал дверь, чтоб закрываться от каких-нибудь там лосей или птиц. А внутри там иконка у него была и топчанчик маленький. И так он жил в молитве. Единственное, что он сделал - это он вырезал огромный крест. Из деревьев там как-то выпилил, вырезал и установил его рядом со своей кельей. И вот этот крест стоял там. Я смотрел на него и ничего не понимал, так как он был весь изрезан старославянской вязью, какими-то буквами. Я, конечно, ничего не понимал, только смотрел, что очень так смело вырезаны буквы. Но буквы непонятные...

И вот мы пошли по какой-то еле заметной тропочке вверх. Стали подниматься вверх. А у этого Володи был топор в руке. И вдруг мне как-то так подумалось, а что у него на уме, вдруг он меня сзади ударит этим топором? И всё. И я тут останусь.

Ну, я стал гнать от себя эти мысли. Думаю: «Нет, нет, этого не может быть». А он несёт в руке так вот наготове топор. Я думаю: нет, нет, я всё-таки верю, что он ко мне хорошо относится.

А он, может быть, тоже мои мысли почувствовал и тоже как-то испугался. И говорит: иди, иди, иди... И меня так подталкивает.

Ну, в общем, мы залезли на вершину, и я посмотрел вниз. И вдруг я вижу, что ели, огромные эти ели, они вниз уходят чуть ли не до самой воды. А ещё мы зашли примерно на середину роста этого дерева. И потом они вверх ещё настолько же уходят. Я думаю: «Вот это ели... Вот это ели... Что же это за гиганты такие, какая природа здесь!... Она растёт, эта природа, сама по себе. Никто её не сеет, никто не пропалывает. Это дикие деревья на воле. И вот какой же они огромной высоты, по 30 метров. Это что-то невероятное!»

Но, пока мы тут рассматривали всё, пока гуляли, пока

спустились, - и опять уже день прошёл. И я предложил: Володя, теперь мы выехали напрямую, так по этой стороне поедём и войдём в бухту. Он говорит: «Ген, знаешь что? Давай сегодня никуда уже не поедём». (А мы протоку эту переехали, лодку спрятали в камышах)...

- Ген, давай оставим эту лодку. Тут дорога идёт прямо к монастырю, и по ней мы доберёмся. Там покушаем, хотя бы, целый день ничего не ели. А потом я схожу сам за этой лодкой и пригоню её в бухту

- Ну, говорю, ладно, пойдём...

Пошли мы обратно. Идём. И я говорю: «Володя, давай всё-таки немножечко свернём, пройдем по берегу. Там интереснее около воды идти». Мы свернули. И вдруг я вижу бетонные укрепления. Это какие-то монолиты такие. И я даже подумал - кто же их строил? В такой глуши тут. Это же сколько бетона надо ввозить. И там, где бетонные укрепления... сверху них какие-то такие огромные круги бетонные. И на них тоже чугунные круги. И ещё штыри такие с нарезкой. А потом идёт стена, круглая, невысокая. И на одной там штукатурке написано синей краской «Наш ответ Чамберлену». И тогда я понял, что это основание огромной пушки, что тут стояла когда-то большая батарея. А вот этот круг, это, значит, лафет был, на котором поворачивали орудие в одну сторону, в другую. А Володя говорит: «Да, это здесь стояла морская флотилия. Но просто пушки были сняты, сняты на берег. Это во время войны».

И таких следов войны мы потом видели много... Вот эти лафеты. Сейчас они заросли травой, уже все там... Никого не было. Пушек самих не было. Только остались вот эти основания, круги такие бетонированные. И они смотрели прямо на это озеро, на Ладогу, на другую сторону, на финскую. И вот туда они, наверно, стреляли, эти пушки. Пока мы шли, мы несколько таких укреплений видели. Все они уже были заброшены. Там где-то были блиндажи, тоже забетонированные. Где-то двери такой огромной толщины, что сдвинуть эти двери с места было невозможно. Вместо ручек обычных такие огромные скобы. И если их повернуть, то эти скобы сами закрывали двери, не надо было никаких замков, ничего. И доты были..., сверху, на них росла трава. А если туда внутрь зайти, там щели такие узкие, которые тоже смотрели на озеро. И эти заброшенные доты - всё это даже было побелено когда-то. Но сейчас... Тишина была такая уже... Трава росла - это всё молчало. Это когда-то тут гроыхало, может быть, всё гремело, стреляло. А сейчас уже тишина была. И вот мы шли - опять эти доты. Ну, в общем, вся эта сторона западная острова Валаама - она вся в этих дотах.

Потом, когда мы пришли, я спрашиваю: «Володя, а с другой стороны монастырской бухты есть такие укрепления?» - Он говорит: «Есть и с другой стороны. Пойдём, туда, посмотрим».

И вот мы пошли, свернули опять. Там тропинка шла на Белый скит, но мы свернули как бы к воде - и опять эти какие-то доты, эти основания для пушек. И остатки строения. Когда-то это были большие казармы, видимо. А теперь остались только брёвна; доски с них забрали куда-то. И такие вот брёвна вертикальные, а на них горизонтальные. Вот мы по этим брёвнам ходили от одного строения к другому, перебирались. Но от этих строений тоже ничего не осталось. Только остались стены. Стены, и на них рисунки, видимо, солдат. И нарисовано, как русский солдат штыком подцепляет немца, и этот немец удирает.... Ну, это был не солдат, а

это был матрос, потому что у него такая бескозырка, ленты развеваются. Такие вот рисунки... И остатки металлических кроватей. Ну, конечно, там, без матрасов, без всего. Просто... кровати ржавые... А на одной двери (одна дверь всего сохранилась)... вырезана звезда пятиконечная. Это, видимо, тоже был вход куда-то. Вот такие остатки укреплений я посмотрел в последние дни, которые оставались до отплытия моего с этого острова.

В последний день я уже ничего не делал, просто так гулял. И тут, гуляя, я иду по краю этой бухты, и смотрю - на берегу сидят много детей, и все рисуют. И среди них учитель. Ну, я подошёл. Он говорит: «Да, вы художник, я, говорит, слышал о вас. Из Москвы приехали?»

- Да, из Москвы.

- А я, здесь, в Сортавале работаю в художественной школе. А это мои ученики. Вот мы приехали сюда рисовать. Зовут меня Кронид. Можно я посмотрю ваши рисунки?

- Конечно, пойдёмте.

Он ребятам говорит: «Ребята, вы побудьте, никуда не уходите. Сидите тут. А я схожу посмотрю рисунки».

Мы пришли ко мне. Я вынес на улицу планшет и стал ставить рисунки, ему показывать. И по мере того, как я их стал показывать... У него лицо всё бледнеет, бледнеет. Потом он говорит: «Ой, ой. Страшно мне. Страшно. А, вдруг, их кто-нибудь увидит? Что тогда будет? Что тогда будет? Вы их кому-нибудь показывали?» - «Нет, никому не показывал» - Он говорит: «Знаете, я лучше... Я лучше уйду сейчас. Я сейчас уйду...»

И смотрю - он побежал. Скорее, скорее...туда, к ребятам. Он испугался очень сильно. (Потом я читал в газетках, что ему присвоили звание заслуженного художника России, вот этому Крониду (Гоголеву).

А я собрался уже ехать... Я, вообще-то, хотел сделать три рисунка. Потому что для показа на выставке обычно много работ не берут, берут 1-2 рисунка. Ну, если у самых таких известных художников - могут взять три. Но это уже серия, как бы несколько работ на одну тему... И я был очень доволен собой тем, что я, наконец, побывал на этом острове... Что я тут рисовал, как хотел Кибрик, который мне советовал это сделать... И что я могу теперь возвращаться домой с полной такой (ну, как сказать?) душой, с полным сознанием, как говорили, исполненного долга...

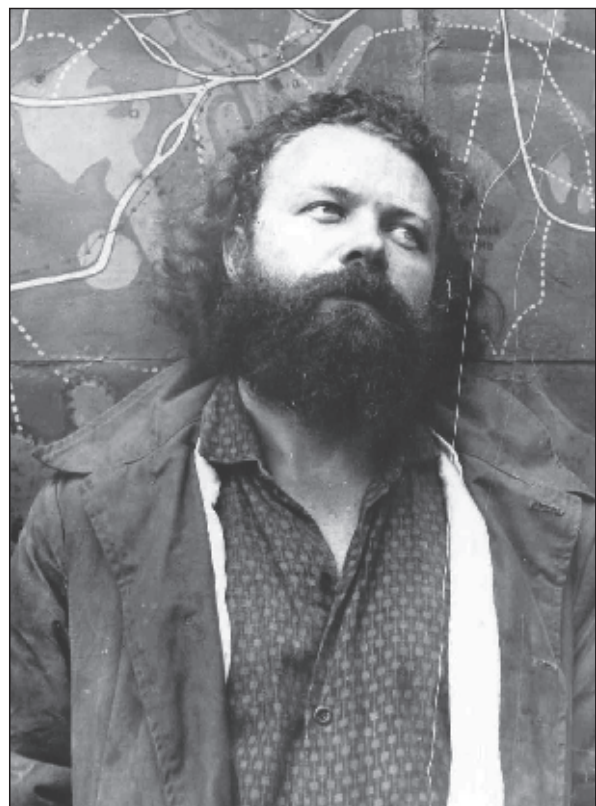
Я дал адрес Серафиме Николаевне. Она сказала: «Я тебе, Гена, буду писать обо всех наших тут страданиях, которые у нас тут есть... То того не хватает, то другого не хватает. Мы тут пишем письма. Эти письма не доходят, обратно возвращаются...» - Но я говорю: «Серафима Николаевна, у меня совсем была другая цель. Я не хотел ввязываться в эту вашу жизнь внутреннюю - кто там прав, кто виноват. Для меня это безразлично. Я хотел увидеть инвалидов войны. Хотел понять, чем они живут - какой мыслью, какими чувствами. Не тем, что им что-то не додали там... На мой взгляд, вы живёте хорошо. Питаетесь хорошо. Всё у вас чисто, всё хорошо. Но если вам что-то не хватает, может быть это должен кто-то другой этим заниматься, но не я. Я - художник. Я должен показать вас в таком виде, в котором я увидел. Не прикрашивая, не раскрашивая, не героизируя вас. А просто вот так, как я увидел таким вот взглядом художника. И в общем-то, тут же вас, наверно, никогда никто не рисовал». - «Что

вы, Геннадий Михайлович, что вы! Кто нас... В жизни нас никто не нарисовал... И мы думаем, что не будет никогда рисовать. Потому что мы тут себя считали такими заброшенными, такими париями общества... Там где-то, где-то идут пароходы... Вот мы наблюдаем издали - идут пароходы мимо из Ленинграда куда-то, в Кизи, с туристами... Музыка играет там. Все сидят довольные на палубе. Или целуются, или танцуют, или ... выпивают. А мы тут сидим на наших колясках, смотрим на эту жизнь, которая проплывает так мимо нас... Приближается... Нарастают, нарастают так эти звуки... А потом они удаляются, удаляются... И опять мы одни. И летом мы одни. И зимой мы одни. Правда, зимой вот с этого Никольского скита иногда совершают побеги. Бегут сумасшедшие. Но что они бегут? Бегут чуть ли не босиком по снегу в сторону Сортавала. Там километров 30, наверно. Ну, конечно, по дороге или замерзают они там, или что... Отсюда, невозможно убежать. Никто и не стремится отсюда. Тут жить можно. Ну, а куда убежишь? И как в другом месте? Порой в другом месте ещё хуже. Так вот, мы живём...»

Мы с ней простились. И потом она мне часто писала в Москву, я ей отвечал.

А сам я, когда приехал в Москву с этими рисунками, то скоро наступило время показывать работы Президиуму Академии художеств и Секретариату Союза художников России на предмет уже окончательного решения о приёме меня в Союз художников.

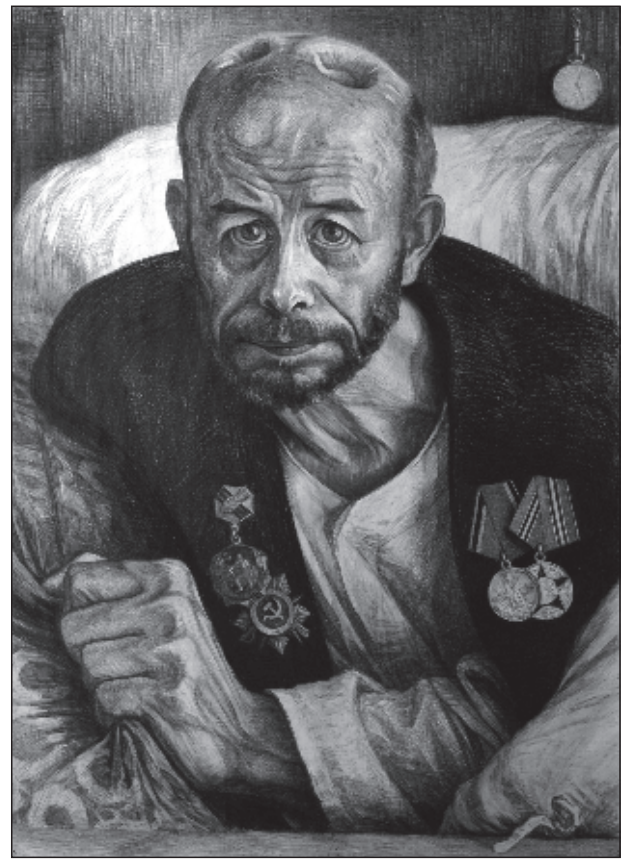
1	2	3	к стр.102-103
4	5	6	

на стр. 102-103:

1. Г.Добров на причале Монастырской бухты. 1974г. Валаам.
2. Из серии «Автографы войны» - рисунок «Защитник Невской Дубровки». Портрет инвалида войны А. Амбарова.
3. Из серии «Автографы войны»: рисунок «Ранен при защите СССР».
4. Г. Добров, 1974 год.
5. Инвалид войны Виктор Попков (на фото слева), персонаж графической работы «Новой войны не хочу».
6. Из серии «Автографы войны»: рисунок «Новой войны не хочу».

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ОРГАН СОРТАВАЛЬСКОГО РЕК. КИСС, РАЙОННОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ КАРЕЛЬСКОЙ АВТОНОМНОЙ ССР

Письма с острова Валаама

В нашем поселке ведется большая культурная работа

Большой известностью пользовался остров Валаам в царской России, по его славе позавидовать нельзя. Валаам был крупным центром духовного порабощения и затемнения трудящихся. На остров в монастырь стекались тысячи обездоленных бедняков, калек и больных, чаявших получить здесь утешение и исцеление. За счет приношений бедняков и «спасавших душу» купцов богател Валаамский монастырь.

По-иному выглядит сейчас остров. В поселке Валаама есть семилетняя школа, клуб, кино, радиоузел, почта, больница на 25 коек, детские ясли на 50 детей, работает электростанция. На этот остров летом переехал республиканский Дом инвалидов.

Престарелые и инвалиды, уделом которых при царской власти было нищенское существование на подаяния, полностью обеспечиваются сейчас государством. Они сыты, обуты, одеты. Для тех, которые могут работать, открыты мастерские производственного обучения — сапожная и портняжная.

Жители поселка и коллектив Дома инвалидов живут одной жизнью вместе со всей советской страной. Они слушают радио и узнают о всех событиях в Советском Союзе и за рубежом. Каждый пароход привозит на Валаам много газет.

В поселке и в Доме инвалидов ведется большая культурная работа.

П. Степанов.

Обеспечить бесперебойную доставку товаров на Валаам

Руководители райпотребсоюза заботятся о том, чтобы население острова Валаам не испытывало нужды в предметах первой необходимости, а также в других товарах. В магазины Валаамского сельпо товары отпускаются в первую очередь.

Летом доставка их организуется водным транспортом. А как быть зимой? Машины туда не ходят, лошадей райпотребсоюз не имеет. Есть достаточное количество лошадей у Валаамского дома инвалидов, и, казалось

бы, администрация должна быть заинтересована в удовлетворении нужд и потребностей жителей поселка, однако директор дома инвалидов т. Ершов, его заместитель т. Титов не желают помочь в доставке товаров и категорически отказались выделить лошадей для этой цели.

Такое непонимание к нуждам и запросам населения к лицу директору дома инвалидов т. Ершову.

Ф. Тарасов,

экспедитор сельпо.

Лучшая сберкасса республики

Жюри при республиканском Управлении гострудсберкасс и госкредита, подведя итоги соревнования сберегательных касс, присвоило сберкассе острова Валаам звание лучшей в республике.

Заведующий Валаамской сберкассой тов. Чернобровец систематически разъяс-

няет населению острова выгоды и пользу для народного хозяйства, доставляемые хранением сбережений в государственных сберегательных кассах, поэтому количество вкладчиков здесь превышает плановое.

П. Степанов.

Кино на Валааме

Несмотря на оторванность о. Валаам от райцентра, отсутствие постоянной связи с ним зимой, здесь регулярно демонстрируются кинокартины.

Жители острова хорошо отзываются о кинооператоре Михайле Волкове. За январь и февраль он показал здесь 41

киносеанс, обслужив 2250 зрителей. Вчера контора кинопроката направила на остров своим путем три кинокартины «Судьба Маринны», «Донские шахтеры» и «Два гроша надежды». Осенью сюда были завезены 64 кинокартины.

Подарок охотника

На скалах острова Валаама выют гнезда редкие на севере птицы — орлы. Недавно валаамский охотник тов. Безрядин поймал старого орла в капкан. Размах крыльев этой птицы равнялся двум метрам.

Охотник подарил орла

школе. Чучело хищника сейчас находится в биологическом кабинете. Оно не только украшает класс, но и является хорошим учебно-наглядным пособием.

И. Рюнтю,

директор Валаамской школы.

Нам пишут

Участливый друг

Четко, хорошо работает Валаамское отделение связи. Среди его работников особенно большой похвалы заслуживает писмоносец Мария Ильинична Хорошуткина. С исключительным вниманием, большой сердечностью обслуживает она инвалидов и пенсионеров, письма и газеты всегда вручает без малейшего опоздания.

В Валаамском доме инвалидов живет несколько сот человек, прибывших из разных районов и уголков нашей республики. Она каждо-

го знает в лицо, с каждым участливо побеседует, поэтому хорошо осведомлена, кто и откуда ждет весточку. Вручая эту весточку, она всегда скажет адресату несколько теплых слов и тем увеличивает его радость. «Наша мать» — так называют тов. Хорошуткину пенсионеры и инвалиды.

Большое спасибо вам, Мария Ильинична, за внимание и сердечное отношение к людям.

М. ХАЦКЕЛЬСОН.

Интересная экскурсия

Пионеры Сортавальской средней школы № 2 совершили экскурсию на остров Валаам. Весь день ребята познакомились с достопримечательностями острова, а вечером дали концерт в клубе поселка. Они исполнили «Гимн демократической молодежи мира», «Едем мы, друзья» и другие песни. Группа семиклассниц выступила с акробатическими номерами, а также испол-

нила танец «Змейку». Второй концерт был дан в красном уголке дома инвалидов.

Ночевали экскурсанты в лесу в палатках. Перед сном ребята хорошо поужинали и позавтракали за вкусный ужин преподнесли букеты цветов.

А. Виноградова,
старшая пионервожатая
Сортавальской средней школы № 2.

Забота о людях

На остров Валаам для оказания медицинской помощи инвалидам прибыла группа врачей-специалистов, направленная Министерством здравоохранения республики. Среди них врач уха-горла-носа, зубопротезист и другие.

Врачи осмотрят всех больных и окажут им необходимую медицинскую помощь.

И. КУЗНЕЦОВ.

Шахматный турнир

В Доме инвалидов неделя длился шахматный турнир. В нем приняли участие 6 шахматистов. Первое место и звание лучшего шахматиста получил Е. Н. Любарский.

Турнир привлек внимание всех жителей Дома инвалидов. Многие из них решили учиться игре в шахматы. Для них сейчас организован шахматный кружок. Руководит кружком Е. Н. Любарский. В ближайшее время намечается шашечный турнир. **П. С.**

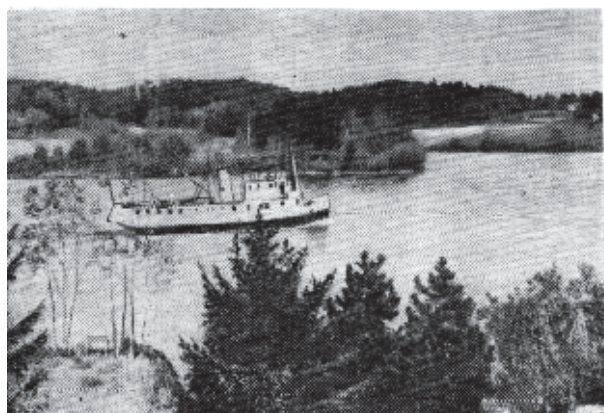
Отдых на Ладоге

Прогулки по Ладоге на лодках и пароходе — любимый отдых трудящихся Приладожья. Каждое воскресенье пароход «Первомайский» увозит экскурсантов на остров Валаам. В июне и июле экскурсии на Валаам совершили сотни сортавалцев, среди них рабочие мебельной фабрики, паровозного депо, железнодорожной больницы, типографии и других предприятий.

На днях открыт новый экскурсионный маршрут на остров Тулоу.

Морем раскинулась Ладога, не видно ее дальних берегов, только Валаам, будто приподнятый над водой, темнеет вдали. Необычайно живописны берега озера, изрезанные заливами и проливами, и прибрежные зеленые острова.

Надоело запоминать летние прогулки по Ладожскому озеру.

На снимке: пароход «Первомайский» возвращается с Валаама.
Фото Г. Бородинского.

По ГОРОДУ и РАЙОНУ

Сады Валаама

Тысячи людей из разных концов страны ежегодно приезжают отдыхать и лечиться в санатории и дома отдыха Сортавальского района. И пожалуй нет такого человека, который не побывал на острове Валаам.

С большим интересом экскурсанты рассматривают здесь архитектурные памятники старины, многолетние дубы, сибирские кедры и лихту, и другие ценные древесные породы.

Славится остров и своими фруктовыми садами.

Здесь растут 450 яблонь, 80 вишен и 60 сливовых деревьев, свыше полутора тысяч кустов крыжовника и смородины. Есть и клубника.

Заботливо ухаживают за садами и ягодниками садовод Александр Никандрович Виноградов и его неутомимые помощники Голыков, Лайво, Лахти.

Необычайно красив остров в период цветения, но сады Валаама уже отцвели и как говорят местные старожилы, нынче будет неплохой урожай.

Удача юного охотника

В Ладожском озере водятся морские ластоногие животные — тюлени. Эти животные — хищники. Они пожирают большое количество рыбы и часто рвут рыболовные снасти.

На днях тюленя убил юный охотник, ученик Валаамской семилетней школы Николай Воронин.

И. Рюнтю

ВЕСНА НА ВАЛААМЕ

Поведно началась в этом году на Валааме весна. С Ладоги долго дули холодные ветры и задерживали таяние снега. Островитяне с нетерпением ожидали теплых дней. С их приходом должна была установиться связь с «большой землей» и регулярная доставка на остров писем, свежих газет и журналов.

Весна, наконец, пришла.

На острове оживает природа. В подсобном хозяйстве Дома инвалидов начались полевые работы. Рыболовы-любители, (а их на острове много) приступили к ужению рыбы.

В теплые солнечные дни шумное оживление царит в детском городке (так называют островитяне детский корпус бывшей монастырской гостиницы, в котором разместились дет-

ские ясли, детский сад и семилетняя школа). Малыши подолгу гуляют на улице. Школьники утреннюю физзарядку проводят на школьном дворе. В воскресенье 11 мая пионерский отряд имени Павла Морозова провел свой очередной сбор в лесу. Там у костра ребята решили организовать летом трехдневное путешествие по острову.

И. Рюнтю.

Овощи и фрукты — столовым

В столовые Валаамского дома инвалидов с огорода и полей подсобного хозяйства поступают свежий картофель и овощи.

Картофеля нового урожая сдано уже более тонны и около тонны капусты, 500 килограммов огурцов, много моркови, свеклы и других овощей.

Продукция подсобного хозяйства становится все более разнообразной. Недавно столовым сдано более тонны смородины и крыжовника и первая партия яблок.

А. ПОПОВ.

ВАЛААМ

ТЭО НОВОГО ЖИЛОГО ПОСЕЛКА

СХЕМА ГЕНПЛАНА
ВАРИАНТ - 1

Из Генплана «Ленгипрогора» 1982 - 1987 годов.

НЕОПОКРЫТЫЕ ТЕРРИТОРИИ
П. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР И
ОСНОВНАЯ ПЕШЕХОДНАЯ ЗОНА

- 1 клуб
- 2 спортивный зал
- 3 выставочный зал
- 4 кафе-бар
- 5 магазин непродовольственных товаров
- 6 парковочная зона

- 7 детский сад, ясли
- 8 общеобразовательная школа
- 9 библиотека
- 10 поликлиника
- 11 аптека
- 12 психологический центр
- 13 прачечная, пункт КБД

ЖИЛАЯ ЗАСТРΟЯКА		
ТИП	КОЛИЧЕСТВО	КОЛИЧЕСТВО
А	КОМ. ДОМ.	КОМ. ДОМ.
А	10	1-2
Б	3	1-2
В	3	1-2
Г	12	1-2
Д	10	1-2
Е	2	1-2
Ж	11	1-2
З	3	1-2
И	8	2
К	6	3

- ПРИРОДНЫЕ УЧАСТКИ**
- ПАРКИ, ПЛОЩАДИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ**
- ПАРКОВЫЕ ЗОНЫ**
- ПАРКИ, ПЛОЩАДИ**
- ПАРКОВЫЕ ЗОНЫ**

ПРИБ. 191554

-

ПЛАН 2 ЭТАЖА

-
- План 1

Генеральный план Валаамского государственного историко-культурного и природного музея заповедника (ВГИАПМЗ) разрабатывался институтом «Ленгипрогор» в период 1982-85 гг. (с последующими корректировками) по заказу Министерства Культуры Карельской АССР. К 1986г., в целом, были одобрены: генеральный план Валаамского заповедника, проект охранных зон и проект детальной планировки посёлка Валаам.

План предусматривал создать на архипелаге развитую туристическую инфраструктуру. Для этого были запроектированы: аэродром, новый грузовой причал, канатная дорога от Монастырской усадьбы в сторону Б. Никоновских бухты. Организация конных и велосипедных маршрутов. Для обеспечения питания туристов планировался рыбозаводный (форелевый) завод на Глухом озере. В каретно-конюшенном доме должно было быть кафе интересного питания. Разнообразно предполагалось использовать и другие объекты. Так, в Спасо-Преображенском соборе на первом этаже – музей восковых фигур, на втором – концертный зал, зал колокольного звона. В келейном корпусе Никольского скита – музей живописи. Художников должен был принимать дом творчества на скиту Всех Святых. На Предтеченском скиту – экспозиция уклада быта схимонахов. А на скиту прп. А. Свирского – музей истории русского мореплавания. Надо сказать, что часть этих предложений подверглись критике. 20 мая 1987г. на своём собрании музейщики обсуждали Генплан развития своего учреждения, и часть сотрудников высказалось против аэродрома, рыбзавода и канатной дороги. Вызывало их неприятие и

чрезмерная развлекательная тенденция в экскурсионной политике. В итоге собрание просило учесть все замечания и скорректировать Генплан.

Помимо музейного использования существующих построек в Генплане предусматривались два варианта (в случае невозможности приспособить под жилой дом Зимнюю гостиницу) строительства нового посёлка. Первый вариант предлагал использовать территорию между бывшим гончарным заводом и Игуменским кладбищем, а второй – более отдалённый участок «Турнепное поле», где на то время находилась свалка.

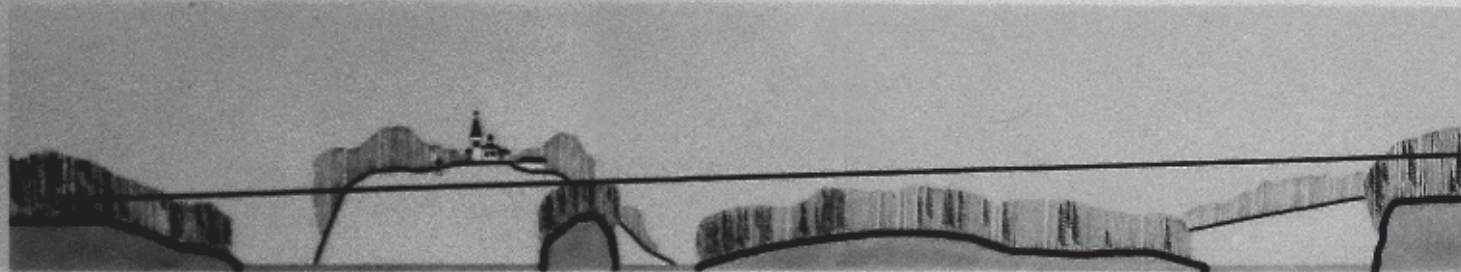
Эта площадка была выбрана не случайно: расположенная вблизи центральной усадьбы, она, однако, окружена лесом и находилась в стороне от туристических маршрутов. Возведение посёлка должно было обеспечить комфортное проживание населения архипелага, обслуживающего персонала музея и специалистов по восстановлению и реставрации комплекса архитектурных памятников. Важнейшим моментом являлось также решение инфраструктуры, отвечающей современным (на то время) требованиям к населённым пунктам городского типа.

В 1986г. предложение Совета Министров Карельской АССР о реализации второго варианта было поддержано Госстроем РСФСР и Советом Министров РСФСР.

Однако, несмотря на это, вопрос о выборе места строительства продолжал дебатироваться. В том числе и на Валааме. 9 января 1987г. на совещании руководителей учреждений и организаций посёлка было принято решение о предпочтении первого варианта. Среди доводов против участка под

1	3	На стр. 108-109: 1,2. Экспликация двух этажей общественного центра (вариант II)
2	4	3. Фасад общественного центра (вариант I) 4. Фасад общественного центра (вариант II)

застройку на «Турнепсном поле» был и такой – изымалось из обращения 8,5 га плодородной пахотной земли. На совещании также было высказано отрицательное мнение по строительству аэродрома (в этом случае из обращения изымалось 30 га земли и вырубалось 100 га леса).

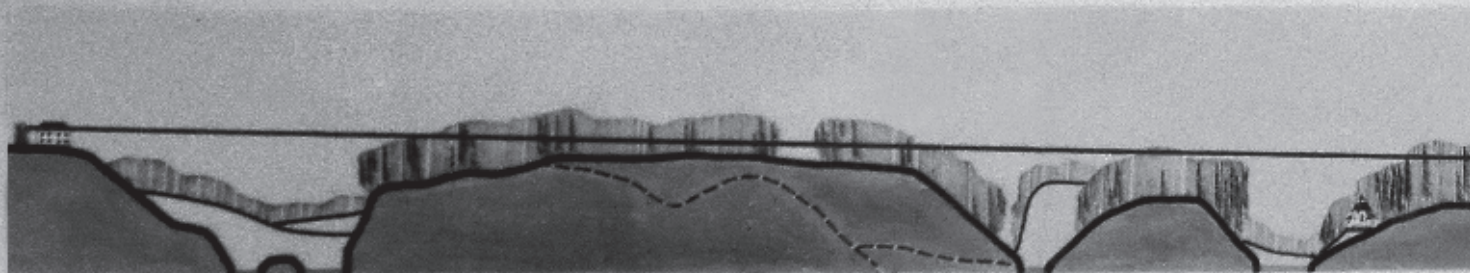
Тем не менее, 18 июня 1987 года на Валааме проходит совместное совещание валаамского поселкового Совета народных депутатов, музея заповедника и других заинтересованных организаций. От института «Ленгипрогор» присутствовал автор проекта посёлка на «Турнепсном поле» архитектор А.Г.Михайлов. От Министерства культуры КАССР – В.А.Дыбин. От Исполкома Сортавальского Совета народных депутатов – гл. архитектор В.Т.Кириянова. По результатам совещания выносятся ряд решений, в т.ч.: «... 1. Считать целесообразным и обоснованным выбор строительной площадки для нового жилого посёлка и объектов соцкультбыта (школа, детский сад-ясли, больница, поликлиника, торговые учреждения) на участке «Турнепсное поле»... 2. Рекомендовать институту «Ленгипрогор» на дальнейших стадиях проектирования разработку застройки посёлка усадебного типа по индивидуальным проектам. ... 4. Одобрить предложенный институтом вид туристического транспорта – канатную дорогу. 5. При приспособлении построек скита Всех Святых под Дом творчества иметь в виду, что он должен носить учебно-воспитательный уклон, не являясь учреждением отдыха на Валааме. ... 7. Институту «Ленгипрогор»: ... - при разработке технико-экономического расчёта

целесообразности строительства взлётно-посадочной полосы на о.Валаам для самолётов типа АН-2 и АН-28, учитывая сезонность перевозок, рассмотреть возможность организации только зимней взлётно-посадочной полосы на выбранной площадке в генеральном плане, без изъятия пахотных земель ... и вырубки леса; - рассмотреть организацию подсобного хозяйства на о.Валаам с полным обеспечением населения острова мясо-молочными продуктами, яйцами, овощами, рыбой, учесть возрождение и эксплуатацию фруктовых садов о.Валаам...».

Представляемый «Сердоболем» наряду с фрагментами Генплана проект посёлка на 450 человек (с развитием до 700) архитекторов А.Михайлова и И.Паньковского, свидетельствует о том, что его авторы учли данные на совещании рекомендации.

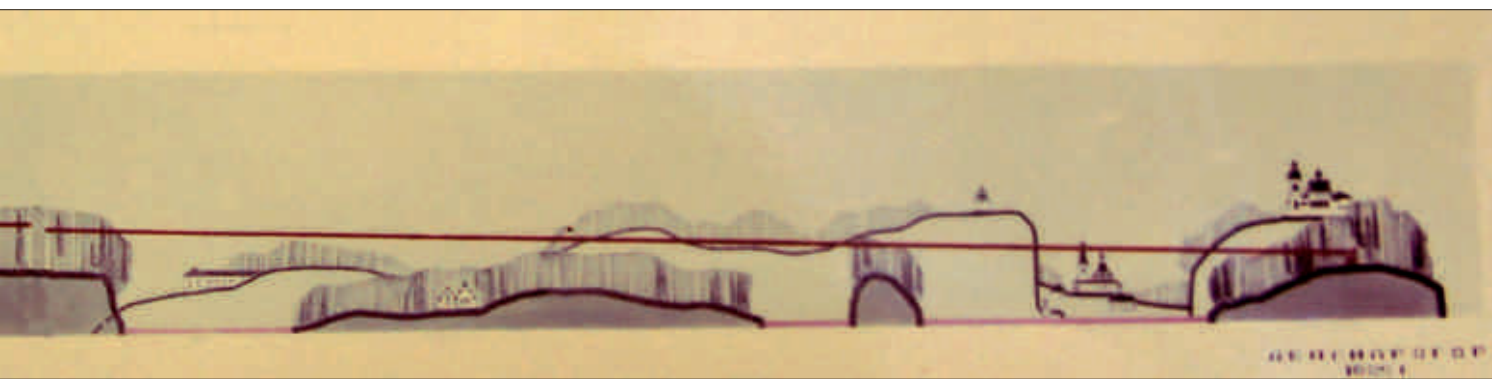
В соответствии с проектом, круглогодичное проживание населения обеспечивалось в жилых домах секционного типа, высотой до 3 этажей, а так же в индивидуальных усадьбах с земельными участками. Все дома проектировались по индивидуальным проектам, что в пору развитого типового строительства говорит о его неординарности. Но самым нетипичным было решение разместить все объекты обслуживания в одном общественном центре. Огромное помпезное здание должно было вместить в себе такие, в общем, не совместимые объекты: администрацию и спортзал с бассейном, больницу с поликлиникой и магазины, школу, сад-ясли и кафе, клуб и склады, и многое другое вплоть до патологоанатомического корпуса.

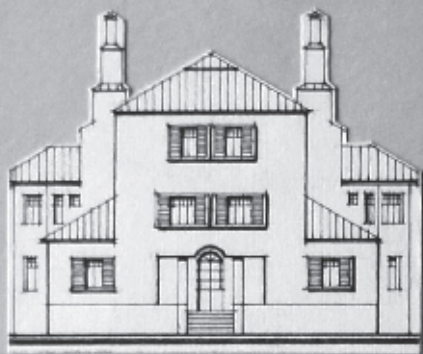
На стр. 110-111 (вверху и внизу) - развёртка трассы канатной дороги.
(Центр по охране памятников РК Карелии)

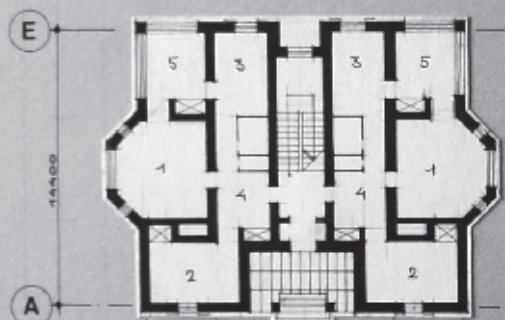

Образцы жилых домов посёлка на «Турнепском поле» (по I и II варианту)

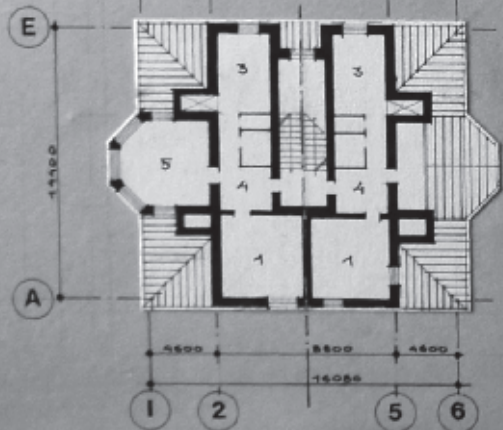

ПЛАН 1 ЭТАЖА

ПЛАН 2 ЭТАЖА

ПЛАН 3 ЭТАЖА

Пример планировочного решения для 6-ти квартирного дома:

1. Общая комната
2. Спальня
3. Кухня
4. Прихожая
5. Веранда
6. Хозяйственная постройка
7. Лоджия хозяйственная
8. Кладовая.

Более того, архитекторы предложили на выбор два стилистических решения. Одно – из красного кирпича, другое – белые, оштукатуренные фасады. По замыслу авторов, это должно было перекликаться с двумя стилями старых монастырских построек: «Красным» – Воскресенский скит, Работный дом; или «Белым»: скит Всех Святых», Спасо-Преображенский собор, каре и др. здания.

Насколько убедительно и удачно были бы осуществлены эти архитектурные задумки на практике, нам не суждено знать, поскольку тот Генеральный план конца 80-х гг. XXв., включавший в себя застройку «Турнепского поля» о. Валаама, так и остался на бумаге и на демонстрационных стендах, ныне хранящихся в архивах и музейных фондах.

Хотя всё это могло стать реальностью! Но работа по воплощению проекта приостановилась, не дождавшись финансирования в последние советские годы и полностью прекратилась, когда произошёл распад СССР. Государственный музей-заповедник ликвидировался. Возникла новая страна с новыми идеологическими ориентирами и новыми Генпланами новых структур. Неосуществлённый проект остаётся теперь артефактом и документом истории нашей большой и малой Родины.

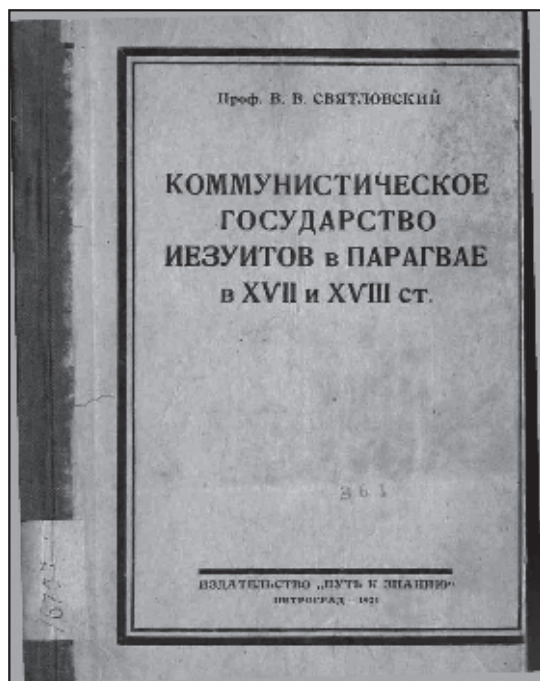
В.Рыстов, В.Кирьянова

«Сердоболь» благодарит за помощь при подготовке публикации сотрудников МКУ «Архив Сортавального муниципального района» - директора Анисочкину М.М. и архивиста Голяева А.В.

Использованы материалы:

1. «Дополнения к Генеральному плану Валаамского государственного историко-архитектурного и природного музея – заповедника» Ленгипрогор, 1986 год.
2. Протокол совещания руководителей учреждений и организаций пос.Валаам при председателе исполкома пос. Совета от 09.01.1987. (Архив г.Сортавала).
3. Госстрой РСФСР. № 9-15-29/94 от 09.03.87. «О корректировке генерального плана Валаамского государственного историко-архитектурного и природного музея – заповедника».
4. Протокол собрания коллектива Валаамского государственного историко-архитектурного и природного музея – заповедника от 20.05.87. (Архив г.Сортавала).
5. Протокол совещания по рассмотрению материалов корректировки генерального плана Валаамского музея-заповедника (Ленгипрогор, 1987г.) валаамским поселковым Советом народных депутатов, Валаамским музеем-заповедником и другими заинтересованными организациями. От 18 июня 1987 г.
5. Демонстрационные материалы к проекту нового жилого посёлка на о.Валаам. 32 планшета. Авторы А.Михайлов, И.Паньковский. Ленинград, 1987-88 гг. (Фонды Валаамского музея).

В этом номере альманах вводит новую рубрику «Старая книга». Думаем, она вполне соответствует концепции и стилистике нашего журнала и приживётся на его страницах в будущих выпусках. Надеемся, что она будет расширять кругозор наших читателей, знакомя их с забытыми, малоизвестными или редкими старыми изданиями, являющимися, тем не менее, важными и интересными для дня сегодняшнего. Возможно, не всегда представляемые старые книги будут напрямую относиться к истории нашего региона. Вот и первая наша публикация освещает далёкие события, происходившие вообще на другом континенте. Тем не менее, тема воплощения идеи справедливого социального устройства и соотношение этого с религиозным мировоззрением людей, взявшихся изменять мир, является, как никогда современной и актуальной. К тому же, описываемый в книге пример сосуществования парагвайских аборигенов с монашеской общиной может являться некой альтернативной исторической аллюзией по отношению к современным процессам, происходящим на Валааке в постсоветский период. Надеемся так же, что читатель сможет самостоятельно отделить идеологические и вульгарно материалистические «штампы» автора книги (что неизбежно для 1920-х гг.) от сути описываемых исторических событий.

Проф. В.В.Святловский
**Коммунистическое государство
 иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст.**
 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУТЬ К ЗНАНИЮ» ПЕТРОГРАД, 1924

*Профессору Михаилу Васильевичу Серебрякову
 на память многолетних дружеских отношений*

ВВЕДЕНИЕ

I.

Коммунистическое государство в Южной Америке - это не мечта и не ирония, не парадокс прошлого, а нечто реальное, действительное, осуществленное, продержавшееся в Южной Америке более полутора столетия. Государство иезуитов возникло в начале XVII в. и держалось до середины XVIII столетия, и, как это видно из ряда исторических документов и материальных свидетельств, представляло собою нечто интересное и своеобразное.

Почему же мы, русские, совсем не знаем этого государства, этого интересного и поучительного опыта практического осуществления коммунизма, этой одной из любопытнейших, но, увы, забытых страниц всемирной истории? Причины такого незнания понятны.

Мы не были осведомлены об этом парагвайском эпизоде, во-первых, потому, что крупнейшие события старого времени быстро и легко сглаживались в памяти людей, во-вторых, потому, что коммунизм в Южной Америке осуществлялся как раз в те дни, когда Россия не только была далека от социализма, но когда самое внедрение в русский быт начал европейского строя еще являлось далеким идеалом даже для немногих тогдашних передовых людей.

Парагвайский коммунизм возник как раз в то время, когда с треском падали исторические декорации самобытного московского царства, красочного и оригинального в своем полувосточном укладе, и вместо них тиранически водрузились европейские шаблоны «императорского», «Петербургского» периода.

Помните, как тихо кончал свое царение «тишайший» Алексей Михайлович, «великий государь всея Руси», как надвигался канун бурной Петровской эпохи, как кроваво воцарялся и с «презельною горячностью» действовал, и как, наконец, тяжело сходил в могилу первый, действительно, великий европеизатор России?, помните, как за его зловещей тенью шумно промелькнул пестрый и легкомысленный карнавал шести ближайших бездарных преемников гениального самоучки-новатора?

Словом, это был тот более чем полувековой период, время между серединой XVII и половиной XVIII столетий, — когда России было не до дел в Новом Свете и не до коммунистических идей. Между тем, как раз в это время, в Южной Америке возникало целое коммунистическое государство, возникновение и судьбы которого вскоре привлекли всеобщее внимание. Проследим же его зарождение и устройство.

II. ИСПАНСКАЯ КОЛОНИЯ ПАРАГВАЙ

В 1516 году испанец Дон-Хуан Диас-де-Солис открыл на севере Ла-Платы устье большой реки Параны и завоевал лежащие по течению этой реки плодородные территории, получившие название Парагвая. (Ренналь - Raynal. «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes». 3-й том, 1774, стр. 502.).

Диас именно «Завоевал» эти территории, так как они находились в руках бродячих туземцев, полукочевых индейских племен, принадлежавших к наиболее многочисленной и развитой южно-американской группе народов гуарани. Завоевал и... был ими убит и съеден, как ряд других пионеров и миссионеров. Парагвай понемногу заселялся, а затем разделился на четыре больших провинций: Тукуман, Санта-Крус де-ла-Сиерра, Парагвай и Рио-де-ла-Плата. Спустя тринадцать лет знаменитый мореплаватель Себастьян Кабот уже мог основать в Парагвае первый форт - Санто-Эспириту (1528 г.), а в 1536 году некий Хуан де-Айолас построил столицу Парагвая - город Ассунсион, куда вскоре (1542) были назначены из Мадрида особые управители.

Так возникла в Южной Америке новая испанская колония, захватившая обширные плоскогорья и равнины между Кордильерами, Бразилией и Уругваем по плодородным и низменным течениям громадных рек Парагвая и его многоводного притока Параны. В новой колонии, получившей наименование Парагвай, была введена, как уверяют, обычная испанская система администрации. Началась обычная в то время «европеизация» края.

Европейская культура в новых странах вводилась крестом и кнутом. Она сводилась, с одной стороны, - к обращению туземного населения в католичество, с другой - к превращению вольных кочевников в крепостных феодальных владений завоевателей, так наз. конкистадоров (conquistadores).

Тяжело было положение распределенных по имениям завоевателей поработанных туземцев. Испанцы свирепо относились к новому виду своей собственности в Новом Свете. Они мучили и истязали своих крепостных, этих своих новых рабов, непривыкших к тяжелому систематическому труду и беспрекословному повиновению.

Это учли появившиеся здесь - по одним данным, впервые в 1586, по другим - в 1606 году - иезуиты, начавшие энергичную пропаганду своих идей и проведение более либеральной и гуманной политики. Мягкость иезуитов и их умение приспособиться к разнообразным местным условиям способствовали глубокому внедрению в Парагвае влиятельнейшего католического ордена, ведшего в каждой стране свою особую политику. Здесь, в дебрях Южной Америки, вдали от европейского, да и вообще от всякого цивилизованного мира, иезуиты выступили в качестве социальных реформаторов коммунистического толка. Аrenoю их пропаганды были разные племена индейцев гуарани, кочевавших на обширной территории Южной Америки.

Для туземцев, вовлекавшихся в иезуитские миссии, наступило несомненное облегчение. Обращая их в католичество, отцы-иезуиты не поддерживают суровой системы феодализма, введенной испанскими завоевателями; они отстаивают политическую и экономическую свободу туземцев-христиан, воспитывая их в духе повиновения правилам религии и испанскому королю, - последнему, впрочем, номинально. Этот либерализм раздражает, с одной стороны, свирепую и консервативную колониальную власть, вызывает, с другой, сочувствие далекой метрополии и, наконец, что еще важнее в данном случае, привлекает туземцев. Они охотно вступают в «редукции» - миссионерские поселения, управляемые иезуитами без вмешательства местной светской власти, испанской или португальской, смотря по колонии.

В сороковых годах XVII столетия два влиятельных члена иезуитского ордена, работавших в Парагвае, - Симон Мацета и Катальдино, - разработали проект коммунистического государства и ввели в парагвайских миссиях своего ордена новое социально-политическое устройство, напоминающее по схеме идеи их соплеменника и современника, итальянского монаха-коммуниста Томазо Кампанеллы. Так в далеком от европейской цивилизации крае возникло в середине XVII века своеобразное коммунистическое государство иезуитов, единственный в эту эпоху исторический опыт, достойный внимания и изучения.

III. ПАРАГВАЙ И КАМПАНЕЛЛА

Время появления в Америке отцов-иезуитов - Мацета и Катальдино - было временем, когда в старой Европе народные массы тяготились существующим строем и когда отдельные более сознательные и развитые представители новых воззрений уже начинали мечтать о переустройстве окружавшего их социального порядка. Недовольство существующим было сильно, но пути его переустройства не были еще выяснены. О лучшей жизни, о будущем строе только робко и неопределенно мечтали.

Раздраженный угнетением богатыми помещиками-лендлордами деревенской бедноты английский гуманист, канцлер Англии Томас Мор, описал народные бедствия и, в противоположность тогдашнему порядку, изложил вымысел, фантазию, сказку, в которой рассказывалось о прекрасном устройстве страны, перешедшей на коммунистический порядок. Имя вымышленной им страны - Утопии - явилось и названием книги Томаса Мора, вышедшей в свет в 1516 году, и названием той формы мечты о лучшем государственном устройстве, которая теперь стала обычной. Прекрасною новою жизнью жили обитатели острова Утопии. Они были коммунисты, мирные и трудолюбивые. «Утопией» зачитывались, о ней мечтали, ей подражали. С этих пор вообще интересные планы будущего устройства излагались в новой создавшейся утопической литературе. Для привлечения внимания, описания нового социалистического порядка излагались в виде занимательных повестей, интересных романов и захватывающих путешествий в новые неведомые страны. Так возник новый вид литературы - утопические романы. В XVII веке появился ряд писателей-утопистов, рисовавших коммунистическое устройство в будущем. Отсюда ведет свое начало и первоначальная форма социализма, - мечтательного и неопределенного, - утопического. Таким образом родоначальником утопического социализма был английский писатель начала XVI века Томас Мор.

Вторым утопистом, видным последователем Томаса Мора, было духовное лицо Италии - монах Томазо Кампанелла. В своем интересном сочинении «Государство Солнца» (Civitas Solis), написанном в тюрьме в 1602 году, этот калабрийский монах-коммунист набрасывает утопический план нового коммунистического общества. Здесь развиваются идеи так наз. теократического коммунизма, при котором высшая власть в государстве принадлежит духовенству и который должен сменить современный Кампанелле общественный строй.

Иезуиты в Новом Свете, устроив сеть коммунистических религиозно-пропагандистских миссий, подчинили их орденскому духовенству, т. е. монашеской теократии. Хотя между идеями монаха Кампанеллы и деятельнос-

тью его врагов - «отцов-иезуитов» в Парагвае было много общего, но все же было бы ошибкой считать государство иезуитов простым воплощением идей Кампанеллы на практике. По всей вероятности, иезуиты даже не знали сочинения их гениального соотечественника, но корни воззрений как Кампанеллы, так и иезуитов были общие: они лежали в духе времени. Общие корни и семена дали сходные всходы.

Действительно, реальные условия той эпохи легко приводили религиозно настроенного и радикально мыслящего католика к тождественной идеологии, хотя Кампанелла в своем сочинении более последовательный и радикальный коммунист, чем иезуиты.

Вспомним вкратце основные положения «Государства Солнца», появившегося, кстати сказать, впервые в печати по-латыни в 1623 г. во Франкфурте, т. е. еще при жизни Кампанеллы, но спустя двадцать один год после написания. Кампанелла требует полного и последовательного коммунизма, отрицает частную собственность не только на средства производства, но и личную, презирает деньги, благородные металлы и драгоценные камни, которые он допускает только как средства в руках государственной власти для нужд ее товарообмена с соседями. Труд в «Государстве Солнца» обязателен, но граждане - «солярии» работают ежедневно по три часа и живут в роскоши. Политической свободы нет, да в ней и нет надобности: все раз и навсегда урегулировано, определено точно и неизменно. Суровый Кампанелла, не в пример Мору, последовательно отрицает индивидуальную семью и индивидуальный брак. Он признает общность жен и право государства регулировать брачные отношения по принципам искусственного подбора. Дети - достояние общества, воспитание их государственное. Государственное устройство - теократическое, по идеалу Фомы Аквинского; церковная иерархия играет в нем руководящую роль.

Коммунистический теократизм, введенный в Парагвае, не явился отражением какой-либо книжной доктрины, по крайней мере, об этом мы не имеем никаких исторических данных, но все же он невольно напоминает некоторые из идей Кампанеллы, опубликовавших свои взгляды в первой четверти XVII столетия, т. е. ранее устройства иезуитских миссий в Парагвае. Во всяком случае, можно сказать, что государство, организованное в Парагвае отцами-иезуитами, основано на ряде сходных идей, при чем и здесь, при отрицании частной собственности и усиленной религиозности, процветает торговля и товарообмен, хотя и внешние, но все же важные и прибыльные. Иезуиты здесь выступают в роли Платоновских философов, деспотически управляющих своим государством, живущих по-монашески, но ведущих коммунистическое хозяйство. Коммунизм последователен и систематичен, на нем покоится целое государство, поэтому-то оно и интересно. Парагвайский опыт сыграл крупную роль в истории государственных учреждений Западной Европы, которая в ту эпоху уже тревожно искала новых социально-политических путей.

IV. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПАРАГВАЕ

Мнения современников об этом интересном, крупнейшем и выдающемся социально-политическом эксперименте в европейской истории, длившемся к тому же около полутора столетия, резко расходились. Многие в духе времени, т. е. в духе Жан-Жака Руссо и его многочисленных единомышленников, так называемых

руссоистов, идеализировавших «простые и неиспорченные цивилизацию племена», от инков до славян, восторженно прославляли «новое слово» отцов-иезуитов. Они видели в гуарани тех детей природы, неиспорченных и наивных, которые давали почву для создания лучшей общественной организации. Другие, наоборот, не жалели красок для порицания и осуждения. Выдающиеся теоретики высказывали по этому поводу ряд важных и интересных соображений. Суаре с, Бугенвилль, Вольтер, Монтескье, аббат Рейналь, маркиз Помбаль и другие оставили много любопытных замечаний и мыслей по этому поводу. Так, напр., всегда саркастический Вольтер на этот раз снисходителен к иезуитам. В одном из своих сочинений («Essai sur les mœurs») Вольтер говорит: «Распространение христианства в Парагвае силами одних только иезуитов является в некоторых отношениях триумфом человечности». Центр тяжести его суждения - в вопросе о распространении религии, а следовательно, гуманизма.

Аббат Рейналь, учитель радикализма конца XVIII в., в своей семитомной «Истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» уделяет большое внимание Парагвайской республике (том 3-й, изд. 1777 г., стр. 300 и след.). Он дает восторженное описание иезуитской коммунистической организации, считая, что гуарани наслаждались под ее опекою земным раем. Он думает, что основная идея этого государства - «работа во славу религии, во славу гуманности». Хозяйственный строй, по его мнению, заслуживает похвалы и поощрения.

Монтескье в «Духе Законов» (книга 4, глава 6) говорит: «На долю общества Иисуса выпала честь впервые провозгласить в этой стране идею религии в соединении с идеей гуманности... оно привлекло рассеянные в лесах племена, дало им обеспеченные средства для существования и облекло их в одежду. Всегда прекрасно будет управлять людьми для того, чтобы сделать их счастливыми».

В том же духе высказываются аббат Рейналь, Бюффон, Лессинг, Виланд и другие писатели-романтики и все, кто исходил из теории необходимости приближения к природе.

К общему хору философов и моралистов не присоединяется только один Денис Дидро. Знаменитый энциклопедист в этом деле пессимистичен; он считает систему иезуитов «ошибочной и деморализующей». Таковы оценка «опыта» и взгляды передовых людей XVIII века.

Социалистическая литература XX века несколько иначе относится к парагвайскому опыту. В общем она его осудила, хотя некоторые не могли не признать всей его исторической важности. «Христианская республика иезуитов, - говорит Поль Лафарг, изучавший этот опыт по испанским литературным источникам, - вдвойне интересует социалистов. Во-первых, она рисует довольно точную картину того общественного строя, к осуществлению которого стремится католическая церковь, а во-вторых, она является еще и одним из самых интересных и необычайных социальных экспериментов, какие до сих пор кем-либо производились» (Поль Лафарг. «Поселения иезуитов в Парагвае». Монография во II томе «Истории социализма» К. Каутского, П. Лафарга, К. Гуро и Э. Бернштейна. Русск. пер., изд. 4. Спб. 1909 г. Стр. 265.)

Но тот же Лафарг не признает Парагвайское государство - коммунистическим, а, наоборот, считает «капита-

листическим государством, в котором мужчины, женщины и дети обречены на каторжную работу и наказание кнутом и, лишённые всяких прав, прозябали в равных для всех нищете и невежестве, несмотря на процветание земледелия и промышленности, несмотря на колоссальные богатства, созданные их трудом» (Там же. Стр. 289).

Еще отрицательнее относится к этому эксперименту известный Карл Каутский. В своей статье: «Государство будущего в прошлом» он усматривает в Парагвайской республике хитрую организацию для целей эксплуатации, созданную при помощи колониальной политики. Иезуиты просто воспользовались коммунистическими навыками индейцев для превращения их в орудие обогащения ордена. (Каутский. - Kautzky, K. в журн. «Neue Zeit», том XI, стр. 684).

К мнениям Лафарга и Каутского примыкает польский социалистический писатель Свентоховский, который признает Парагвайское государство утопическим, «поросшим мхом памятником на кладбище истории», но не видит в нем коммуны, а лишь «теократический союз предпринимателей, которые превратили дикий народ в своих невольников, организовав для них коммунизм предметов потребления». (Свентоховский, А. «История утопий». Рус. пер. М. 1910. Стр. 90).

По мнению же профессора Андрея Фойгта, Парагвайское государство, как раз наоборот, подлинное коммунистическое государство, доказавшее «возможность проведения коммунизма и справедливое воззрений Платона и Кампанеллы», но только дороною ценою. (Фойгт, А. «Социальные утопии». Рус. пер. СПб. 1906 г. Стр. 62.).

Буржуазный историк коммунизма Кирхгейм считает, что в Парагвае утопическая «мечта стала действительностью» и, притом, «идеал Кампанеллы не остался без влияния на основание Парагвайского государства», но это было искусственно построенное государство, «без жизненных задатков», «без свободы индивидуума», а потому оно и превратилось в развалины». (Кирхгейм, А. «Вечная утопия». Рус. пер. Изд. 1902 г. Стр. 102 - 120).

Лучший и наиболее беспристрастный историк ордена иезуитов Бемерт, внимательно изучивший историю Парагвая, решительно высказывается в пользу понимания Парагвайских редукций как «коммунистических общин, из которых каждая управляется патриархально, но самодержавно двумя-тремя отцами». (Бемерт, Г. «Иезуиты». Рус. пер. Москва. 1913 г. Стр. 330).

Конечно, с точки зрения современности весь парагвайский эксперимент - громадный исторический курьез. Модернизировать или переоценивать события прошлого не приходится. Но все же мы видели, что суждения о Парагвайском государстве всегда были резко разноречивы. В этом смысле современники иезуитского эксперимента и наши современники схожи между собою. Причина этого кроется несомненно в неустойчивости, с одной стороны, взгляда на коммунизм, с другой - в незнании действительных условий жизни в Парагвайских редукциях. Только XX век подошел несколько ближе к изучению реальной действительности иезуитского государства.

Современные писатели пользуются главным образом обстоятельным трехтомным сочинением Ксавье Шарлевуа: «История Парагвая», изданным в Париже в 1757 г., т. е. еще в дни иезуитского владычества в Парагвае, переведенным на немецкий язык и содержащим ряд ценных документов, указов и писем, вроде

важного письма отца ревизора Дона Педро Фаскарда к Филиппу V Испанскому (1721).

Несколько позднее появилось критическое сочинение испанской пограничной с Парагваем колонии - ее комиссара Дона Феликса де Азара «Путешествие в Среднюю Америку» (Париж, 1809), которому возражал декан кафедрального собора в Кордове Дон Грегори Фунес, издавший в Буэнос-Айресе в 1816 году «Гражданскую историю Парагвая». Сочинения Азара исследованы и в части опубликованы в *Анналах Национального музея в Монтевидео* Рудольфом Шулером, под редакцией которого в 1904 г. вышел большой том: «Geografia fisica y esferica de las provincias del Paraguay y misiones guaranies».

На основании названных сейчас книг Шарлевуа, Азара и Фунеса, а также некоторых других позднейших авторов (д'Орбиньи, 1834; Демерсея, 1861; Ла-Дарди, 1899 и др.) составил свою монографию Поль Лафарг, помещенную в сборнике монографий «Предшественники социализма» (Каутского, Лафарга, Гуго и Бернштейна).

Другую группу источников пользовался Е. Готхейн; «Христианско-социальное государство иезуитов в Парагвае», Лейпциг, 1883. Этот неумелый компилятор изучал преимущественно испанских авторов и, между ними, в первую очередь памфлеты против Парагвайского государства португальского министра маркиза де-Помбаля.

Все названные сочинения страдают одним общим недостатком - они пользуются недостаточно проверенным литературным материалом, сохранившимся в Испании, не касаясь архивных данных Иезуитского ордена. Все это позволяет думать, что истина еще не совсем установлена и что действительные черты Парагвайского государственного устройства не вскрыты с достоверностью и полнотой. Проследим происхождение и устройство этой своеобразной государственной организации.

Глава I

ИСТОРИЯ И УСТРОЙСТВО ПАРАГВАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА I. ГУАРАНИ И КОНКВИСТА ЭСПИРИТУАЛЬ

Географическое положение коммунистического государства Парагвай соответствует идеалам утопии: оно изолировано от соседей и может идти особою жизнью без связи с окружающими народами. Это, как известно, всегда был основной прием утопии. Мечтатели, желавшие создать человечеству новый социальный строй, демонстрировали картину его устройства одним приемом: они помещали свое государство будущего в неведомой, недоступной стране, частью на изолированном океаном острове, где жизнь развивается самостоятельно вне связи с окружающими народами. Таковы «Атлантида» Платона, «Утопия» Томаса Мора, «Базилиада» Морелли, «История севарамбов» Верраса и целый ряд других утопий до и после Кампанеллы и парагвайского эксперимента.

Парагвай плодороден, но изолирован, как Швейцария, без выхода к морю и, к тому же, почти неприступен, так как грандиозные пороги рек, являющихся единственным удобным путем в обширную страну, делают вход и водный путь в нее крайне затруднительным. (Ср. Karl Gamier. Paraguay. Иена, 1911. Здесь же литература: Bodenberger. Die Pampa in Westen der Sierra von Cordoba. Petermanns Mittheil. Gotha. 1879. См. также Decoud, H. Geo-graphia de la republica del Paraguay, Assuncion. 1906. Fischer-Treuenfeld. Paraguay im Wort und Bild. Berlin. 1906 и др.)

В начале XVII века отцы-иезуиты энергично взялись за дело обращения южно-американских туземцев в католичество. Это было не легкое дело, так как бродячие племена, в большинстве случаев каннибалы, не знали еще ни домашних животных, ни железных орудий. Рассматривая упавшего в битве врага как пищу, они даже искусственно откармливали своих женщин для еды в подходящее время. Вот этих-то кочующих охотников и рыболовов надо было сделать оседлыми земледельцами.

Племя гуарани состояло из бесчисленного множества мелких кланов, рассеянных по всему обширному пространству. Многие кланы жили в деревнях, расположенных на краю лесов и по берегам рек. Их члены добывали себе пропитание охотой и рыбной ловлей, собиранием меда диких пчел, встречавшихся в лесах в изобилии, и первобытным земледелием. Они сеяли маниоку, из которой приготавливали кассаву, возделывали маис и собирали жатву дважды в год, как уверяет Шарлевуа; разводили кур, гусей, уток, попугаев, свиней и собак. Оружием им служила трехгранная палица, по названию макана, и лук, который вследствие его шестифутовой длины и громадной упругости дерева, из которого он был сделан, приходилось натягивать, втыкая один конец в землю. Они с большой силой метали четырехфутовые дротики и «бодог», глиняные шарики величиною с орех, которые они обжигали на огне и носили в сетке. На расстоянии тридцати метров они разбивали таким шариком человеческую кость и убивали птиц налету. (Лафарг. «Поселения иезуитов в Парагвае» в монографиях «История социализма», т. II, рус. пер., 4 изд. СПб. 1909 г. Стр. 263 и след.)

Миссионерская работа среди такого народа требовала сильной воли, героизма, находчивости, редчайшего самоотвержения. Основною политикою было завоевание душ, духовная охота, «конквиста эспиритуаль» (*conquista espiritual*), которую впервые и ранее иезуитов, а именно в 1520 г., ввел в систему в Новом Свете знаменитый доминиканец Лас-Казас и которая легла в основу гуманного испанского законодательства об индейцах (середина XVI в.). Эту систему иезуиты осуществляли как среди племен гуарани, живших по течению рек Параны и Уругвая, так и среди других южно-американских народностей. В возможности их цивилизовать в ту эпоху вообще сильно сомневались. Поль Лафарг рассказывает, что епископ Ортес утверждал пред испанским двором, что индейцы «глупые создания, неспособные понять христианское учение и следовать его предписаниям».

Папа Павел III под влиянием Лас-Казаса разбирал на Римском соборе 1538 года спорный по тогдашнему времени вопрос: «люди ли индейцы или нет?» Иезуиты решили этот вопрос в положительную сторону и явились в Южную Америку как раз в период, когда «охота за краснокожими» была в полном расцвете. Проповедуемое ими новое направление вместо физического насилия и террора - духовное завоевание, знаменитая «конквиста эспиритуаль», шло совершенно вразрез с интересами белого населения в этих колониях. Естественно, что борьба из-за индейцев между иезуитами и колонистами велась в течение XVII века с большим ожесточением. Гнездом охоты за индейцами, продаваемыми в рабство, были колонисты штата Святого Павла или «паулисты», которые не прекращали своих «похвальных» занятий, несмотря на прямое запрещение испанского короля и

его наместника в Парагвае (Франциско Альвара в 1612 году). Борясь с защитниками рабов, паулисты не только изгнали (в 1640 году) из своих пределов иезуитов, но часто вторгались вооруженные на территорию иезуитских миссий, уводя индейцев-христиан для продажи в рабство. В первые годы XVII столетия в ведении иезуитского ордена находились индейцы районов рек Ла-Платы и Параны, которых они группировали в миссионерские округа («доктрины»), в Пуэбло, куда индейцы бывали вынуждены укрываться от нападений португальцев и колонистов штата Сан-Паоло.

Еще в 1610 году отцы-иезуиты, Симон Мацета и Кательдино, создали первую «редукцию», первый индейский городок в Парагвае - *Nuestra Señora de Loretto*, - из туземцев племени гуарани. Спустя 10 лет, т. е. к началу двадцатых годов XVII столетия, под их опекою находились уже тринадцать больших поселений со ста или несколько более тысячами краснокожих христиан. Затем иезуиты начали проникать в плодородную страну между Уругваем и Парагваем, но здесь они столкнулись с паулистами. Кровавые набеги и тяжелое разорение редукций заставили иезуитов переселить свою паству в новые места, в долину реки Параны. Руководитель переселения, отец Монтоха (Монтеха), героически повел через громадную бездорожную страну около 12000 католиков гуарани. 1200 верст ужасного пути стали могилою для трех четвертей эмигрантов, но и в новых местах редукции не спаслись от набегов. Пришлось выхлопотать от мадридского правительства право вооружить краснокожих-христиан ружьями, дать им военную организацию и создать свою собственную армию. С 1639 года иезуиты уже военной силою защищали свои редукции от набегов: с армией парагвайских миссий начали считаться, но все же былая идея расширения территории до Атлантического океана и надежда на создание обширного «государства» были оставлены. Государство иезуитов не вышло из пределов равнин среднего течения рек Параны и Уругвая. В этой стране, занимавшей около 200 тыс. квадрат. километров, находилось около 30 городов с 100 - 150 тысячами жителей. Помбаль называет это государство «республикою», а незадолго перед тем иезуитов обвиняли в стремлении организовать совершенно независимое от испанского престола государство.

В 1645 году те же Мацета и Кательдино выхлопатывают от короля Филиппа III привилегию для Общества Иисуса и для обращаемых ими в католичество туземцев, сводящуюся к невмешательству светской власти в их колониальные дела. С этого времени можно считать иезуитское государство окончательно укрепившимся. Оно представляло собою вполне самостоятельное политическое целое, хотя и находившееся номинально под светскою властью испанского короля. Отныне начался второй период истории иезуитского государства, определенный и однообразный.

В 1691 году тиронец о.Антонио Сепп посетил это государство и дал его описание, которое в 1757 году было опубликовано по-французски, а несколько позднее (1768 г.) по-немецки, как приложение к трехтомной книге Шарлевуа по истории Парагвая. (Charlevoix, Xavier. *Histoire du Paraguay*. Paris, 1757, т. III.)

II. РАССКАЗ о. СЕППА (1691)

Вот как описывает Сепп свое путешествие в государство иезуитов, куда в то время попасть можно было

только трудным водным путем по порожистым течениям Параны и Уругвая на мелко сидящих и разбирающихся плотках.

«В заливе, - рассказывает Сепп, - стоят двенадцать лодок; на каждой из них находится маленькая хижина, в которой могут поместиться два-три человека. Отцы могут здесь спокойно молиться, читать, писать, заниматься наукой, как в коллегии, потому что 300 индейских гребцов, которых они взяли с собой, не шутят, не поют, не кричат и не говорят. Молчаливые, как могила, они на веслах ведут вверх маленькую флотилию через безмолвный девственный лес, который тянется по обоим берегам величественной реки. Проходит неделя, две, четыре, - не видно ни малейшего признака человеческого жилья. Наконец как будто прекращается и самый водный путь. Бешеные пороги («Salta oriental») заставляют отцов выйти на берег и делать, таща с собой лодки, мучительный обход, чтобы добраться до верховьев порогов. Но в то же время эти пороги образуют барьер, замыкающий с юга государство иезуитов». Вскоре, вечером 1-го июня 1691 г., путешественники заметили на левой стороне поселение, расположенное на возвышенности и хорошо защищенное стенами и рвом. Это редукция Япейю, самый южный город иезуитского государства и в это время резиденция его губернатора - «великого отца». «Когда утром 2-го июня отцы уже готовились сойти на берег, внезапно раздался страшный шум и грохот, как будто от угрожающего нападения неприятелей. По реке подвигаются два фрегата. Они симулируют морскую битву, непрерывно обмениваясь пушечными выстрелами. В то же время на берегу вступают в сражение два эскадрона кавалерии и две роты пехоты с таким воинственным пылом, что изумленные зрители не могут поверить своим глазам и ушам». «Блестят мушкеты, бьют барабаны, звучат рожки, флейты и тромпеты», и среди всего этого все громче раздается дикий воинственный клич индейцев, которые устремляются со всех сторон, как бы вырастая из-под земли, чтобы встретить вновь прибывших, согласно индейскому обычаю. Наконец, несмотря на этот адский шум, отцы беспрепятственно сходят на берег. Их немедленно ведут в церковь под эскортом нескольких тысяч индейцев, под радостный колокольный звон, через ряды обвитых зеленью триумфальных арок. Здесь их ждет после долгого пути через девственный лес вдвойне привлекательная картина: огромная площадь, осененная зеленью прекрасных пальм, окружена со всех сторон крытыми галереями, за которыми возвышаются великолепные здания из камня и дерева. Одна сторона этого четырехугольного пространства вся занята огромной площадью, к которой примыкает иезуитская коллегия. Возле коллегии находятся обширные фабрики общины, магазины, арсенал, тюрьма, прядильная мастерская для старых женщин и для тех, которые совершили какой-нибудь проступок, аптека и больница. Напротив жилища и канцелярия корректора, местного начальника из туземцев, помощника руководителя-иезуита. Далее идут квадратные жилища туземцев, большею частью простые однокомнатные хижины из земли и кирпича. В них не привлекательно. Здесь теснятся отец, мать, сестры, братья, дети, внуки, вместе с собаками, кошками, мышами, крысами и т. д. «Здесь кишат тысячи сверчков и черных тараканов». Новичку, по свидетельству Сеппа, скоро становится дурно от невыносимого смрада этих

хижин. С гораздо большим удовольствием он посещает сады отцов, которые полны овощей, цветов, кустов, виноградной лозы, а также кладбище, украшенное пальмами, апельсиновыми и лимонными деревьями. «Отсюда посетитель выходит через одни из четырех ворот города на общественные поля редукции. Здесь он находит прежде всего гостиницу «Ramada» и разного рода промышленные заведения: кирпичные заводы, печи для обжигания извести, красильни, колокольно - литейные заводы, мельницы, приводимые в движение людьми и лошадьми. Немного далее он встречает прекрасно содержимые сады. Они образуют первую зону обрабатываемой земли. Далее идут обширные поля риса, табака, пшеницы, бобов и гороха в перемежку с плантациями чая, хлопка и сахарного тростника. Все эти поля содержатся в великолепном порядке. Только некоторые участки представляют весьма печальный вид: это земли, предоставленные в индивидуальное пользование туземцам. Выйдя за пределы полевых угодий, мы находим альмунду редукции - беспредельную ширь прерий и зарослей. Здесь пасутся 500 тысяч голов рогатого скота, 40 тыс. овец, до 1 тыс. лошадей и ослов редукции Япейю. Вдалеке, на горизонте, кое-где виднеются хижины пастухов, охраняющих стада редукции».

Таков же внешний вид и всех других, устроенных иезуитами редукций на территориях рек Параны и Уругвая.

III. ПОРЯДОК ЖИЗНИ И УСТРОЙСТВО РЕДУКЦИЙ

Посмотрим теперь, как жили в этих поселениях и как они управлялись.

Внутренняя структура населения редукций слагалась из двух классов - из руководителей, «отцов»-иезуитов, деспотических властителей страны, и из руководимых - краснокожих туземцев. Первых - маленькая горсть - от ста до полутора человек неограниченных правителей, так как власть испанского короля была чисто номинальной; вторых - от ста до двухсот тысяч, принадлежащих к одной и той же этнической группе, к племенам гуарани.

Иезуиты захватили власть в Парагвае не путем заговора или насилия, хотя изредка и это оружие они пускали в ход, а путем совершенно новым - путем «завоевания духовного», «охоты за душой», «конквиста эспиритуаль», т. е. убеждением и воздействием. Такой способ, трудный и необычный, мог иметь успех только в опытных руках людей недюжинных и духовно сильных.

Как известно, общая линия поведения отцов-иезуитов была очень вдумчивой, осторожной и, в целом, либеральной. Иезуиты талантливо приспособлялись к местному населению, изучали его особенности, нравы и обычаи. Здесь, например, они создали грамматику гуаранского языка, строили крепости против испанцев и вели борьбу против крепостного права, превращавшегося для индейцев в темное и жестокое рабство. С отцами-иезуитами для гуарани пришло освобождение и милосердие, внимание к нуждам и облегчение феодального ига. Само собою понятно, что при этих условиях они являлись желанными для туземцев. К тому же последние состояли из групп более склонных к культуре и воздействию. Среди южно-американских племен попадались и такие, как, например, племена имбаи, воинственные и свирепые людоеды, которые никогда и никому не поддавались. Гуарани, наоборот, были иные, податливые и уступчивые.

Решительный переход к новому строю начался в сороковых годах XVII столетия, со времени появления во главе парагвайских миссий «провинциала» Диего Торреса и затем отца Монтохи, удивительной личности и фактического парагвайского социального диктатора, о котором уже говорилось. Социальная революция в Парагвае произошла тихо и незаметно. Внедрение основ нового коммунистического строя завершилось к концу второй половины XVII столетия. Государство создавалось для организации правильной религиозной жизни верующих в духе первых христиан. Цель его была - спасение души, средства - коммунистическое хозяйство, имущественное равенство. Такой порядок требовал, в свою очередь, изоляции края от внешних влияний и вмешательства, т. е. изолированности политической, духовной и экономической. Это и достигалось рядом последовательных и решительных мер.

Свои политические независимые владения иезуиты разделили на 31 округ или «доктрины». Каждая колония или «редукция» управлялась особыми лицами - членами ордена, «отцами», в помощь которым избирались лучшие туземцы - «коррехидоры», действовавшие по указаниям патеров. В каждой редукции были два главных патера - один руководитель-администратор, другой - духовник-исповедник. Они управляли, стараясь не сталкиваться в обыденной жизни с своею паствою, держась от нее далеко. Они строжайше должны были чуждаться индейских женщин, а исповедники вообще только в редких случаях показывались народу. С населением сносились преимущественно через коррехидоров. Во главе всей сети колоний и, тем самым, всего иезуитского государства стоял Кордовский провинциал и четыре его советника. Число членов ордена, занятых в Парагвае, было не велико, не более ста - ста двадцати на все тридцать колоний или округа.

По этому одному можно судить о той мощной и необычайной энергии, которую должны были проявлять эти социальные реформаторы и руководители. Работа их была колоссальна. И действительно, в руках иезуитов сосредоточивалась вся полнота власти как светской, так и духовной. Исповедники и администраторы, пропагандисты и руководители, они имели в своих руках все виды оружия, все виды воздействия: и духовника, и правителя, и судью, и даже военачальника. К тому же в большинстве случаев, как видно из их сохранившихся биографий, перед нами люди незаурядные, а некоторые, как Диего Торрес или особенно Монтоха, исключительно выдающиеся.

Первым актом Диего Торреса было получение от короля привилегии на организацию в Парагвае колоний, поселков, редукций без всякого участия, вмешательства и даже проживания в них испанцев. Конечно, по мере роста редукций и их хозяйственного успеха ненависть и зависть соседей испанцев и португальцев все возрастали. Неприязненность, клевета, а иногда открытая вражда ряд лет составляли содержание соседских отношений. Иезуитов обвиняли в сокрытии золотых россыпей, в эксплуатации туземцев и пр. Испанцы просто мечтали вернуть туземцев к крепостной зависимости и т. д.

Целый поток доносов и жалоб, инсинуаций и клеветы постоянно изливался на головы руководителей коммунистическим государством в Парагвае. В итоге - бесконечный ряд расследований и следствий со стороны папского престола, генерала ордена и всяких светских

заокеанских властей. Ряд поколений метрополия ревниво следила за этою колонию.

Между тем жизнь туземцев протекала по определенному руслу. Отцы-иезуиты бесконтрольно и безответственно управляли жителями, число которых было около ста тысяч человек, а в лучшие годы государства, т. е. в период с 1718 по 1732 г., доходило до 150 и более тысяч человек. Гуарани жили в небольших поселках-городках, вмещавших от двух с половиною до семи тысяч жителей каждый. Поселки были укреплены и изолированы. Деревень или хуторов в Парагвае не было. А между тем край был богат и обилен. Урожай риса собирался дважды, пшеницы тоже. Плоды и мед были в изобилии. Озера и реки кишели рыбой, леса - оленями, козами, кабанами, дикими лошадьми и рогатым скотом. В 1730 г. в Буэнос-Айресе за 2 иголки можно было выменять лошадь или быка. Перепелки и рябчики водились в таком изобилии, что их убивали палками. Необычайное природное богатство увеличивалось еще трудолюбием индейцев, в итоге богатство и обилие.

Вся жизнь туземцев в городках была строго регулирована. В основе строя лежало отрицание права частной собственности, частной торговли и инициативы. Деньги, денежный оборот и всякая торговля воспрещались и фактически отсутствовали. Каждый был обязан трудиться по указаниям и в предписанное время.

Все имущество страны было объявлено божьим, собственностью бога - Тупамба; на все было наложено своего рода новозеландское табу. Ничто в стране не могло ни отчуждаться, ни приобретаться, ни обмениваться, ни завещаться. Все жители объявлялись имущественно равными, и всякие излишки отбирались «в общий котел».

Избытки общего труда, а их было немало, поступали во владение государственной власти, которая одна вела иноземную экспортную торговлю. Эта торговля, значительная и прибыльная, давала ежегодно отцам-иезуитам в пользу ордена до 2 миллионов франков, - почтенная рента по тогдашнему времени.

Отцы-иезуиты энергично торговали, но вне своей страны. Главнейшими пунктами экспорта были портовые города Буэнос-Айрес и Санта-Фе. Так как при внешних сношениях туземцы могли бы подвергнуться пагубному, по мнению отцов-иезуитов, влиянию соседей, в частности, испанцев, то не только для торговли, но и вообще выезд за границу, как и доступ в страну, были совершенно затруднены, а без согласия и разрешения отцов-иезуитов даже и невозможны. Переезд из округа в округ без особого разрешения тоже не допускался. Если туземцам приходилось ехать с товарами в Буэнос-Айрес или Санта-Фе, то их всегда сопровождал патер, зорко следивший за ними и не пропускавший случая тут же отметить спутникам выгоды коммунистической христианской жизни перед нечистой испанской. Патеры, в сопровождении группы одинаково одетых гуарани, были хорошо известными фигурами Буэнос-Айреса. Они и здесь не упускали случая для назидательных разговоров и наставлений. Испанцы изображались патерами как орудия дьявола. В каждом из белых колонистов, по уверению отцов, сидел злой дух, стремившийся только к золотому тельцу, - верная аллегория, часто понимавшаяся наивными туземцами в буквальном смысле слова.

Все население исповедовало христианскую религию, тезисы и обряды которой ставились во главу угла. Но

католицизм не мешал процветанию суеверий, которые поддерживались иезуитами. Впрочем, формально христианство исповедовалось в самой строгой форме, с точным соблюдением всей обрядовой стороны. Внешнее благолепие ставилось при этом на первый план. Даже свидетельства о крещении торжественно изготовлялись в Риме. Папа ревностно почитался главою церкви, наместником Христа на земле, а отцы-иезуиты - посредниками между богом и индейским населением.

Религии и богослужению отводилось в Парагвае очень много места. Присутствие при богослужении было для всех обязательно. Все население неукоснительно посещало все службы, молилось, исповедовалось, причащалось установленное число раз и принимало деятельное участие в церковных церемониях и пении. что, естественно, вело к беспрекословному повиновению священникам и их управлению не только поведением, но и помыслами всей паствы. Отсюда один шаг к системе аскетических упражнений и к религиозному фанатизму, которые особенно усиленно поддерживались. В этом смысле мы видим полнейшее осуществление теократического идеала Кампанеллы.

Итак, церковь, ее нужды, жизнь и вопросы занимали первенствующее место; это давало определенное направление и содержание духовной жизни гуарани, создавая своеобразную религиозную общину. Церковная архитектура, как видно из сохранившихся гравюр и из описаний д'Орбиньи (1830 г.), представляла собою единственную внешнюю роскошь, музыка, хоры и даже танцы при богослужении - главнейшее развлечение. Церковные интересы и религиозное настроение наполняли душу гуарани. Мечты о христианских добродетелях были высшим проявлением духа, что поддерживалось участием в духовных братствах.

Благолепие богослужения и внешняя обрядность занимали все время. Церковь своею внешностью тоже способствовала повышению духовного интереса. Церкви строились из камня, красивой и прочной архитектуры, с солидными украшениями. Стены со слюдой, резьбою и инкрустацией, алтари, украшенные золотом и серебром. На развитие музыкальной и вокальной части религиозных церемоний обращалось особое внимание.

Положительные и отрицательные стороны такого массового воздействия и воспитания были налицо: нравы несомненно становились мягче, поведение скромнее, но лицемерие и ханжество естественно свалили себе здесь прочное гнездо. Вопрос о направлении духовной культуры, таким образом, разрешался просто.

Население было очень однородно: туземцы или метизированные туземцы нескольких родственных племен и руководители - отцы-иезуиты: никакие иные европейцы или власти иного порядка или типа в редукции не допускались. Следовательно, никакого духовного восстания, оппозиции и противодействия не могло быть. Не могло быть и борьбы за индивидуализм, этой полярности и разлагающей силы против коммунизма.

Посмотрим теперь, в каких материальных условиях находилось и жило все население парагвайских редукций. Центром внимания было насаждение евангельских добродетелей: равенства, послушания, скромности и бедности. Отсюда - один шаг к идее общности имущества первых христиан, легко под влиянием утопий нового времени превращавшейся в коммунизм.

Вся однородная масса населения находилась на иждивении и попечении государства и жила в совершенно одинаковых условиях. Порядок жизни и существования устанавливался как для каждого дня, так и для всего течения жизни. Священники появлялись под величавую музыку, при фимиаме и пении, во всем блеске великолепных одежд. Все было строго и заранее регламентировано на основах коллективного пользования, принудительного труда и поголовного имущественного равенства. В итоге не было ни бедности, ни богатства, ни нищеты, ни роскоши, т. е. не было обычных социальных бедствий, раздирающих индивидуалистический строй. Зато налицо были и однообразие и казарменная монотонность жизни. Внутреннее содержание жизни парагвайцев давала церковь, ее службы и обряды, а это не могло всего заполнить, даже у гуарани; поэтому жизнь парагвайских коммунистов была бедна другими внешними впечатлениями. Театра или иных общественных развлечений не полагалось. Танцы не поощрялись. Редукции - небольшие городки, были очень монотонны, трафаретны. Общественной роскоши никакой. В этом смысле описание красот города Солнца с его уличной хроматией на стенах выгодно оттеняет серую скуку парагвайских поселений. Здесь в противоположность фантазии Кампанеллы, кроме церквей, магазинов и мастерских, да кое-где кирпичных заводов, никаких общественных учреждений и общедоступных зданий не было. Все частные хижины были крайне однообразны, бедны и неудобны. Они строились плохо и из плохого материала. Жилищный вопрос стоял здесь, несомненно, на первой очереди. Вообще скудость и бедность внешней обстановки этих крохотных и тесных городков была удручающей. Только субтропическая природа за селениями несколько смягчала скуку редукций. За изгородью из колючих кактусов тянулись рисовые и тростниковые поля, хлопковые и чайные плантации, целые апельсиновые рощи. Рогатый скот разводился в большом количестве, но надзор за неистреблением его отнимал много времени у патеров, так как туземцы весьма охотно тайно истребляли скот, быстро пожирая мясо убитых ими животных.

Точно так же преследовалось пьянство. Борьба с ним велась особенно энергично. За пьянство давались наказания. Вообще к наказаниям прибегали.

Случалось, напр., что туземцы являлись к патеру с заявлением, что бык сбежал или зарезан ягуаром. В действительности животное съедалось туземцами, что скрыть было трудно. Заявление о пропаже делалось с чистосердечным, наивным видом, не без огорчения о случившемся. Патеры отлично знали цену таких заявлений, назначали положенное число ударов и делали соответствующие внушения.

Законов писанных не было. За проступки следовали наказания. Вообще же скала уголовных и иных наказаний была несложна. За отсутствием свода законов юриспруденция у этих коммунистов была не в фаворе, - все сводилось к правилам и обычаям. Согласно последним система наказания была такова: 1) замечания и выговор, 2) публичное порицание, 3) физическое наказание, но не свыше 25 ударов, 4) тюремное заключение, но не свыше десяти лет, хотя первоначально убийцам назначали и пожизненное. Смертной казни ни теоретически, ни фактически не существовало.

IV. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПАРАГВАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Перейдем к рассмотрению занятий и промыслов.

Рогатый скот был, как было сказано, предметом особого внимания коммунистических властей. Кроме скота, население могло пользоваться еще ослами, но ездить на лошадях простым жителям воспрещалось. Лошадью могли пользоваться только чиновники или молодые воины, которым вручался также надзор и за стадами. Боязнь восстания и побегов, по-видимому, играла при этом известную роль.

Каждый работал на себя в поле не более трех дней, остальное время представляло собою сплошной субботник, посвященный государству.

Сельское хозяйство шло как на удовлетворение продовольственных нужд, так и для нужд экспорта. Главнейшую пищу населения служил маис. Маисовые поля и поля хлопчатника были важнейшими предметами культуры. Новые растения, полевые и огородные, охотно культивировались. Сады и огороды славились в окрестностях и уцелели и после распада иезуитского государства.

Весь урожай шел в общественные склады. Оттуда распределялось и выдавалось все продовольствие, для всех равное. Отсюда выдавалась и пряжа для тканей, в которой ежедневно вечером женщины давали отчет.

Хранитель кладовой выбирался из числа пожилых, наиболее надежных коммунистов-корректоров.

Несколько раз в году выдавалась мануфактура на платье из запасов собственного изделия. Платья имели простой и скромный вид, но все же внешний вид коммунистов был лучше и опрятнее, чем у испанцев, ходивших часто в лохмотьях.

Только по вопросу обуви отцы держались взгляда, что это совершенно излишняя роскошь.

Самое питание жителей находилось тоже под строгим наблюдением отцов. Туземцы Южной Америки были каннибалы. Индейцы питались всегда почти сырым дымящимся мясом, проведенным раз-другой через огонь, а вареное бросали собакам. При этом они могли съедать в любое время необычайное количество свежей убойны. Их надо было переделать в этом отношении. Отцы-иезуиты упорным трудом и выдержанной настойчивостью перевели свою паству с употребления мясной пищи преимущественно на пищу растительную. Хотя мясная пища давалась им в изобилии, но отпускаемое туземцам мясо отцы-иезуиты позволяли употреблять лишь жареным или вареным.

Поэтому, основывая свои округа и редукции, отцы-иезуиты всегда были крайне озабочены разведением скота. Так, устраивая миссию у более северного племени чикви-тосов, патеры предварительно привели из-за Кордильеров небольшое стадо рогатого скота, которое затем заботливо размножили.

Зато в южных редукциях скот был в изобилии. В одном городке Уарейу насчитывалось около 1/2 миллиона голов скота, в Сен-Мигуэле (поселок в 7 тысяч жителей) рогатого скота было еще больше, здесь имелись также громадные стада овец, разводившихся ради шерсти. Некоторые редукции насчитывали стада в 30.000 голов овец. Стада поручались заботам молодых патеров. Им в помощь давались вооруженные верховые индейцы, проходившие особое воинское обучение. Лихая и отважная молодежь должна была

владеть оружием и копьем настолько в совершенстве, чтобы не пасовать перед испанцами соседних территорий, природными наездниками и «гаучосами». Устраивались специальные кавалерийские школы и конские ристалища, чтобы высоко держать знамя южно-американского «гаучоса». Один из отступников иезуитского ордена писатель Ибанес (Ibanez) иронически замечает в своей книге о Парагвае, что иной патер лучше умел скакать сотни верст за потерявшейся коровою, чем составлять проповеди.

«Христианнейшая республика», основанная иезуитами без всяких внешних препятствий для полного осуществления евангельских принципов, оказывается, при ближайшем рассмотрении, очень остроумною и прибыльною смесью крепостничества и рабства. Индейцы, как крепостные, должны были сами производить средства для своего пропитания и, как рабы, были лишены всякой собственности.

Материальное благополучие их оказывалось очень условным. Одежда была бедна и скудна. Дома строились из тростника, облепленного глиной, без окон и дымовой трубы. Очаг находился посреди пола, а дым выходил, как в русской курной избе, из щелей и дверей. Все сидели на полу и спали без постелей. Не было ни аптек, ни больниц, Эпидемии же были часты и свирепы. А край был богат, и трудолюбие значительно.

Ежедневно из стад на бойни поставлялось определенное число скота. С бойни мясо распределялось по семьям редукции. Ежедневно городок С - Мигуэль расходовал 40 быков для своего пропитания; это составляло, считая средний вес животного только в 20 пудов, около 4 1/2 ф. мяса на едока, что нельзя не считать чрезмерным.

Так же щедро выдавался чай. В ином положении было дело с солью, которую доставали с большим трудом. За центнер соли патеры тогда платили 16 талеров, а потому соль выдавали только по воскресеньям в виде особой премии или награды.

Кроме сельского хозяйства, население в Парагвае было занято и промышленным трудом, ремеслами и индустрией. На особом положении были ремесленные работы, развитию которых отцы-иезуиты придавали большое значение. Некоторые из ремесел были художественного типа, некоторые ставились на большую ногу, напоминая начатки будущих мануфактур.

Ремесленные мастерские находились вблизи квартир патеров, так как последние особенно часто инспектировали производство. В некоторых редукциях, где были вдовы дома, процветали и женские рукоделия, некоторые виды рукоделия носили художественный характер.

Важнейшие ремесленники - кузнецы, столяры, портные, сапожники, ткачи и пр. - имелись в каждом поселке. Они бесплатно исполняли каждому все необходимые работы. Часовое ремесло, выделка инструментов и изделий из кожи, производство статуэток и резных изделий, живописные работы и пр. производились в ряде мест с большим успехом. Каменные работы и постройки выгодно выделяли страну иезуитов в то время, когда соседние территории вынуждены были довольствоваться глинобитными хижинами. Вообще «государство иезуитов» в диких дебрях было единственным индустриальным государством Южной Америки, но, конечно, продавать свои промышленные изделия оно не могло.

В Мадриде на коммунизм и на занятия туземцев смотрели далеко не сочувственно и постоянно производили ревизии. Один из ревизоров, Дон Педро Наскардо, уверял короля, что «поселения достойных отцов являются христианской республикой, где царствует самая возвышенная невинность и, быть может, за целый год не совершается ни одного смертного греха». Миссионеры достигли таких результатов, упорно воспитывая дикарей, склонных ко всяким порокам.

Материально они бедны, но обеспечены на год, что важно при беззаботности и легкомыслии туземцев. «Все, что производят индейцы, - писал епископ Буэнос-Айресский, - обеспечивает им только ежедневное пропитание; пища состоит из мяса, риса и овощей. Одеваются они в грубые простые ткани; излишек идет на постройку и содержание церквей». Впрочем, в действительности было не так, ибо существовала еще и внешняя торговля. К ней и перейдем.

V. ТОРГОВЛЯ И ЭКСПОРТ

Торговля этой неторговой страны сводилась к экспорту сельскохозяйственного сырья; хлопчатник, кошениль, чай были главнейшими предметами оптовой торговли.

Само же коммунистическое государство нуждалось в поваренной соли, извести и металлах, особенно в железе. Все это можно было получить только путем внешней торговли. Но государство иезуитов было островом среди культуры иного типа. Оно было именно таким, каким должно быть всякое утопическое государство по методу Томаса Мора или Кампанеллы, изолированным, иначе его строй рушится. Получалась коллизия между политической, даже социально-политической необходимостью в изоляции, так сказать, в самоблокаде и необходимостью во внешнем товарообмене, во внешней торговле. Понятно, что государство, нуждавшееся во многом, не желавшее оставаться на первобытной ступени развития, должно было иметь товарообмен с соседями, т. е. торговлю. Это-то и являлось самым уязвимым местом политики ордена. Наличие торговли представляла собою прямое нарушение канонического запрета, это с одной стороны. С другой - торговля и денежный оборот являлись как раз теми основными институтами, на которых покоилась вся система меркантилизма. Таким образом, торговая деятельность в Парагвае была равносильна служению самому злободневному виду золотого тельца, т. е. измене своим идеалам.

Никому, конечно, не было дела, что коммунистическое государство только из внешней торговли могло извлечь необходимые ему денежные ресурсы, без чего не мог функционировать народнохозяйственный аппарат всей страны. Денег внутри страны не было, их не чеканили и не печатали. Конечно, в личных кошельках патеров, а, может быть, и в государственной казне было некоторое количество денежных знаков как необходимая валюта для иноземного оборота, но официально в пределах парагвайского коммунистического государства деньги отсутствовали. При расчетах переносили со счета на счет без наличной уплаты.

Единственный раз деньги, как таковые, появлялись на официальной арене; это - при венчальном обряде. Свадебная церемония по старому обычаю требовала вручения женихом невесте металлической монеты. Перед венцом туземцу выдавались монеты; он их вручал

своей суженой, а после венца деньги вновь возвращались церковнослужителю. Деньги, таким образом, являлись только аллегорией и, притом, довольно темною.

Безденежно служили и солдаты. Но коммунистическая армия была скорее типа милиции; об особой организации кавалерийской части уже было сказано. В этой армии поддерживался воинский дух, и она в силу военных упражнений, по-видимому, представляла собою некоторую силу. В каждом селении или редукции был отряд пехоты и кавалерии. Вооружение - смешанное, туземное и огнестрельное. Главное управление миссий содержало еще наемный отряд смелых абипонских наездников, славившихся храбростью и лошадьми.

Армия иезуитов вела несколько победоносных войн. В 1653 году она освободила столицу Парагвая Ассунсион. В 1667 и 1671 гг. освобождали Буэнос-Айрес, блокированный англичанами. Когда наместник Парагвая (Дон Хозе Антекверра) вступил с ними в войну, он был разбит двенадцатитысячным войском туземцев, руководимым иезуитами и европейскими офицерами. Часто случалось, что католики туземцы пользовались военными действиями, чтобы навсегда уходить в леса и возвращаться к бродячей жизни.

VI. СЕМЬЯ И БРАК, ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ, НАУКА И ИСКУССТВО

Жители «Города Солнца», как истинные коммунисты, не знают индивидуальной семьи и индивидуального брака. По идее Томазо Кампанеллы, все дети принадлежат обществу, а половые отношения регулируются государственной властью.

В Парагвайской организации индивидуальный брак и моногамная семья сохранены, но бракосочетание - дело отцов-иезуитов. Не только в религиозном, но и в государственном смысле они регламентировали все, даже половые отношения. Все, достигающие 14 лет девочки и 16 лет подростки-мальчики, представляют собой материал для вывода здорового поколения. Вступление в брак позднее указанного возраста разрешается с большим трудом. Для заключения браков было установлено два срока в год не без непосредственного вмешательства ордена: «Правда, иезуиты постоянно утверждали, что браки совершались по взаимной склонности и что существовало множество образцовых семейств. Однако, к бракам туземцы относились с некоторым индифферентизмом, даже с некоторым презрением.

Поэтому, например, ночью раздавался звон колокола, который должен был напоминать супругам об их супружеских обязанностях» (Кирхгейм, А. «Вечная утопия». Рус. пер. СПб. 1902 Стр. 31.)

По-видимому, молодежь редукций не во всем разделяла взгляды отцов-иезуитов. В литературе о Парагвае известен случай, а, возможно, что он был не единственным, когда юноши и девушки одной из редукций восстали и ушли на долгое время в горы. Отсюда они похищали стада для убоя, и только с трудом отцам-иезуитам удалось убедить беглецов вернуться. Их брачные союзы, возникшие на свободе, были узаконены.

Воспитание детей начиналось очень рано. Образование сводилось к усвоению религии, к умению читать и писать на своем родном языке и, для более способных, к начаткам латинского языка. Европейских языков, литературы и истории, обычаев и законов они не знали. Указу Филиппа V (1743 г.) об обучении туземцев

испанскому языку иезуиты прямо сопротивлялись, спасая, по их мнению, свою паству от развращения соседями. Этот отпор иезуиты, по-видимому, давали тем охотнее, что в числе их разноплеменного состава особенно мало было испанцев. Детей обучали до и после богослужения.

Вся книжность сводилась к нескольким книгам на туземном языке (гуарани), на котором имелись катехизис и рассказы из жизни святых. Книги при этом служили больше для надобностей самих отцов - иезуитов, чем туземного населения. Зато обращалось большое внимание на усвоение религиозных истин и на поведение.

Собственно, вся жизнь парагвайского республиканца представляла собою одно непрерывное воспитание. Обучение прекращалось с замужеством или женитьбой, но назидательное наставление и нравственное поучение не прекращалось до гроба. Центром высшего просвещения была редукция Кордова. Здесь находились «Кордовский университет» и типография.

Система воспитания и распорядок жизненного уклада не давали в Парагвае места для личной свободы. Индивидуум находился здесь в заранее строго определенных рамках, постоянно составляя необходимую часть целого, т. е. всего коммунистического государства. Личность отдельного человека рассматривалась только как часть всего коллектива. Жизнь и деятельность государства наполняла своим содержанием личную жизнь парагвайского гражданина. Он мог, как древний римский стоик, воскликнуть: «*Salus populi suprema lex!*»

ВИИ. ОБЩИЙ ХОД ЖИЗНИ

Индейцы, говорит Поль Лафарг, были, «точно кролики в парках», заперты в миссиях, окруженных рвом и часотоклом в предупреждение побегов и сношений с внешним миром. У входных ворот - часовые, спрашивающие письменный пропуск. После определенного вечернего часа никто не мог ходить по улице. Патруль «из лиц, на которых можно положиться», каждые три часа проходил по всем улицам, чтобы никто не мог покинуть дома, не сообщив, что его побудило к этому и куда он идет.

Вспомните рассказы Купера или Густава Эмара, которыми каждый в юном возрасте зачитывался. В этих опозитизированных, гордых и вольнолюбивых детях широких прерий много первобытной девственной прелести. Как ужасен для них такой режим! И все эти «Следопыты» и «Орлиные Глаза» превращались в кадры верных и зорких полицейских, в послушное орудие патеров, в карающую руку за проступки и преступления, навешанные природою и вольностью. Покаянная рубашка и поцелуй руки да наказание - вот то величайшее извращение человеческой природы, которое приводило в умиление залетных гастролеров далекого края, как Фунес или Уллоа.

Церковные украшения, бесчисленные богослужения и участие в ряде братств имени разных святых - вот другое худшее стеснение, где умерщвление духа свирепствовало с еще большею методичностью. И вся эта незримая миру инквизиция протекала при улыбах благочестия и наставлениях о святости. На дне этой бойни индивидуального духа зияла черная пасть исповедални. Вот где происходило умерщвление личности, вот где происходили бескровные пытки духовного застенка. Так насаждалась девственному народу

высшая культура, тот земной рай, в который он вгонялся духовною дубиною и скорпионами бичующих наставлений.

Зато на другой чаше весов в противовес поруганной свободе личности лежали ордера на равенство и сытость, на сытое равенство и равенство в сытости.

Итак, в коммунистическом государстве Парагвая отсутствовала и индивидуальная свобода, и свободная критика окружающих условий. Их заменили, как мы видели, строго установленный порядок, которому необходимо было беспрекословно повиноваться, и распоряжения отцов - иезуитов, являвшиеся высшим законом для жителей.

Отсутствие свободы при наличности принудительного труда приводило к тому, что туземец постепенно утратил право свободного передвижения. Для хозяйственного оборота в этом передвижении не было надобности. Ни отдельные лица, ни отдельные редукции ничем личным, частным не владели; отсюда не было необходимости передвигаться по чисто хозяйственным надобностям и причинам.

Вся жизнь от колыбели до могилы была строго распределена и планомерно размерена; скромная и спокойная жизнь, систематическая упорная и полезная работа создавали спокойное, сытое, более зажиточное в общей массе и предусмотренное заранее благополучное существование. Бедности, страданий от лишений и голода, зависти к первенству в Парагвае действительно не было. Весь коллектив в целом бесспорно благоденствовал. Эти положительные результаты смели дух вольности и создали в конце концов известную привязанность обезличенной и сытой паствы к своим руководителям. Впоследствии, после ряда поколений, часть туземцев по ликвидации иезуитского правления долго и неліцемерно о нем сожалела.

Но зато радости индивидуальной свободы и жгучие ощущения личного успеха и благосостояния здесь отсутствовали, как бы подчеркивая еще раз непримиримость вековой проблемы: индивидуум и коллектив. Даже наиболее пламенный защитник иезуитов Фунес сознается, что в миссиях не было достаточно свободы, но утешается тем, чем утешаются тираны всех времен и народов: «еще не настало время дать народу свободу».

Такова краткая история Парагвайского коммунистического эксперимента.

Глава II.

КОНЕЦ ПАРАГВАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

I.

Парагвайский эксперимент был очень поучителен и в общих своих чертах, и в деталях. С внешней стороны можно думать, что отцы - иезуиты, приняв определенное решение социальной проблемы, так же остановились перед теми же вековыми вопросами, как и мы, и так же стремились к их посильному разрешению. Но сравнение таких двух эпох, как парагвайская и современная, невозможно.

Во-первых, между тридцатыми и сороковыми годами XVI века и двадцатыми годами XX прошли три больших столетия. Развились крупная капиталистическая промышленность, мировой рынок и его сложные экономические отношения между буржуазией и пролетариатом.

Во - вторых, никаких исторических социально - экономических предпосылок для парагвайского эксперимента не было. Коммунизм в Парагвае не был следствием революционного изменения хозяйственного строя. Здесь не было исторического процесса, не было пролетариата. К тому же, конец Парагвая близился. Иезуиты отступили от заветов ордена, монашеского и аполитичного. Парагвайское государство сформировалось в эпоху наибольшего внешнего успеха ордена иезуитов, история расцвета которого оканчивается в середине XVIII века. Неповиновение папе в отдельных странах, обогащение миссий и раздоры с другими орденами вызвали враждебное отношение к ордену как в Риме, так и в других государствах, что, в конце концов, привело к падению ордена.

Первым предвестником гонения являлось нападение Рима на колониальную торговлю ордена. А именно, в 1743 году папа Бенедикт XV издал особую буллу, направленную против торговли иезуитов, как деяния, совершенно противоречащего духу канонических установлений.

В Южной Америке были также и свои социальные причины политического кризиса. В 1750 году в силу договора между Испанией и Португалией та часть Парагвая, где находились и редукции иезуитов, должна была отойти к Португалии. Иезуиты и туземцы частью выселились из Парагвая, причем, большинство туземцев - переселенцев при этом просто разбежалось и выселилось, частью просто воспротивилось вооруженною силою. Произошли столкновения. В итоге последовало суровое судебное расследование. Дни парагвайской самостоятельности были сочтены...

Следствие еще не закончилось, как в 1758 году произошло покушение на португальского короля Иосифа I. Министр Карвало, маркиз де Помбаль, обвинил в участии в заговоре иезуитов, которые вследствие этого и в силу специально изданного эдикта (3 сентября 1759 года) были изгнаны из Португалии. Это произошло в 1768 году. Так был подсечен в корне питательный ствол иезуитского ордена. Колония лишилась организационной связи с метрополией. В итоге «дела» парагвайские миссионеры были арестованы и привезены в Италию, в Папскую область, а 3 августа все вообще иезуиты были навсегда изгнаны из Португалии.

Парагвайское государство иезуитов прекратило тем самым свое официальное существование. Так неожиданно окончилась их история.

Вскоре, в 1764 году, иезуиты были изгнаны из Франции, а еще три года спустя из Испании. В 1773 году бреве (Breve, назв. послания римского папы - прим. Сердоболя) папы Климента XIV (под названием Dominus et Redemptor noster) объявил орден уничтоженным; хотя он существовал ряд лет в некоторых странах, но уже не мог настолько оправиться, чтобы вернуть себе власть в Южной Америке. Отцы-иезуиты туда уже больше не вернулись. Их дело, как мы видели, насильственно оборвалось внешним вмешательством.

Насильственно обезглавленный организм еще некоторое короткое время существовал. Население пыталось заступиться за своих патеров, и некоторое

время государство, как связанное целое, еще существовало. Но это государство уже было трупом, нежизнеспособным и бездеятельным. Государственный механизм без управления остановился и распался. Население начало еще быстрее и энергичнее разбегаться.

II.

Отцы-иезуиты, вводя в своей республике коммунистическое хозяйство, не следовали никакому определенному учению или плану, да и не могли ему следовать, так как вообще сочинения или письменного практического изображения коммунистического идеала в их эпоху еще не существовало. Их государство не являлось и попыткой осуществить какую-либо из социальных утопий - Платона, Мора или Кампанеллы - на практике, хотя некоторые впоследствии несправедливо изобличали их в заимствовании идей из «Государства Солнца». Коммунизм у опекаемых туземцев складывался сам собою под влиянием религиозных соображений - с одной стороны и условий создаваемого государства - с другой. Религиозные соображения покоились на христианской догматике, а социально-экономические условия диктовали необходимость введения определенности, имущественного равенства и централизации хозяйственного управления. Всему этому больше всего соответствовала система потребительного коммунизма, который не трудно было ввести у диких племен.

Интересно, что иезуиты во всех миссиях Южной Америки приходили к необходимости организовывать именно коммунистические организации. Управление жизнью общины извне стоящею властью естественно приводило к коллективному строю и хозяйству. Стремление дать имущественное обеспечение и равенство членам общины также приводило к той же системе. Наконец, она была в духе монашеских орденов и первых веков христианства, а потому поддерживалась и религиозными идеалами.

Вообще вся организация коммунизма в Парагвайской республике носила на себе печать католического монашеского ордена. Уставы Бенедикта Нурсийского или ордена Лойолы содержат правила, аналогичные с правилами Мацеты и Кальдино: то же отсутствие личной собственности, личной инициативы, непрерывное богослужение, та же система отношений и наказаний, тот же образ жизни и порядок житейского уклада.

III.

ПАРАГВАЙСКИЙ СТРОЙ ПРИ СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИЗМА

Великая мировая война, как результат империализма и разгула буржуазного строя, естественно усилила развитие социализма и дала возможность первого в мире осуществления в государственном масштабе коммунизма. В основе последнего лежит организация планомерности всего народного хозяйства, бывшего в руках буржуазии стихийным и неорганизованным. Пролетарский строй стремится вместо «порядка», при котором господствуют эксплуататоры, водворить интересы эксплуатируемой ранее широкой массы трудящихся. Поэтому коммунизм Советской России служит показателем пути, по которому неизбежно должен идти мировой пролетариат. Здесь с громадными

ми усилиями осуществляются первые зачатки той великой хозяйственной системы, которая, в конце концов, неизбежно разовьется во всем мире. Спрашивается, не является ли Парагвайское государство первым этапом по пути осуществления великой цели?

Между коммунизмом Парагвая XVII века и современным коммунизмом России, вводимым как результат пролетарской диктатуры, лежит глубочайшая пропасть. Парагвайский коммунизм - коммунизм мнимый, чисто внешний. Это даже не утопический коммунизм - с ним у него нет никакой связи. В Парагвае мы видим только введение внешних форм общей монашеской жизни, но без ее суровой хозяйственной принципиальности и той идеологии, которая объединяла верующих для жизненного подвига. В Парагвае отсутствует какая бы то ни была идеология, сознательная и усвоенная массой. Вообще бывшая идеология утопического социализма рекомендовала или мирный путь убеждения и пропаганды, или медленный путь перевоспитания в новых принципах, как возможный в любой исторической обстановке.

Современная коммунистическая идеология - результат исторического процесса. И покоится она на учении о классовой структуре общества и классовой борьбе. Пролетариат, свергая буржуазию, немедленно и насильственно, смело и революционно осуществляет новый строй, основанный на антитезе существующему. Основами современного коммунизма являются: отмена частной собственности на землю и орудия производства, обобществление орудий производства и ведение хозяйства по принципам централизации и планомерности, т. е. коллективизма.

Сознание наличности и важности мирового рынка и мировой международной связи народов, т. е. невозможности создать только в одной из европейских стран коммунистическое хозяйство при общей мировой системе индивидуализма, приводит к признанию, что необходима единовременная социальная революция во всем буржуазном мире.

Вторая отличительная черта современности - проведение социальной резолюции силами самого населения (т. е. изнутри), населения, наибольшим по численности классом, трудящимся, при помощи захвата ими политической власти.

Наконец, третья отличительная черта: коммунизм - не исходный пункт, не первый этап социального развития, а заключительный финал, итог назревшего процесса, в котором он завершает разрушение старого мира и приходит ему на смену.

Не обширные исторические волны поочередной смены преимущественно индивидуалистической или преимущественно коллективистической эпохи, гармонических и анти гармонических эпох, как фантазировал великий утопист Фурье, а погребение старого буржуазного индивидуализма навсегда под сенью растущего и крепнущего коллективизма - вот итог социалистического движения.

Таким образом, перед нами в Парагвае не зародыш сложной социально-исторической проблемы, той великой проблемы момента, в который мы живем, а

нечто только внешне напоминающее давно минувший монашеский строй, но даже без его значительно-го внутреннего содержания.

К тому же коммунизм современности не покоится на религии и деспотизме чужого мировоззрения. Он представляет собой необходимый результат всего исторического развития буржуазного строя, результат усилий и борьбы всего рабочего класса. Коммунистический строй современности, имея иной смысл и иное содержание, организуется иным способом и на основе иных причин, чем наивный «парагвайский» Эксперимент отцов-иезуитов. Между парагвайским «опытом» и современной мировой проблемой - социологическое и философское расстояние, не поддающееся сравнению. Это несоизмеримые величины.

Ныне вопросы коммунизма приобретают первостепенное мировое значение; коммунизм нашего времени - целое, целостное и научное мировоззрение, плод борьбы и завоеваний мирового пролетариата.

Как далека от него судьба кучки фанатичных и ревностных сынов Лойолы на заре американской истории в далеких девственных прериях Южной Америки!.. Пусть их энергия и ошибки вызывают в XX веке ироническую улыбку; пусть, действительно, они только обогащали свой орден, но ведь эти заброшенные в прерии фанатики католицизма, отрешаясь от личной жизни и личного счастья, конечно, все же пытались по-своему решать великую социальную проблему европейской культуры. Ведь они пламенно желали земного рая, не щадя ни себя, ни других, наивно думая, что насильственно-вводимый внешний коммунизм в соединении с религией - тоже путь для переустройства общества.

Кто откажет им в самоотречении и мужестве, в героическом дерзновении и беспримерной стойкости?

Между тем история учит, что только материальные условия, условия производства создают объективные условия для создания обстановки, помогающей пересозданию общества. Их налицо в той обстановке и в той эпохе совершенно не было.

В Парагвайском эксперименте было бы ошибочным искать намеков на идеалы современного революционного пролетариата. Он был, по сути, искажением самой идеи и смысла коммунизма. Без корней в прошлом и в реальных условиях этот вид «коммунизма» не мог существовать. Он так же неожиданно возник, как и погиб, сойдя со сцены мировой истории.

По мотивам описываемых в книге исторических событий в 1986 году был снят художественный фильм «Миссия» (реж. Ролан Жоффе, в гл. ролях Джереми Айронс и Роберт Де Ниро)

- примечание «Сердоболя»

TIIVISTELMÄ

Aihe "Valamo punaisen lipun alla "

Tämä julkaisu on omistettu kokonaan yhdelle aiheelle - Valamon historian neuvostoliiton ajalle. Esillä on ainutlaatuinen arkistoaineisto mukaan lukien aineisto yksityisistä kokoelmista, jotka yhdessä valottavat ja hälventävät myyttejä elämästä saarella ja työstä Invaliditalon piirissä

Merimieskoulu ja sen laivasto (4)

Artikkeli kertoo Valamossa toimineesta merimiesten koulusta. Aineistoa keräsi kirjailija ja paikallinen kotiseutututkija Vladimir Sudakov. Ensimmäisen kerran se julkaistiin hänen kirjassaan "Väsymättömän muiston pelto". Merimiesten koulu saarella ei toiminut kauan. Kun vuonna 1941 alkoi toinen maailmansota, kaikki merimiehet taistelivat urhoollisesti, olivat partiointitehtävissä ja autoivat haavoittuneita. Entisten merimiesten muistelmista on otteita sekä valokuvia ja luonnoksia.

Valamon kalatehdas (12)

29. heinäkuuta v.1945 Valamon saari oli annettu Neuvostoliiton Metsä - ja paperiteollisuusministeriön alle. Näin Valamon kalatehdas on tullut siellä ministeriön ensimmäiseksi laitokseksi. Kalatehtaita oli kolme ja ne sijaitsivat eri puolilla Laatokkaa. Yhteenliittymä toimi vuodesta 1947 lähtien.

Invalidihoitotalo (20)

Valamon Invalidihoitotalo oli ollut saarella 34 vuotta (vv. 1950-1984). Tähän asti sen toiminnasta julkisuuteen tulleet tiedot olivat ristiriitaisia. Vuonna 2010 tuli televisiosta dokumenttielokuva "Hoitotalo. Petetyt ja unohdetut". Se herätti vaihtelevia reaktioita, sillä sen nähtiin ilmaisevan yksipuolista näkemystä tilanteesta hoitotalossa. Aikakauslehti "Serdobol" tutki aihetta ja esitti tulokset lukijoidensa arvioitaviksi. Artikkelissa esitetään myös ainutlaatuiset arkistovalokuvat sekä hoitotalon viimeinen johtaja V. Okunevin ja myös Valamon museon työntekijä L. Pechorinan muistelmat.

Museo-suojelualue (30)

Larisa Nikolaevna Pechorina - yksi ensimmäisistä Valamon museon työntekijöistä. Artikkelissa on hänen muistelmiaan sen perustamisesta, ensimmäisistä työntekijöistä ja näyttelyistä. Museon esineet kerättiin vähän kerrallaan, tutkien saarta jopa päivittäin. Hänen aloitteestaan järjestettiin näyttely "Taiteilijat - Valamon ystävät."

Asukkaat. Saarelaiset (42)

Osiossa julkaistaan kaksi artikkelia, jotka antavat käsityksen saaren "alkuasukkaiden" elämästä. Sen ensimmäinen osa on asukkaiden haastatteluja, jotka Petroskoin yliopiston opiskelijoiden kansanperinneretikikunta keräsi vuonna 1991. Paitsi valamolaisien tarinoita, esillä ovat myös opiskelijoiden omat muistelmat. Toinen osa on ote artikkelista "Hän toi Leninin ja pelasti temppelin". Se julkaistiin aiemmin aikakauslehden numerossa 4. Lisänä on kertomus yhdestä ensimmäisistä kyläneuvoston puheenjohtajista Valamossa, nimittäin Vera Iljinichna Kostjanajasta. Omasta aloitteestaan hän perusti muistomerkin Leninille Valamonsaarelle eikä antanut räjäyttää romahtamaisillaan olevaa Kristuksen kirkastumisen kirkkoa.

Opettaja (55)

Veronika Aleksandrovna Molchanova - yksi keskeisistä henkilöistä saaren Neuvostoliiton ajan historiassa. Hän oli pitkän aikaa koulun rehtorina, kyläneuvoston puheenjohtajana sekä valtuuston edustajana, mutta eniten hän on aina pitänyt kutsumuksenaan historianopettajan työtä. Artikkelin on Molchanovan kertomus itsestään, elämästään saarella ja saaren asukkaista.

Oppaat. Evgeny Kuznetsov (62)

E. Kuznetsov on ammatiltaan teatteriohjaaja. Hän oli ensimmäisiä oppaita Valamossa. Hän omisti saarelle noin 20 vuotta hänen elämäänsä. Muistoja työstä Kuznetsov julkaisi kirjassa "Valamon vihko". Otteita siitä hän julkaisee tässä numerossa.

Oppaat. Sergei Busahin ja Anatoli Kurshin (72)

Kaksi ystävää, kaksi lahjakasta taiteilijaa ja - opasta työskentelivät Valamossa vuosina 1985-2007. S. Busahin kirjoitti artikkeleita hänen päiväkirja-muistiinpanojensa mukaan. Ne kuvaavat oppaiden arkea sekä juhlaa, saaren elämän ominaisuuksia ja taiteilijoiden halua kehittää omia kykyjään. Aineistossa esitellään myös molempien ystävien taulujen jäljennöksiä.

Eläimet (90)

Laatokan syvissä vesissä elää kala, joka kutsutaan nimellä siika-valaamka. Sen liha on erikoismakuinen. Kalan ulkonäön erikoisena piirteenä on "struuma" ja siksi tämä siika tunnetaan myös nimellä struumasiika. Artikkelin pohjautuu erään Sortavalan kalastajan haastatteluun. Artikkelissa on julkaistu myös resepti "Siikaa vanhasuomalaisittain".

Vierailija. Dobrov (92)

Taiteilija Dobrovin muistelmat liittyvät vuoteen 1974, kun hän kävi Valamossa ja maalasi tauluihinsa sotainvalideja hoitokodista.

Arkisto

"Punainen lippu" Valamosta (104)

Osassa on esillä eri vuosien artikkelit Valamon elämästä Sortavalan sanomalehdessä.

Yleissuunnitelmasta "Lengiprogora" vv. 1982-1987 (107)

Artikkelissa kerrotaan asuinkylän toteutumattomista rakennushankkeista Valamossa. Paitsi hallinto - ja asuinrakennuksia, projekteissa käsiteltiin myös köysirata.

Vanha kirja (114)

Aikakauslehti "Serdobol" esittelee uutta osiota. Tässä numerossa se on nimellä "Kommunistinen valtakunta Paraguaissa XVII- ja XVIII- luvuilla". Kirjassa kuvataan rinnasteisena esimerkkinä Paraguain alkuasukkaiden yhteiseloa sikäläisen luostariyhteisön kanssa.

ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА «Сортавала ТОП» (Туризм Отдых Праздники)

представляет широкий спектр услуг по организации отдыха
в Северном Приладожье, на островах Ладожского озера,
по Республике Карелия,
дополнительные возможности по продвижению товаров и услуг,
расширению партнёрских связей и клиентской сети.

В программе выставки:
розыгрыш призов, развлекательные мероприятия,
мастер-классы, экскурсия по городу,
круглый стол для участников
и многое другое...

+7(81430)2-40-11

+7(921)620-43-33; +7(931)700-23-11

mail@sortavalatop.ru

www.sortavalatop.ru

"Пчеландия Сорта"

ИП Егоров А.В.

МЕСТО, ГДЕ ЖИВУТ ПЧЁЛЫ
КРУГЛЫЙ ГОД ЭКСКУРСИИ НА ПАСЕКУ
С ДЕГУСТАЦИЕЙ МЁДА И ЧАЯ

пос. Заозёрный 8(921)457-20-79 bee-na@mail.ru

* ГОСТЕВЫЕ ДОМИКИ *

www.bestrest.onego.ru

лодки баня
рыбалка стоянка

* на берегу Ладоги *

тел. +7 (921) 463-95-25

фирма "Асида" - ул. Комсомольская, дом №9
тел. +7(921) 01-81-4-81 и (81430) 478-38

ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛУГИ, СДЕЛКИ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

ПУТЕШЕСТВИЯ НА КВАДРОЦИКЛАХ

8(921)453-16-24 www.kareliaextreme.ru

KareliaExtreme

маршруты: учебные и экскурсионные,
однодневные и многодневные экспедиции,
рыбалка на лесных озерах, охота.

e-mail: office@kareliaextreme.ru

**УНИКАЛЬНЫЙ
В ЕВРОПЕ
ЕДИНСТВЕННЫЙ В РОССИИ
ПЕРВЫЙ В КАРЕЛИИ**

**ГОРНЫЙ ПАРК
РУСКЕАЛА**

Карелия, г.Сортавала, пос. Рускеала
+7(921) 461-40-13
+7(921) 526-11-11

экскурсии по каньону
дайвинг, лодочные прогулки
свадьбы, корпоративный отдых
кафе, парковка

www.kabnaskarelia.ru e-mail: mgr@nashpart@bk.ru

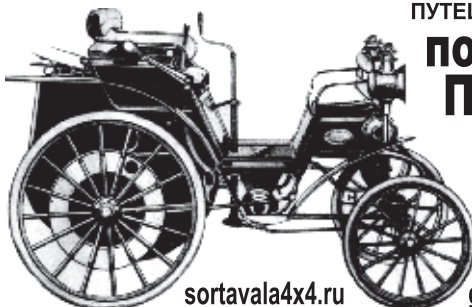
СПОРТИВНО-ТУРИСТСКИЙ АВТОКЛУБ "СОРТАВАЛА-ПОЛНЫЙ ПРИВОД"

ПУТЕШЕСТВИЯ И ЭКСКУРСИИ

**по Северному
Приладожью**

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЭКСПЕДИЦИИ

спортивные
СОРЕВНОВАНИЯ

sortavala4x4.ru

gruzdevpn@sortavala4x4.ru

100.8fm
СОРТАВАЛА

2-45-67 8(921)459-92-13

**РУССКОЕ
РАДИО**

ПН.-СБ. 8-17 ВОСКР. 8-15

ОВОЩИ, ФРУКТЫ

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ
НА СКЛАДЕ
В ШВЕДСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

ТЕЛЕФОНИРУЙТЕ
+7-(921)-465-21-29

НОВЫЙ БИЗНЕС-ЦЕНТР "ФЛАГМАН"

аренда офисных помещений
от 16 до 550 кв м
для комфортной работы

УЛ. ЧКАЛОВА, Д.3
+7(921)627-85-48

"ФЛАГМАН" №1 НА МОРЕ И В БИЗНЕСЕ
ГОРОДА СОРТАВАЛЫ

БАЗА ОТДЫХА

ГОСТИНИЦА

"КАУНИС"

"ЧЁРНЫЕ КАМНИ"

Коттеджи Гостиница
Рыбалка Бассейн
Снегоходы Бильярд
Солярий Пейтбол
Тренажерный зал
Баня на берегу озера

e-mail: hotelkaunis@onego.ru

КРАСИВАЯ ГОСТИНИЦА В КРАСИВОМ ГОРОДЕ

комфортабельные номера
в центре Сортавала
на берегу Ладожского озера

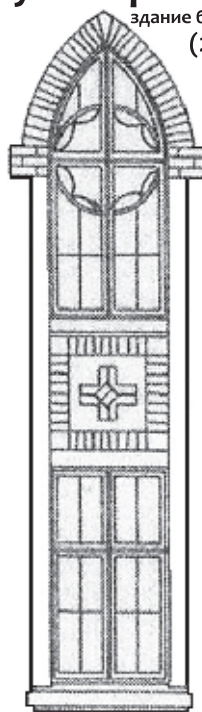
- бронирование мест
- заказ экскурсий

факс: (81430)24910, тел. (81430)24911
+7(921)4673415, +7(921)7018282

Карелия, 186790, г. Сортавала, ул. Ленина, 3

ЛАДОГА СТРОЙ

ул. Карельская, 42
здание бывшей типографии
(2 двор, 2 этаж)

ОКНА
ДВЕРИ
ЛОДЖИИ

оконные
профили:

SCHUCO

REHAU

KRAUSS

KBE

(81430)2-38-63
+7(931)701-89-59

По благословению
Игумена Спасо-Преображенского Валаамского монастыря
Епископа Троицкого Панкратия

ПРИЁМ ПАЛОМНИКОВ И ТУРИСТОВ
осуществляет
Паломническая служба Валаамского монастыря

"ВАЛААМСКИЙ ПАЛОМНИК"

Санкт-Петербург:

193124,
Синопская наб., д.34/36
тел.: +7(812) 902-86-11;
факс: +7(812) 902-86-10

Валаам:

186756, Республика Карелия
г. Сортавала, остров Валаам
тел.: +7(921) 014-86-00; +7(921) 011-62-57
факс: +7(921) 220-95-68; +7(921) 220-95-38

Москва:

125074,
ул. 2-я Тверская-Ямская, д.52
тел/факс: +7(495) 250-97-99

www.vp.valaam.ru; e-mail: vp@valaam.ru

ТУРКОМПЛЕКС "ДВОРИК С ТРУБОЙ"

ГОСТИНИЦА

танц.
ШОУ
живая
МУЗЫКА

ИНТЕРНЕТ WI-FI

РЕСТОРАН
- русская
- карельская
кухни
праздничные
программы

ночной
ДИСКО-БАР

лобби
БАР

на берегу
Ладожского озера

Тел/факс: (91830) 23240, +7(921) 526-1111, e-mail: prii.punpiha@kolmas.ru

www.kolmaskarelia.ru

КАРЕЛИЯ, СОРТАВАЛА, ул. Промышленная 44, +7(921) 457-0404